

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ –
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ**

**Стратегии межкультурного
взаимодействия
мигрантов и населения России**

**Москва
Российский университет дружбы народов
2009**

ББК 60.5
С 83

Исследования поддержаны Научным фондом Государственного университета – Высшей школы экономики «Учитель – Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

С 83 Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. – М.: РУДН, 2009. – 420 с.: ил.

ISBN 978-5-209-03213-7

В сборнике представлены результаты эмпирических исследований аккультурации мигрантов и межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах Центральной и Южной России: Москва, Ставропольский край, Пенза, Кабардино-Балкарская Республика. Исследования проведены как признанными учеными в области этнической и кросскультурной психологии, так и молодыми исследователями – студентами и аспирантами факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики. Результаты, полученные с использованием методологии Д. Берри (проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies) в российском контексте, отличаются научной новизной и практической значимостью.

Для специалистов, интересующихся социально-психологическими проблемами аккультурации мигрантов и стратегиями межкультурного взаимодействия.

@ Коллектив авторов. Отв. ред. Н.М.Лебедева, А.Н.Татарко, 2009
@ Российский университет дружбы народов, Издательство, 2009

Содержание

Введение	5
<i>Лебедева Н.М.</i> Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России.	10
<i>Татарко А.Н.</i> Методология и методика исследования аккультурации и межкультурного взаимодействия.	63
<i>Лебедева Н.М.</i> Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ.....	90
<i>Татарко А.Н.</i> Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам.....	140
<i>Жмакин Б.</i> Особенности аккультурации мигрантов из стран СНГ и регионов России в мегаполисе.	164
<i>Гарибян К.Д., Буре А.С.</i> Социально-психологические проблемы аккультурации армянских мигрантов в Москве.	194
<i>Ефремова М.В.</i> Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае.....	224

<i>Боттаева З.Х.</i> Влияние стратегий адаптации трудовых мигрантов на их психологическое благополучие.	250
<i>Кравченко А.О.</i> Социально-психологические факторы этнической толерантности мигрантов и принимающего населения в Пензе и Ставропольском крае.....	283
<i>Галяпина В.Н.</i> Ценности как фактор социокультурной адаптации беженцев из Южной Осетии.....	299
<i>Лебедева Н.М., Татарко А.Н.</i> Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае.....	331
Заключение.....	372
Наши авторы.....	377
Приложение 1. Анкета для опроса представителей принимающего населения.....	379
Приложение 2. Анкета для опроса инокультурных мигрантов.....	400

Введение

Трудовые мигранты в настоящее время играют все более заметную роль в экономике России, сальдо миграции в Россию на протяжении многих лет остается положительным. В связи с огромным притоком разных категорий мигрантов в города Центральной и Южной России остро встает проблема взаимной культурной и психологической адаптации мигрантов и принимающего населения. В целях снижения межэтнической напряженности необходимы эмпирические исследования взаимных установок и ожиданий мигрантов и принимающего населения, степени их совпадения или несовпадения, а также – стратегий межкультурного общения в практике повседневного межгруппового и межличностного взаимодействия.

Межкультурные стратегии, характерны для любых социальных групп (явно или неявно), вступающих в межкультурные отношения. Будучи иммигрантами или коренными жителями, индивиды и группы людей имеют определенные предпочтения относительно контактов своей группы с другими, которые называются «стратегиями аккультурации».

Исследования доминирующих групп показали, что существуют определенные ожидания относительно того, как именно меньшинства должны «приспосабливаться» к большинству – «аккультурационные ожидания». Помимо них, в доминирующей группе существуют определенные представления о том, как эта группа сама должна измениться, чтобы успешно взаимодействовать с другими группами в обществе – «идеология мультикультурализма».

Ситуации, в которых предпочтение отдается стратегии интеграции, и эта стратегия успешно используется, способствуют наиболее успешной психологической адаптации (ощущение благополучия и высокая самооценка) и социо-

культурной адаптации (компетентность в повседневном межкультурном взаимодействии. Более того, исследования Дж. Берри с коллегами показывают, что те мигранты, которые выбирают интеграцию, подвергаются дискриминации значительно реже, чем выбравшие стратегии сепарации или маргинализации.

Адаптация и аккультурация трудовых мигрантов и их потомков в России имеет не только социальное значение, она связана с экономическим благополучием и процветанием России в будущем. Успешное разрешение этой задачи основывается на практическом понимании ряда факторов, влияющих на взаимоотношения групп: это политические, экономические, культурные, а также психологические характеристики групп мигрантов и принимающего населения. Поэтому цель исследований, которые были реализованы авторами статей данного сборника, заключалась в выявлении факторов, способствующих снижению конфликтного потенциала во взаимодействии инокультурных мигрантов и принимающего населения, а также – изучении и сопоставлении стратегий их взаимодействия.

Данный сборник, являющийся итогом работы научного коллектива, состоит из Введения, Заключения и одиннадцати статей. Исследование, результаты которого представлены в сборнике, проведено с использованием методологии Дж. Берри (проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies).

Первая статья Н.М. Лебедевой «Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России» посвящена рассмотрению теоретических основ исследования, результаты которого легли в основу текстов данного сборника.

В статье А.Н. Татарко «Методология и методика исследования аккультурации и межкультурного взаимодейст-

вия» подробно рассматриваются теоретико-методологические основы исследования, а также дается подробное описание исследовательского инструментария с приведением психометрических норм.

Статья Н.М. Лебедевой «Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ» посвящена подробному анализу взаимных аккультурационных установок мигрантов и принимающего населения г. Москвы.

В работе А.Н. Татарко «Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам» рассматривается, насколько принимающее население (в данном случае, жители Москвы) воспринимает мигрантов в качестве объекта потенциальной угрозы, и каковы могут быть последствия такого восприятия инокультурных мигрантов.

В статье Б.И. Жмакина «Особенности аккультурации мигрантов из стран СНГ и регионов России в мегаполисе» представлены результаты эмпирического исследования особенностей аккультурации мигрантов из стран СНГ и регионов России в Москве. Проведен статистический и психологический анализ взаимных установок этих групп и особенностей их аккультурации в мегаполисе в современных условиях (2008 – 2009 г). Установлено, что внутренние мигранты более благосклонно относятся к внешним мигрантам, чем внешние – к внутренним.

В статье К.Д. Гарибян и А.С. Буре «Социально-психологические проблемы аккультурации армянских мигрантов в Москве» рассмотрены культурно-психологические факторы, обуславливающие успешную социокультурную адаптацию армянских мигрантов, а также – их психологическое благополучие и психическое здоровье. Рассмотрены стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и ожидания принимающего населения в поликультурном мегаполисе.

В работе М.В. Ефремовой «Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае» изучалось, как характеристики идентичности могут влиять на установки инокультурных мигрантов, на социокультурную адаптацию и психологическое здоровье мигрантов в поликультурных регионах. В исследовании приняли участие представители четырех наиболее многочисленных этнических групп (армяне, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы) Центрального и Южного федеральных округов.

В статье З.Х. Боттаевой «Влияние стратегий адаптации трудовых мигрантов на их психологическое благополучие» представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических характеристик мигрантов Москвы – чеченцев и балкарцев, и русских мигрантов Кабардино-Балкарской республики. В работе рассмотрены, какие именно аккультурационные стратегии обуславливают более успешную социокультурную адаптацию мигрантов, а также их психологическое благополучие и психологическое здоровье.

Статья О.А. Кравченко «Социально-психологические факторы этнической толерантности мигрантов и принимающего населения в Пензе и Ставропольском крае» посвящена изучению отношений между принимающим населением и мигрантами в двух регионах России. В исследовании приняли участие русские, проживающие в Пензенской области и Ставропольском крае и армяне, переехавшие в данные регионы.

Исследование В.Н. Галяпиной «Ценности как фактор социокультурной адаптации беженцев из Южной Осетии» посвящено проблемам адаптации и интеграции вынужденных мигрантов в российское общество. В нем отражены отдельные стороны процесса адаптации переселенцев и беженцев к новым условиям жизни в России и выявлены взаимосвязи между ценностными ориентациями осетин,

вынужденно покинувших Южную Осетию, и особенностями их социокультурной адаптации на территории Северной Осетии-Алании.

В заключительной статье Н.М. Лебедевой и А.Н. Тарко «Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае» подводятся итоги исследования и сопоставляются стратегии аккультурации/аккультурационные ожидания мигрантов и принимающего населения данных двух регионов.

Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России¹

К постановке проблемы

Согласно данным ООН, Российская Федерация занимает второе место в мире (после США) по количеству иммигрантов [United Nations, 2005] – свыше 12 млн. человек, что составляет 6,4 % населения страны (см. табл. 1)

Рост современных межэтнических или межнациональных миграций, по мнению специалистов, является серьезным фактором вызова для мировой социальной, экономической и политической систем. Особая ситуация с этническими миграциями возникла на территории бывшего СССР после его распада и образования новых независимых государств. По оценкам Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, в результате распада СССР свыше 60 млн. человек оказалось за границей [Лебедева, 1999; Ионцев и др., 2001]. В начале XXI столетия миграция на пространстве бывшего СССР не снизила своей интенсивности.

Трудовые мигранты в настоящее время играют все более заметную роль в экономике России, сальдо миграции в Россию на протяжении многих лет остается положительным. В связи с огромным притоком разных категорий мигрантов в города Центральной и Южной России остро встает проблема взаимной культурной и психологической адап-

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг.(№ 08-04-0007) и РФНФ (№ 08-06-00702а).

тации мигрантов и принимающего населения. В целях снижения межэтнической напряженности необходимы эмпирические исследования взаимных установок и ожиданий мигрантов и принимающего населения, степени их реципрокности (совпадения-несовпадения), а также – стратегий межкультурного общения в практике повседневного межгруппового и межличностного взаимодействия. Адаптация и аккультурация трудовых мигрантов и их потомков в России имеет не только социальное значение, она связана с экономическим благополучием и процветанием России в будущем.

Таблица 1

Страны мира с наибольшим количеством иммигрантов

	Количество иммигрантов	Доля иммигрантов в популяции (%)
США	38,354,709	20.2
Российская Федерация	12,079,626	6.4
Германия	10,143,626	5.3
Франция	6,471,029	3.4
Саудовская Аравия	6,360,730	3.3
Канада	6,105,722	3.2
Индия	5,700,147	3.0
Великобритания	5,408,118	2.8

Испания	4,790,074	2.5
Австралия	4,097,204	2.2
Мир в целом	190,633,564	

Все чаще причинами асоциальных явлений в поликультурном мире становятся межнациональные, межрасовые конфликты, неприятие людьми друг друга, непонимание необходимости жить в поликультурной среде, а, скорее всего, и неумение к ней адаптироваться [Boucher et al., 1987; Pain, 2007]. В то же время необратимая глобализация, общий уровень политических и экономических отношений предполагает укрепление международных связей, превращение современного человека в «человека мира», что означает возможность его комфортного пребывания в любой, в том числе и поликультурной, среде. Именно поэтому в последнее время стали актуальны исследования, связанные с проблемами адаптации человека в новом социуме [Lee et al., 1999].

Анализируя процессы и результаты миграционных потоков, исследователи часто обращают внимание на свойства мигрантов, которые тем или иным образом способствуют их включению в новую культурную среду. Однако не менее важным представляется изучение факторов принимающей среды, характеристик доминирующей этнической группы для того, чтобы определить успех взаимодействия представителей различных этнических групп, а также судить о выбираемых стратегиях их взаимодействия. Немалая часть конфликтов иммигрантов и принимающего сообщества происходит от национального, этнического «высокомерия» коренных жителей города, региона, страны [Diaz-Guerrero, 1997].

В современной России социально-психологические проблемы этнических миграций и аккультурации разрабо-

таны недостаточно, несмотря на то, что потребность в продуманной, научно-обоснованной государственной миграционной политике чрезвычайно велика, и нужда в них чувствуется с каждым годом все острее.

В этой связи основная цель данного исследования – выявление факторов, способствующих успешной взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения в регионах России.

Психологические проблемы этнических миграций и аккультурации мигрантов

Под этническими миграциями понимаются случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое или культурное пространство [Лебедева, 1999].

Психологические проблемы этнических миграций связывают со следующими сторонами процесса миграции:

- а) причины и мотивы миграции и эмиграции;
- б) адаптация мигрантов к иной этнокультурной среде;
- в) адаптация мигрантов к иной природной (географической) среде;
- г) трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов.

Неизбежным результатом массовых этнических миграций становятся межэтнические (межкультурные) контакты на групповом уровне, когда мигранты вступают в более или менее длительное межкультурное взаимодействие с представителями доминирующей культуры. В современной науке описаны варианты этнических процессов, сопровож-

дающих миграцию: ассимиляция, сегрегация, маргинализация, интеграция и т.д.

Несмотря на обилие эмпирических исследований в современной западной кросскультурной психологии, проблема психологической аккультурации мигрантов до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных.

Общим положением является мнение, высказываемое большинством ученых, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросскультурной психологии введен термин **«культурный шок»**. «Культурный шок – это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры» [Furnham & Vochner, 1986].

Антрополог К. Оберг, первым использовал этот термин, выделив 6 аспектов культурного шока:

1) **напряжение**, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;

2) **чувство потери или лишения** (друзей, статуса, профессии и собственности);

3) **чувство отверженности**, представителями новой культуры или отвержения их;

4) **сбой** в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации;

5) **неожиданная тревога**, даже отвращение и негодование в результате осознания культурных различий;

6) **чувство неполноценности** от неспособности «совладать» с новой средой.

К. Оберг пишет, что каждая культура имеет множество символов социального окружения, как вербальных, так и невербальных (жестов, мимики) способов общения, с помощью которых мы ориентируемся и действуем в ситуациях повседневной жизни, и что наш душевный мир зависит от этих сигналов, многие из которых мы даже не осознаем. И когда вся эта незримая система свободной ориентации в мире внезапно становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение [Oberг, 1960; Лебедева, 1999].

Исследователи, работавшие после Оберга, рассматривали культурный шок как нормальную реакцию, как часть обычного процесса адаптации к культурному стрессу и проявление стремления к более понятной, стабильной и предсказуемой среде.

С начала 90-х годов более предпочитаемой и адекватной моделью изучения психологической адаптации мигрантов (по сравнению с господствовавшей в 70-80-х годах нашего века моделью «культурного шока»), считается так называемый «**стресс аккультурации**» [Berry, 1990].

Классическое определение аккультурации было дано в русле культурной антропологии в 1936 году: *«Аккультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, следствиями которого являются изменения элементов исходной культуры одной или обеих групп»* [цит. по Berry, 1990].

Таким образом, понятие аккультурации определяет изменения в исходной культуре вследствие групповой миграции и их результаты.

Данная модель описывает ситуацию, когда люди, адаптируясь в иной культуре, не могут с легкостью изменить свой поведенческий репертуар, и у них появляется серьезный конфликт в процессе аккультурации.

Преимущества этой модели:

- связь с психологическими моделями стресса;
- термин «шок» подразумевает негативный опыт, а в стрессе доступны и другие психологические процессы (оценка проблемы и стратегии преодоления стресса);
- источники возникших проблем лежат не в культуре, а в межкультурном взаимодействии (в процессе аккультурации).

Д. Берри предложил концептуальную схему для изучения аккультурации (см. рис. 1).

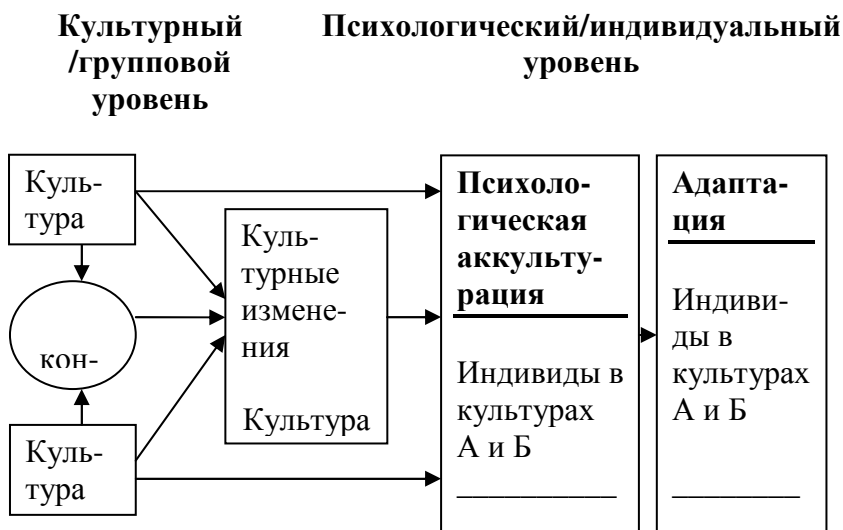

Рис. 1. Концептуальная схема изучения аккультурации [Berry, 2003].

На этой схеме представлены два уровня анализа: групповой (культурный) и индивидуальный (психологический). На уровне культуры вступающие в контакт группы (доминирующие или недоминирующие) обычно обладают неким представлением о своих действиях (например, моти-

вы миграции, колониальная политика) или, наоборот, о том, какому влиянию они подвергаются во время контакта. Подобным образом стратегические цели этнокультурных групп оказывают влияние на выбираемые стратегии взаимной аккультурации.

На индивидуальном уровне изменения в поведении, а также проявления стресса аккультурации в какой-то степени оказываются под влиянием действий, совершаемых в процессе аккультурации, а долгосрочные результаты (психологическая и социокультурная адаптация) соответствуют стратегическим целям групп, к которым принадлежат индивиды.

В современной литературе по аккультурации проводится разделение между социокультурной и психологической адаптацией как конечными результатами долговременной аккультурации.

Психологическая адаптация относится к совокупности внутренних психологических последствий (ясное чувство личной или культурной идентичности, хорошее психологическое здоровье и достижение психологической удовлетворенности в новом культурном контексте).

Социокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой средой, включая их способность решать ежедневные социально-культурные проблемы (в семье, в быту, на работе и в школе).

В современной литературе по аккультурации проводится разделение между социокультурной и психологической адаптацией как конечными результатами долговременной аккультурации.

Психологическая адаптация относится к совокупности внутренних психологических последствий (ясное чувство личной или культурной идентичности, хорошее психологическое здоровье и достижение психологической удовлетворенности в новом культурном контексте).

Социокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой средой, включая их способность решать ежедневные социально-культурные проблемы (в семье, в быту, на работе и в школе).

Причины концептуального разделения двух на практике связанных между собой типов адаптации таковы:

- факторы, влияющие на эти два типа адаптации, часто различны,

- психологическая адаптация может быть лучше проанализирована в контексте стресса и психопатологии, а социокультурная – в русле концепции социальных навыков.

В настоящее время введен третий вариант адаптации – экономическая адаптация. Она характеризуется наличием или отсутствием работы, удовлетворенностью ею, уровнем профессиональных достижений и благосостояния в новой культуре [Лебедева, 1999].

Конечный результат аккультурации – достигнутая долговременная адаптация, которая характеризуется относительно стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды. Адаптация может привести или не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать в себя не только приспособление, но и сопротивление, и попытки изменить свою среду или измениться взаимно.

В этом смысле адаптация – необязательно *позитивно валентный* результат, в современных подходах используется биполярный смысл понятия адаптации: она может быть крайне разнообразна и представляет собой определенный континуум от позитивных значений к негативным: от ситуации, в которой индивиды справляются со своей новой жизнью очень успешно, до той, в которой они не способны вписаться в новое общество [Berry, 1990].

Психологическая адаптация (определяемая психологической удовлетворенностью и хорошим физиологическим

самочувствием) и социокультурная адаптация (то, как индивиды преодолевают трудности повседневной жизни в новом культурном контексте) эмпирически взаимосвязаны (к корреляции 0,4-0,5).

Анализ факторов, влияющих на адаптацию, выявил их взаимную дополнительность: хорошая психологическая адаптация зависит от *личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки*, а хорошая социокультурная адаптация зависит от *знания культуры, степени включенности в контакты и межгрупповых установок* [Лебедева, 1999].

Понятие о стратегиях аккультурации

Согласно теории аккультурации, разработанной Д. Берри, процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными проблемами, которые решает иммигрант: **поддержание культуры** (в какой степени им признается важность сохранения культурной идентичности) и **участие в межкультурных контактах** (в какой степени ему следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»).

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: **ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция** [Berry, 1990] – см. рис. 2 (слева).

Ассимиляция – вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит.

Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности.

Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом является этнокультурная **марги-**

нализация. Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации).

Интеграция характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами.

Согласно данным многочисленных исследований, эмигранты, прибывающие на постоянное жительство, более склонны к ассимиляции, чем временно пребывающие в данной стране. В свою очередь, люди, эмигрирующие в целях получения образования или экономических, ассимилируются довольно легко, в то время как беженцы (refugees), как бы «вытолкнутые» политическими катаклизмами, психологически сопротивляются разрыву связей с родиной, и ассимилируются гораздо дольше и с большими трудностями [Furnham, Bochner, 1986].

В более ранних исследованиях считалось, что лучший вариант культурной адаптации – ассимиляция с доминирующей культурой. Современный взгляд на данную проблему – что более реальным и более успешным для этнических меньшинств является бикультурализм, достигаемый в процессе интеграции.

При этом этническая сохранность (сохранение этнической идентичности), долгое время рассматриваемая как дисфункциональная, на самом деле может играть позитивную роль по уменьшению культурного шока для недобровольных мигрантов и поддержания позитивной самоидентификации [Berry et al., 1992].

Две главные цели, преследуемые в процессе аккультурации, изначально рассматривались только с точки зрения недоминирующих этнокультурных групп. Однако определения аккультурационного процесса указывали на то, что в него включены обе контактирующие группы. Поэтому в

1974 году было добавлено измерение влияния доминирующей группы на процесс взаимной аккультурации [Berry, 1974, 1980]. Введение этого измерения привело к появлению дублирующей структуры аккультурации (на рис. 2 справа). Ассимиляция, проводимая доминирующей группой, получила название стратегии *плавильного котла*. Сепарация в терминах доминирующей группы становится *сегрегацией*, а маргинализация – *исключением*. Наконец, в случае интеграции, когда культурное разнообразие становится целью общества в целом, говорят о стратегии взаимного приспособления или *мультикультурализма*.

В случае с доминирующей группой стратегии аккультурации получили название *аккультурационных ожиданий* [Berry, 2003], а вместе их можно определить как *стратегии межкультурного взаимодействия*.

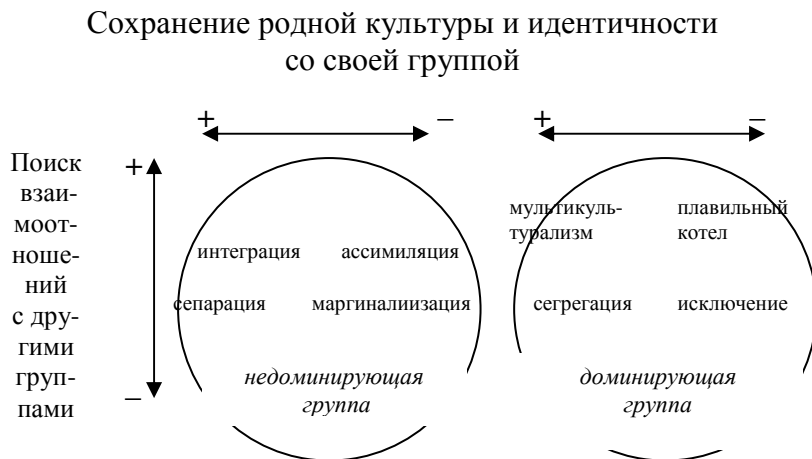

Рис. 2. Стратегии межкультурного взаимодействия этнических групп в социуме [Berry, 2003]

Предполагается, что недоминантные группы и их члены свободны в выборе стратегии аккультурации, но это не всегда так. Выборы стратегий аккультурации, как и установки на них, могут широко варьировать [Berry, 1990].

Было проведено множество исследований аккультурационных стратегий в недоминирующих группах [Sam & Berry, 2006]. В большинстве исследований интеграция оказалась самой предпочтительной, а маргинализация – наименее желательной стратегией. Одно из самых известных исключений – турки в Германии [Piontkowski et al., 2000] и турки с низким социально-экономическим статусом в Канаде [Ataca & Berry, 2002], которые предпочитают сепарацию интеграции. Подобные результаты были получены для некоторых коренных народов в разных странах мира [Berry, 1999], однако в большинстве случаев стратегия интеграции оказывается наиболее предпочтительной [Mishra, Sinha & Berry, 1996]. Недавние исследования [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006] молодых иммигрантов в тринадцати странах мира показали, что четыре типа аккультурационных установок соответствуют определенным типам поведения в процессе аккультурации, типам формирования культурной идентичности и уровням владения языком. В итоге были сформулированы четыре индивидуальных типа (называемые *аккультурационными профилями*), которые соотносятся с четырьмя аккультурационными стратегиями, описанными выше.

Несмотря на то, что изначально аккультурация понималась как взаимный процесс, исследований *аккультурационных ожиданий* представителей доминирующих групп гораздо меньше. В Канаде реализуется программа, использующая шкалу *мультикультурной идеологии* для опроса жителей по всей стране. Эта шкала составлена из вопросов на поддержание стратегии интеграции (на положительном полюсе шкалы) и вопросов на поддержание трех других стратегий (на отрицательном полюсе). Согласно ре-

зультатам исследования, с начала 80-х годов предпочтение стратегии мультикультурализма (интеграции) возросло приблизительно с 65 % до 70 %, что свидетельствует об общем и возрастающем признании мультикультурной модели поликультурного общества [Berry & Kalin, 1995].

Другой подход к этой проблеме представлен исследованием Горенчика [Horenczyk, 1997], который изучал восприятие русскими иммигрантами в Израиле *аккультурационных ожиданий* израильтян. Чаще всего иммигранты отмечали, что от них ожидают аккультурации по типу интеграции, реже они отмечали ожидания аккультурации по типу ассимиляции и сепарации. Такая закономерность объясняется массовым отходом от идеологии ассимиляции, ранее доминировавшей в Израиле. Новые установки и ожидания учитывают аккультурационные стратегии иммигрантов, которые в большей степени ориентированы на интеграцию.

Исследование установок принимающего общества, проведенное в Европе на выборках из Германии, Швейцарии и Словакии, показало, что в целом, стратегия интеграции оказалась наиболее предпочтительной, хотя степень выраженности предпочтений различалась для доминирующей и недоминирующей групп. Например, в доминирующих группах Германии и Швейцарии, склонность к интеграции не сильно превосходила предпочтение ассимиляции, кроме того, швейцарцы выражали значительное стремление к сепарации и маргинализации мигрантов из бывшей Югославии. В Словакии были выявлены близкие по уровню соотношения: примерно по 30 % в пользу интеграции, ассимиляции и маргинализации по отношению к проживающим в стране венграм. Между стратегиями доминирующей и недоминирующей групп было выявлено несоответствие, особенно для турков в Германии, для югославов в Швейцарии и венгров в Словакии [Piontkowski et al., 2000].

Что касается других ограничений выбора стратегии аккультурации, то, например, физические черты могут

«противопоставлять» иммигрантов принимающему обществу (корейцы в Канаде или турки в Германии). В результате такие люди становятся объектом предрассудков и дискриминации и, следовательно, поневоле ассимилируются, чтобы не быть отвергнутыми [Berry et al, 1992].

Как показывает мировой опыт, только интеграция может быть добровольно выбранной и успешной стратегией аккультурации у групп этнических меньшинств, когда основные установки доминирующей группы по отношению к культурным различиям – открытость и принятие.

Для достижения интеграции требуется **взаимное приспособление**, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп жить как культурно различные народы. Эта стратегия требует от недоминантной группы адаптации к основным ценностям доминирующего общества, а доминирующее большинство должно быть готово адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп мультикультурного общества.

Психологические парадигмы межкультурного взаимодействия

В 90-е годы XX столетия проблема межкультурных контактов и их последствий, часто трагических, стимулировала особый интерес социальных психологов к изучению психологической природы межэтнического взаимодействия. Могут ли культурно-различные группы жить в одном государстве на равных правах, без взаимных обид, столкновений, претензий на доминирование? Если могут, то каковы психологические факторы, лежащие в основе толерантного межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия? Как рост значимости этнической и религиозной принадлежности в жизни людей влияет на рост этнической и конфессиональной толерантности-интолерантности? Все эти вопросы не только и не столько лежат в поле научных интересов специалистов, сколько вызваны реальной практикой межэтнического взаимодействия в России после распада СССР.

Изучение межэтнических установок в поликультурных обществах в прошлом преимущественно сводилось к исследованию установок этнического большинства (или всего общества) по отношению к этническим меньшинствам. Социальная психология этнических предрасположений развивалась преимущественно в США и представляла собой установки белого большинства европейского происхождения по отношению к чернокожим, евреям и другим меньшинствам [Duckitt, 1994]. Установки же меньшинств по отношению к этническому большинству и взаимные установки разных этнических групп по отношению друг к другу изучались намного реже. Однако, в поликультурном обществе более адекватным является множественный сравнительный подход, когда анализируются взаимные установки (аттитюды) представителей разных этнических групп [Berry, 1984].

Одними из немногих исследований установок этнических групп в поликультурном обществе являются исследование Бревер и Кемпбелла, изучавших взаимные аттитюды нескольких этнокультурных групп в Южной Африке [Brewer & Campbell, 1976] и исследование Берри и Калина, изучавших взаимные установки пяти наиболее многочисленных групп в Канаде [Berry & Kalin, 1979]. Оба исследования фокусируются на таких проблемах как *этноцентризм, иерархия статусов этнических групп, согласованность межгрупповых установок, взаимность оценок* между многочисленными этническими группами в поликультурных обществах ЮАР и Канады и опираются на теоретические идеи, выраженные в работе Ле Вайна и Кемпбелла «Этноцентризм: теории конфликта, установок и группового поведения» [Le Vine & Campbell, 1972].

Согласно *теории социальной категоризации и социальной идентичности* А. Тэшфела – Дж. Тернера, одним из последствий социальной категоризации является ингрупповой фаворитизм, т.е. приписывание позитивных черт ин-

группе и стремление к выигрышу своей группы [Doise & Sinclair, 1973]. Ингрупповой фаворитизм одновременно включает в себя негативное межличностное восприятие членов аутгруппы [Turner et al., 1983]. Ингрупповое предпочтение может уменьшаться, когда членство в социальной группе «пересекающееся», т. е. когда члены различных групп являются представителями аутгрупп по одному критерию (например, этничность), но членами ингрупп по другому критерию (например, религия) [Deschamps & Doise, 1978]. Также установлено [Gaertner et al, 1994], что ингрупповой фаворитизм снижается, когда члены разных групп формируют общую идентичность (например, когда объединяются в одну группу как граждане одного государства: «американцы», «швейцарцы», «россияне» и т. д.). Другим способом снизить ингрупповой фаворитизм является использование «безоценочной» дифференциации, когда группы выполняют в равной мере ценные, но разные роли [Thalhofer, 1993].

По мнению ряда ученых, теория социальной идентичности более приложима к коллективистским культурам, хотя и была разработана в индивидуалистических культурах [Hinkle & Brown, 1990].

Ряд исследований показывает, что члены коллективистских культур более сдержанны в проявлении межгрупповой дискриминации, чем члены индивидуалистических культур [Wetherell, 1982; Gudykunst & Ting-Toomey, 1988], но когда между группами существует значительная напряженность или даже ненависть, то члены коллективистских культур склонны к большей межгрупповой дискриминации, чем представители индивидуалистических культур. Люди из коллективистских культур проводят более резкие деления между членами ингруппы и аутгруппы [Triandis, 1988]. Если индивидуалисты ценят разнообразие (гетерогенность) в своей ингруппе, то коллективисты, наоборот, – внутригрупповую гомогенность, сходство [Triandis, 1995].

Социальная категоризация приводит к доминированию социальных идентичностей над личностными. Когда социальные идентичности усиливаются межгрупповым сравнением, обесценивание аутгрупп может приводить к конфликтам. Ощущение «негативной оценки» со стороны другой группы также может привести к межгрупповым конфликтам.

Социальная категоризация также приводит к деиндивидуализации, которая может спровоцировать конфликт или привести к эскалации уже имеющегося конфликта. Социальная категоризация также влияет на процесс переработки информации об аутгруппе: она упрощается, т.е. аутгруппа видится гомогенной и только стереотипная информация принимается во внимание. Упрощенная и стереотипизированная информация может лечь в основу аргументации, поддерживающей и оправдывающей конфликт [Lilli & Rahm, 1988]. Согласно исследованию Гудикунста, выраженность социальной идентичности влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность [Gudykunst et al., 1992].

Для понимания межгруппового поведения также важны два типа межгрупповых установок: *этноцентризм* и *мультикультурализм*.

Этноцентризм – восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Термин «этноцентризм» был введен У. Самнером в 1906 г., который считал, что в сознании людей существует тенденция использовать стандарты своей группы для оценки других групп, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая другие группы как нижестоящие.

Принадлежность к ингруппе определяет стандарты, по которым мы оцениваем другие группы и наши ожидания от них. Чем больше поведение членов аутгруппы согласуется со стандартами поведения, принятыми в нашей группе, тем более позитивно мы их оцениваем [Brewer & Campbell,

1976]. В кросскультурном исследовании ценностей студентов университетов, проведенном М. Бондом в 22 странах, было выявлено два универсальных измерения ценностей. Первое – Социальная Интеграция – включает ценности открытости, толерантности к другим и отказ от конкуренции, второе – Культурная Исклучительность, содержащее ценности уважения традиций и культурного превосходства [Bond, 1988]. Социальная Интеграция и Культурная Исклучительность близки по смыслу к измерениям ценностей, выделенных Ш.Шварцем: Открытость к изменениям и Консерватизм [Schwartz, 1992], когда на одном полюсе – принятие различий, на другом – отвержение. Согласно исследованию Штауба, вера в культурное превосходство является условием, способствующим проявлению оскорблений и насилия в отношении аутгрупп [Staub, 1990]. По мнению Бонда, насильственное подавление групп меньшинств будет сильнее выражено в обществах, разделяющих ценности Культурной Исклучительности, а институты, отстаивающие права человека, будут менее поддерживаемы в обществах такого типа [Bond, 1991].

П. Смит считает, что этноцентризм отвечает потребности индивида быть включенным в группу и экзистенциальной потребности в расширении «Я» (self-transcendence). Национальная и культурная идентификация укрепляет людей в системе смыслов, которая обеспечивает порядок и способствует обретению личного достоинства [Smith, 1992]. Несмотря на это, по мнению Смита, люди должны принадлежать к обществам, которые дают им высшие смыслы без выплаты пагубного налога в виде этноцентризма. Смит поддерживает разделение на «позитивный» и «негативный» этноцентризм, обозначая первый как «патриотизм» (забота о своей стране и гордость за нее), а второй – как «национализм» (стремление к доминированию, вера в превосходство). Таким образом, люди могут ценить собственную культуру.

турную принадлежность, не отрицая ценности принадлежности к другим культурам.

Исследование, проведенное в Канаде, показало, что желание единства (интеграция) и принятие культурного разнообразия не обязательно противоречат друг другу [Berry & Kalin, 1996]. Согласно теории аккультурации Берри, члены групп могут демонстрировать четыре типа установок в межгрупповом взаимодействии: на интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию. В поликультурных обществах очень важно, какую установку демонстрируют члены доминирующей культурной группы, ибо она определяет контекст и государственную политику межкультурного взаимодействия.

На психологическом уровне политика «активного мультикультурализма» зиждется на двух важных положениях: 1) что члены этнических групп могут сохранять свою этническую уникальность и 2) что они чувствуют себя в безопасности в поликультурной среде [Moghaddam, 1993]. Тем не менее, не должно вызывать удивления то, что группы с высоким статусом, чувствующие себя в большей безопасности относительно сохранения своей культуры, позитивно относятся к сохранению культур всех других групп. Явные меньшинства в большей степени ощущают неуверенность в таком сохранении и чувствуют себя менее защищенными внутри социальной иерархии [Moghaddam & Taylor, 1987].

Очевидно, что если высокостатусные группы определяют критерии статусной иерархии, для членов низкостатусных групп становится проблематичным ценить свою культурную индивидуальность и чувствовать себя в безопасности. Таким образом, даже в обществах с «активным мультикультурализмом» сохраняется основа для возникновения межэтнической напряженности. Межличностное взаимодействие представителей разных культур осуществляется внутри социального контекста, который характери-

зует отношения между культурными группами и их представителями. В межгрупповом контакте влияющими факторами являются длительность взаимодействия, частота контактов, степень их близости, соотношение статусов групп и их численности [Bochner, 1982].

Социальное доминирование, как фактор, влияющий на межгрупповой контакт, определяет большую значимость социальной идентичности для членов групп меньшинств, чем для группы большинства, т. е. для этнических меньшинств групповые различия и характеристики более явны и более значимы. Их готовность к межгрупповому контакту в большей степени подвержена влиянию доминирующих в их группе норм, установок и стереотипов в отношении аутгрупп. При этом представители группы большинства, для которых их групповая принадлежность менее очевидна и важна, больше руководствуются в межкультурном взаимодействии личностными нормами, ценностями и установками [Sagiv & Schwartz, 1995].

Также очень важно учитывать мнение членов ин-группы относительно того, как члены аутгруппы относятся к групповым различиям. Считают ли они, что представители аутгруппы уважают их и позитивно взаимодействуют с ними или они думают, что «чужие» оскорбляют и подавляют их? Разделяют ли они «идеологию антагонизма», определяемую Штаубом (1988) как «система верований, трактующая других как противников или врагов, требующая самозащиты и превосходящей силы для обеспечения безопасности» [Staub, 1988]. Какими средствами они предполагают разрешать конфликт и каких последствий они ждут в результате взаимодействия с другими группами? Эти ожидания на групповом уровне совпадают с пониманием справедливого взаимодействия на индивидуальном уровне [Leung, 1988]. Групповая идеология взаимодействия с другими группами может быть решающей в предсказании того, как

члены группы будут взаимодействовать с представителями других культур.

Помимо вышеуказанных факторов межгруппового взаимодействия, на этническую толерантность влияют и другие факторы. Калин и Берри выявили, что этничность и социо-экономический статус коррелируют с воспринимаемой безопасностью, а географическая мобильность коррелирует с этнической толерантностью [Kalin & Berry, 1980]. Кроме того, на более позитивные межгрупповые установки влияет этническая мозаичность или поликультурность территории проживания [Kalin & Berry, 1982]. Оба эти исследования выполнены в Канаде, стране с активной публичной политикой мультикультурализма, которая воспринимается как общенациональная идея, что также способствует этнической толерантности.

Как показало исследование, представление о том, что нормы группы нарушаются «чужими», приводят к негативным установкам в отношении атугрупп, к межгрупповой неприязни. Эти негативные установки порождают ответные негативные установки, таким образом, нарушение норм может привести к эскалации конфликта. Эскалация возможна, когда есть сильная внутригрупповая идентификация, взаимные негативные установки, когда одна из групп чувствует относительное ущемление своих прав и когда группа, нарушающая нормы, обладает большей властью в сравнении с группой, чьи нормы нарушаются [DeRidder & Tripathi, 1992].

История межгрупповых конфликтов и их последствий в виде мести может усиливать воспринимаемые межгрупповые различия [Kim & Smith, 1993] и приводить к конфликтам в ситуации социальной конкуренции [Wish, Deutsch & Kaplan, 1976]. Такие личностные характеристики как этноцентризм, агрессивность и неуверенность могут способствовать более выраженной групповой дифференциации [Scott, 1965]. С другой стороны, явная идеология

мультикультурализма и групповой гармонии, как показано на примере Канады и Сингапура, или разделение целей кооперации [Sherif, 1966], способствуют формированию общей, разделяемой всеми, идентичности. Также, общая личная predisposition к открытости [Riermann et al, 1993] и установки интернационализма [Hett, 1991] могут способствовать уменьшению фокусирования на групповых различиях.

Зарубежные исследователи также отмечают влияние *психологических измерений культур* (индивидуализм-коллективизм и избегание неопределенности) на ингрупповое-аутгрупповое поведение. Для представителей коллективистских культур характерным является более частое, широкое и одновременно более глубокое и позитивное взаимодействие с членами ингруппы, чем с членами аутгруппы, по сравнению с людьми из индивидуалистических культур [Wheeler, Reis & Bond, 1989]. Кроме этого, процессы взаимного влияния, усиления групповой гармонии и ингруппового фаворитизма также сильнее проявляются в коллективистских культурах, чем в индивидуалистических. Если люди из культур с высоким уровнем избегания неопределенности взаимодействуют с «чужаками», в ситуации, где нет четких правил, они могут игнорировать «чужих», так как будто бы их не существует.

Олпорт (1954) считал, что межгрупповые предубеждения – это проекция вины, а другие исследователи [Dollard et al., 1939], предполагали, что они вызваны вытесненной ненавистью. В настоящее время, чувства, связанные с групповой принадлежностью, считаются основой межгрупповых установок [Dijker, 1987; Standor, Sullivan & Ford, 1991].

Такие чувства как страх, недоверие, тревога имеют важнейшее значение в ситуации длительной межгрупповой неприязни. Stephan & Stephan (1985) считают, что межгрупповая тревожность растет вследствие ожиданий негативных последствий межгруппового взаимодействия для членов од-

ной или обеих групп. Их исследование этнических групп в США показало, что тревожность является результатом низкого уровня контактов с аутгруппой, больших различий в статусе и большой численности взаимодействующих групп. Исследование в Бангладеш выявило, что члены групп меньшинств имеют более высокий уровень межгрупповых опасений, хотя их межгрупповые контакты более часты, демонстрируют большую озабоченность количественными, нежели качественными аспектами контакта [Islam & Newstone, 1993]. Межгрупповые опасения влияют как на большую гомогенность восприятия членов аутгруппы, так и на более негативные установки в отношении них.

Психологические факторы, влияющие на аккультурацию

Этническая идентичность. Согласно исследованиям, на межгрупповые установки больше влияют не столько стереотипы аутгруппы, сколько чувства, связанные с ингрупповой принадлежностью. [Esses, Haddock & Zanna, 1993].

Исследованиями в рамках гипотезы мультикультурализма в Канаде было установлено, что только уверенность в своей собственной *позитивной групповой идентичности* может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, к этноцентризму, ученые приходят к выводу: «не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму» [Berry, Pleasants, 1984].

Основываясь на положениях концепции Дж. Берри о психологической природе этнической толерантности и ее роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, мы пришли к выводу, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности [Лебедева, 1997]. Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Поздние исследования этого вопроса [Лебедева, 1997] позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распадаться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

В рамках данного подхода было осуществлено эмпирическое этнопсихологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкессии [Лебедева, Малхозова, 2002]. Исследование показало, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) способствует формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации способствуют появлению этнической интолерантности и установок на национальный эгоизм и разделе-

ние по этническому и религиозному признаку. Помимо позитивности – негативности этнической идентичности, на наш взгляд, важной характеристикой этнической идентичности является ее *определенность* (четкость) – *неопределенность* (нечеткость, амбивалентность) [Лебедева, Татарко, 2005].

В кросскультурной психологии рассматривают две основные модели этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с доминантной группой (ложная идентичность – встречается у маленьких детей – и измененная в результате свободного выбора идентичность). Однако следует согласиться с Т.Г. Стефаненко, что в реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя (а иногда и более) релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в поликультурном обществе. Учитывая возможность подобной ситуации, Дж. Берри была предложена модель двух измерений этнической идентичности. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга [Berry et al, 1992]:

- моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;
- моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т. д. статус, чем своя;

- биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хоть и разного уровня идентификацию с двумя группами;

- маргинальная этническая идентичность, характерная для индивидов, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них.

В полиэтническом обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, т.к. она позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [Стефаненко, 1999].

Когда мы говорим о неопределенности (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, мы имеем в виду скорее маргинальную, а не биэтническую идентичность. Ее отличие в том, что индивиды с маргинальной идентичностью «балансируют» между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т.е. этнической интолерантности.

Воспринимаемая дискриминация и интегральная безопасность

Важность роли воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических установок и успешности аккультурации выявлена во многих исследованиях. Например, была установлена связь между воспринимаемой дискриминацией и отсутствием желания иммигрантов идентифицироваться с новой культурой. Это ощущение имеет разного рода негативные последствия, в том числе может приводить

к конфликту идентичностей. Связь между воспринимаемой дискриминацией и проблемами в психологической адаптации наблюдалась во многих зарубежных исследованиях у представителей различных этнических групп, например, турецких мигрантов в Канаде, временных поселенцев из США в Сингапуре, иностранных студентов в Новой Зеландии, мигрантов азиатского происхождения в Великобритании [цит. по Психология и культура, 2003].

Часто причиной межнациональной розни и воспринимаемой этнической дискриминации является утрата представителями контактирующих групп чувства безопасности. На государственном уровне степень воспринимаемой членами общества безопасности косвенным образом влияет на политический курс страны, например, на иммиграционную политику [Jackson et al., 2001; Warhola, 2007]. В социальном контексте безопасность, ощущаемая этнической группой, связана с угрозой ингрупповой идентичности ее представителей: восприятием настоящего и будущего положения группы в обществе, – так как именно социальное окружение является источником обратной связи [Ellemers et al., 2002]. Группа получает информацию о том, насколько проницаемы границы групп, а, следовательно, насколько вероятно сохранение или утрата этнической идентичности. Таким образом, обеспечивается восприятие определенной степени безопасности – члены группы осведомлены о силе угрозы их культурному, физическому и экономическому благополучию.

Одним из показателей происходящего процесса ассимиляции группы является сокращение ее численности [Sam & Berry, 2006] – признак угрозы «выживания» группы. В исследованиях межкультурных отношений исследуются показатели физической, экономической и культурной безопасности/ угрозы [Sam & Berry, 2006].

Культурная безопасность подразумевает восприятие своей культуры как целостной, а также чувство, что культу-

ра нации и каждого отдельного человека представляет собой ценность, и никто не намерен принижать или разрушать эту культуру. В условиях демократического общества поддерживать культурную безопасность особенно сложно, так как все народы и этносы внутри одной нации должны занимать равное социальное положение [Tardif, 2002].

Экономическая безопасность предполагает уверенность в экономической стабильности государства и общества, а также в экономической заботе государства о своих гражданах. В понятие экономической безопасности также входит возможная конкуренция представителей доминирующих и недоминирующих групп на рынке труда [Kanji, 2003].

Физическая безопасность включает защиту от психологического и физического ущерба, наносимого индивиду: убийств, насилия, увечий, краж и психологического принуждения.

Как правило, три типа безопасности положительно коррелируют между собой и отрицательно связаны с предрассудками, стереотипами по отношению к иммигрантам, а также – с идеологией мультикультурализма². Чем больше представители доминирующей группы воспринимают себя в безопасности, тем легче им принять другие этнические группы и иммигрантов в обществе.

Тем самым возникает связь между ощущением включенности себя в общество и принятием других его членов: успех сохранения иммигрантами своей культурной идентичности, интеграция их с представителями доминирующей группы зависит от свойств принимающего сообщества. Роль безопасности в процессе аккультурации представлена на рисунке 3.

---

² Гипотеза мультикультурализма подразумевает, что позитивная этническая самоидентификация способствует уважению и принятию представителей других этнических групп, а также снижает вероятность формирования стереотипов и предубеждений в их отношении.

В зарубежной литературе наиболее полно феномен воспринимаемой безопасности раскрыт У. и К. Стефанами, которые предложили «теорию интегральной воспринимаемой угрозы» [Stephan & Stephan, 2000]. Их базовая модель включает в себя четыре типа угроз, которые, с их точки зрения, играют важную роль в образовании предрассудков и предубеждений. Эти типы следующие: реальная угроза, символическая угроза, межгрупповая тревожность и негативные стереотипы.

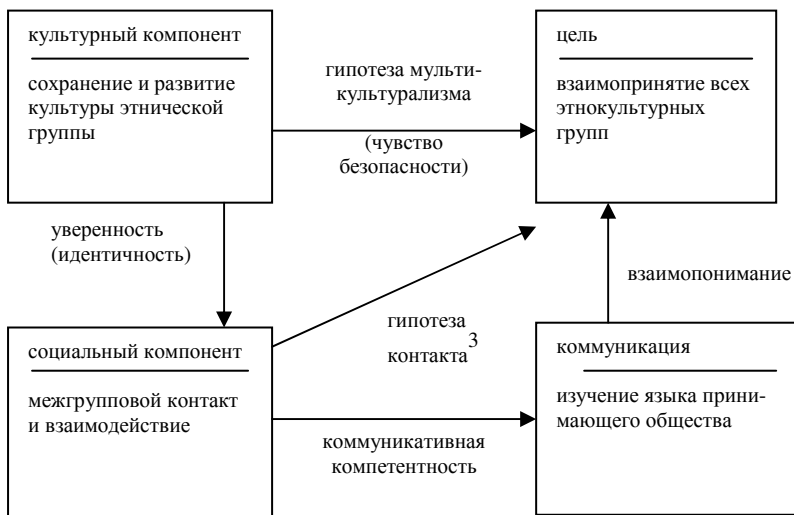

Рис. 3. Место безопасности в процессе аккультурации [Sam & Berry, 2006]

³ Гипотеза контакта [Amir, 1969] основана на убеждении, что межэтнические конфликты усугубляются незнанием чужой культуры. Если же представители противостоящих культур установят контакт, узнают точку зрения друг друга, они будут лучше понимать друг друга, этническая толерантность и принятие другой культуры повысится

Реальная угроза со стороны аутгруппы – это угроза политической и экономической самостоятельности ингруппы (например, военная угроза) и угроза физическому или материальному благополучию ингруппы и ее представителей (например, их здоровью). При этом в отличие от других теорий, касающихся угрозы (например, реалистической теории конфликта Ле Вайна и Кемпбелла), авторы теории воспринимаемой угрозы уделяют значительное внимание *воспринимаемым* угрозам, потому что восприятие угрозы может вести к предубеждениям, независимо от того, действительно ли угроза является реальной.

Символическая угроза касается воспринимаемых групповых различий в нормах, ценностях, стандартах, верованиях и установках. Символические угрозы – это, прежде всего, угрозы мировоззрению группы. Эти угрозы возникают, потому что представители ингруппы верят в моральную справедливость и универсальность собственной системы ценностей. Эмпирические исследования показали, что чем в большей степени ценности, обычаи, традиции ингруппы подвергаются блокированию со стороны аутгруппы, тем в большей степени будут негативны ингрупповые установки по отношению к аутгруппе [цит. по: Stephan & Stephan, 2000)].

Межгрупповая тревожность – согласно У. и К. Стефанам люди во время межгруппового взаимодействия всегда подвержены субъективному чувству тревоги и беспокойства, потому что боятся негативных последствий для себя.

Страх негативных стереотипов или предубеждений со стороны членов другой группы. Авторы теории указывают на то, что стереотипы во многом отражают степень воспринимаемой угрозы со стороны внешней группы, поскольку основная функция стереотипов, заключается в регуляции собственного поведения при взаимодействии с членами аут-

групп. Сущность угрозы – это страх негативных последствий, который создается негативными стереотипами.

Четыре приведенных нами вида угроз используются в интегральной теории воспринимаемой угрозы для объяснения *отношения к членам аутгрупп*. Эмпирическая верификация данной теории осуществлялась в кросскультурной перспективе. Первоначально исследовалось, могут ли четыре вышеуказанных типа угроз служить предикторами предубеждений по отношению к иммигрантам (использовалось три группы иммигрантов: из Мексики, Азии, Кубы) среди американцев. Оказалось, что хорошими предикторами установок по отношению к трем данным группам иммигрантов (по результатам регрессионного анализа) служили показатели *реальной угрозы, символической угрозы, негативные этнические стереотипы* [Stephan & Stephan, 2000].

Исследование было повторено на примере отношения к марокканцам, иммигрирующим в Испанию. Предикторами отношения к марокканцам были: *межгрупповая тревожность, стереотипы и реальная угроза. Символическая угроза*, на примере данной выборки не оказалась хорошим предиктором установок по отношению к марокканцам. Авторы теории воспринимаемой угрозы провели еще ряд аналогичных исследований на других группах иммигрантов и с применением более сложных математических методов (путевой анализ, моделирование структурными уравнениями) и с использованием дополнительных предикторов межэтнических отношений. В результате к первоначальной модели добавились факторы более высокого порядка. Оказалось, что все четыре вышеуказанных компонента воспринимаемой угрозы, в свою очередь, зависят от следующих факторов: силы идентификации с собственной группой, отношения личности к социальной поддержке членов аутгрупп (меньшинств), реального контакта между группами, уровня знаний о членах аутгрупп, наличия конфликтов в

прошлом между группами и соотношения статусов групп (рис. 3) [Stephan & Stephan, 2000].

Итак, теория воспринимаемой угрозы показывает, что для возникновения предубеждений и интолерантных установок совсем не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. Негативное отношение к представителям аутгрупп помимо реального конфликта может быть обусловлено другими субъективными факторами: групповой идентичностью, уровнем знаний о членах аутгрупп, соотношением статусов групп, которые ведут к межгрупповой тревожности и субъективно воспринимаемой угрозе со стороны членов аутгрупп. Основываясь на данной теории можно предположить, что *воспринимаемая дискриминация* этнических меньшинств возникает таким же образом. Для возникновения ощущения дискриминации реальные дискриминационные действия со стороны доминирующей группы необязательны.

Роль воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических отношений поликультурных регионах России исследовалась Н.М. Лебедевой [Лебедева, 1995, 1997; Лебедева, Малхозова, 2002]. При исследовании процессов аккультурации русских в странах СНГ ею было показано, что «чем большее количество случаев ущемления прав (и чем больше сфер ущемления) в зависимости от национальной принадлежности отмечается человеком, тем негативнее его этническая идентичность и чувства, связанные с этнической принадлежностью» [Лебедева, 1997]. В исследовании, проведенном в Карачаево-Черкесии, было установлено, что опыт этнической дискриминации коррелирует с негативной установкой на межэтнические браки и с установкой на ограничение проживания людей на той или иной территории в зависимости от их национальной принадлежности [Лебедева, Малхозова, 2002].

Таким образом, в работах зарубежных и отечественных авторов показана важная роль восприятия (или опыта)

дискриминации при формировании установок по отношению к этноконтактным группам. При этом восприятие угрозы или дискриминации со стороны аутгрупп могут привести к негативным межэтническим установкам, стереотипам, предубеждениям и негативности этнической идентичности, поэтому данную характеристику контекста, в котором протекают межэтнические отношения необходимо учитывать при изучении социально-психологических причин этнической толерантности-интолерантности.

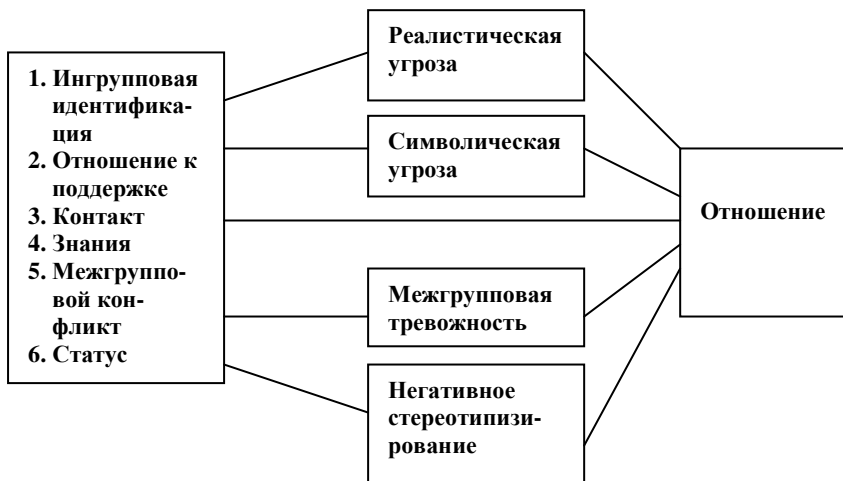

Рис. 4. Модель теории интегральной воспринимаемой угрозы (Stephan & Stephan, 2000).

В международных исследованиях последних лет были проведены измерения культурной и экономической угрозы (безопасности) с учетом существующего разнообразия культур и миграционных потоков. Данные показатели безо-

пасности положительно коррелировали друг с другом, и отрицательно – с предубеждениями относительно иммигрантов и последствий мультикультурализма: чем больше люди чувствовали культурную и экономическую безопасность, тем больше они принимали мультикультурализм и положительно относились к иммигрантам [Berry & Kalin, 1995, 2000].

Теоретический подход к исследованию стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения

В психологических исследованиях межкультурного взаимодействия, обычно применялись независимо друг от друга два подхода [Berry, 2005]. В рамках одного из них, направленного на изучение межэтнических отношений, исследовались поведение и оценки доминирующих этнических групп относительно меньшинств: предрассудки, дискриминация, отношение к этническим группам, иммиграции и изменениям культуры вследствие миграций.

Однако данный подход не учитывал влияния меньшинства на мнение доминирующей этнической группы. Исследование, проведенное в Канаде [Berry, Kalin & Taylor, 1977] привело к пониманию того, что необходимо принимать во внимание и мнение меньшинства, чтобы понять специфику взаимоотношений между различными социальными группами. Данное исследование послужило началом ряда последующих исследований и дальнейшего анализа межкультурных взаимодействий, включая взаимоотношения доминирующих и недоминирующих социальных групп [Kalin & Berry, 1996].

Второй подход (с точки зрения аккультурации) исследовал представления меньшинств об их жизни в поликультурном обществе, опираясь на такие концепты как: стратегии аккультурации, стресс аккультурации, адаптация.

Этот подход также являлся односторонним, так как не учитывал мнение доминирующей группы в отношении того, какую стратегию они оценивают как желательную и наиболее оптимальную, а также какое влияние они могут оказать на выбор меньшинства. Данная сфера исследований в последнее время получила популярность [Sam & Berry, 2006], связанные с ней темы преобладают в программах конференций и на страницах журналов. В то время как на практике акцент делается на проблемах иммиграции [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006], интерес проявляется и к изучению отношений коренных этнических групп и местных народностей [Berry, 1999a].

Одно из центральных понятий, включающих в себя все аспекты аккультурации и феномены межэтнических взаимодействий, – это **межкультурные стратегии**, которые характерны для любых социальных групп, вступающих в межкультурные отношения. Будучи колонизаторами или обитателями колоний, иммигрантами или коренными жителями, индивиды и группы людей имеют определенные предпочтения в связях своей группы с другими. Исследования доминирующих групп показали, что существуют определенные ожидания относительно того, как именно меньшинство должно приспособливаться к большинству. Данные представления получили название «**аккультурационные ожидания**» [Berry, 2003]. Помимо них, в доминирующей группе существуют определенные представления о том, как эта группа сама должна измениться, чтобы успешно взаимодействовать с другими группами в обществе – «**мультикультурная идеология**» [Berry, Kalin & Taylor, 1977].

Все эти межкультурные стратегии основаны на двух базовых моментах: 1) желание сохранить культуру и уникальность группы; 2) желание вступать в регулярные контакты с другими этнокультурными группами общества, включая и доминирующую группу. Однако не все группы и индивиды желают вступать в межкультурное взаимодейст-

вие. Если доминирующая группа ограничивает выбор представителей недоминирующих групп, исследователю необходимо учесть и третий фактор – способность доминирующей группы влиять на стратегии аккультурации, используемые недоминирующими группами [Berry, 1974]. В результате процесс аккультурации становится взаимным, обе группы выбирают стратегии в зависимости от условий конкретной ситуации взаимодействия.

Так, например, стратегия интеграции уместна и успешна в использовании недоминирующими группами только при условии, что доминирующая группа открыта по отношению к культурному разнообразию. Следовательно, для эффективной интеграции необходимы действия со стороны обеих групп, включая принятие обеими группами права на равное положение в обществе людей с разным этнокультурным происхождением. Эта стратегия ведет к принятию основных ценностей доминирующей группы со стороны меньшинства, в то время как доминирующая группа должна быть готова скорректировать деятельность государственных организаций (система образования, здравоохранение, охрана труда) таким образом, чтобы они отвечали потребностям всех малых групп в поликультурном обществе.

Идеология и политика доминирующей группы представляют большой интерес для исследователей особенностей межэтнических отношений [Berry et al., 1977], в то время как исследователи аккультурации сосредоточены на предпочтениях представителей недоминирующих групп [Berry et al., 1989].

Борхес с коллегами [Bourhis, Moise, Senecal & Perreault, 1997; Montreuil & Bourhis, 2004] изучали ситуации, когда две взаимодействующие стороны имели разное представление о стратегиях аккультурации. Конфликт предпочтений в стратегиях и ожиданиях аккультурации является источником проблем во взаимодействии не только меньшинств с доминирующими группами, но и представителей

большинства с меньшинствами. В ситуациях, когда опыт аккультурации является болезненным для представителей недоминирующих групп, наблюдаются признаки стресса аккультурации и межкультурные конфликты.

Роль мультикультурной идеологии. С появлением мультикультурной политики в 1971 году, большинство исследований в Канаде сосредоточились на изучении ее вклада в межкультурные взаимоотношения [Berry, 1984; Berry, Laponce, 1994]. В психологии и ряде других наук, исследования аккультурации и предубеждений стали наиболее актуальными [Berry, 1990]. Гипотеза мультикультурализма (сформулированная Berry и др., 1977) заключается в том, индивидам, испытывающим чувство безопасности и уверенности, будет свойственно принятие представителей иных культур. Напротив, те, кто испытывает чувство незащищенности, угрозы, будут воспринимать других «в штыки».

Недавние исследования [Berry, 1997; Berry et al 2006a,b; Sam & Berry, 2006] показали, что ситуации, в которых предпочтение отдается стратегии интеграции, и эта стратегия успешно используется, способствуют хорошей психологической адаптации (ощущение благополучия и высокая самооценка) и социокультурной адаптации (компетентность в повседневном межкультурном взаимодействии) [Ward, 1999], в то время как выбор других стратегий не приводит к таким результатам. Более того, исследования показывают [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006], что те, кто выбирают интеграцию, подвергаются дискриминации значительно реже, чем выбравшие стратегии сепарации или маргинализации. Меньше подвергаются дискриминации и индивиды, выбравшие ассимиляцию. Все это позволяет сделать вывод, что позитивные межкультурные оценки и отношения являются взаимными. Эмпирическим путем были обнаружены связи между стремлением к интеграции и общим состоянием благополучия: индивиды, сохраняющие

ценности своей культуры, но при этом уважающие и разделяющие ценности иной культуры, имеют более высокую самооценку, а также устанавливают доброжелательные отношения с представителями иных культур.

Безопасность. В национальных исследованиях, проведенных в Канаде, измерения культурной безопасности/угрозы и экономической безопасности/угрозы были проведены с учетом существующего разнообразия культур и иммиграционных потоков. Данные измерения были направлены на проверку «гипотезы мультикультурализма». Для диагностики культурной безопасности, были представлены следующие формулировки: «англоязычные канадцы потеряют свою идентичность», «влияние канадцев французского происхождения ослабевает». Для оценки экономической безопасности высказывания формулировались так: «безработица продолжает расти» и «количество трущоб будет увеличиваться». Данные показатели безопасности положительно коррелировали друг с другом и отрицательно – с предубеждениями относительно иммигрантов. Таким образом, как следовало из гипотезы мультикультурализма, чем больше люди чувствовали культурную и экономическую безопасность, тем больше они принимали мультикультурализм и положительнее относились к людям, принадлежащим к другим этническим группам и иммигрантам. Например, в одном исследовании [Berry et al., 1977], культурная безопасность коррелировала отрицательно с этноцентризмом, и положительно – с мультикультурализмом и оценками его последствий. Экономическая безопасность имела сходные корреляции. Независимо от того, используем мы положительную формулировку данной гипотезы (безопасность как необходимое условие толерантности и принятия культурного многообразия) или отрицательную (угрозы культурной идентичности и равноправия стимулируют возникновение предрассудков), очевидно, что существует

тесная связь между степенью принятия индивида обществом и степенью принятия общества индивидом.

Измерения взаимных отношений этнокультурных групп. Существует предположение, что **этноцентризм** является социально- и психологически-универсальным понятием [LeVine & Campbell, 1972] и проявляется в том, что обычно группы воспринимают себя более позитивно, чем других. В исследованиях, проведенных в Канаде, можно проследить тенденцию каждой группы оценивать себя выше и более положительно, чем другие. Когда отношения к этнокультурным группам ясны, можно выстроить четкую **иерархию** между ними [Berry et al., 1977; Berry & Kalin, 1995]. В Канаде к западным и северным европейцам обычно относятся более положительно, чем к тем, кто имеет другое происхождение: Восточные и южные европейцы занимают более низкую позицию в иерархии, к ним примыкают и другие группы. Эти отношения были изучены посредством оценок как иммигрантов, так и этнокультурных групп, и выяснилось, что отношение к иммигрантам менее положительное, чем к тем, кто родился и был воспитан в Канаде, но имеет то же культурное происхождение. Подобные иерархии были также обнаружены в Европе [Hagendoorn et al., 1998; Van Oudenhoven et al., 1996] и в Новой Зеландии [Ward, Masgoret & Leong, 2006]. Было доказано, что существует некая общая иерархия, очевидная для всех групп; эта общая иерархия признается большинством респондентов [Berry & Kalin, 1979; Kalin & Berry, 1996]. Таким образом, можно говорить о существовании единого и всеми разделяемого мнения относительно того, какое положение занимает та или иная группа в поликультурном обществе. Эти оценки могут различаться, хотя и незначительно.

Если считать, что межкультурные отношения представляют собой взаимозависимый феномен, возникает вопрос, являются ли отношения между этнокультурными группами общества также взаимозависимыми? В двух ис-

следованиях [Berry & Kalin, 1979; Kalin & Berry, 1996], была обнаружена положительная корреляция между оценками, которые исследуемые группы давали друг другу. Таким образом, если одна группа симпатизирует другой, то другая группа ответит ей симпатией; и наоборот, антипатия порождает антипатию.

В нашем исследовании мы объединяем два ранее отдельно существовавших подхода к изучению межкультурных отношений (аккультурация и межэтнические отношения).

Цели, задачи, гипотезы проекта

Основная **цель** исследования – выявление факторов, способствующих снижению конфликтного потенциала во взаимодействии инокультурных мигрантов и принимающего населения, а также способствующих успешной адаптации мигрантов.

Задачи исследования:

1. Изучение взаимных установок инокультурных мигрантов и принимающего населения.
2. Изучение стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения.
3. Исследование факторов, обуславливающих взаимные установки и стратегии взаимодействия мигрантов и принимающего населения.

Основные гипотезы исследования:

- 1) позитивная этническая и гражданская идентичность, установки на мультикультурализм (мультикультурная идеология) способствуют взаимным позитивным установкам мигрантов и принимающего населения;
- 2) существует связь между чувством безопасности (или угрозы) и стратегиями межкультурного взаимодействия.

Эти цели и задачи были реализованы нами в серии эмпирических исследований взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в поликультурных регионах Российской Федерации.

Литература

1. *Берри Дж., Пуртинга А.* и др. Кросскультурная психология. Исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
2. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
3. *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В.* «Эмиграция и репатриация в России». – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001.
4. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М. 1999.
5. Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Лебедева Н.М. Татарко А.Н. М, ИЭА РАН, 2005.
6. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1993. – 195 с.
7. *Лебедева Н.М.* Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. псих. наук. – М., 1997.
8. *Лебедева Н.М., Малхозова Ф.М.* Социально-психологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии / Лебедева Н.М. (ред.) Идентичность и толерантность. – М.Изд-во ИЭА РАН, 2002. – С.152–168.
9. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге / Межкультурный диалог: Курс лекций по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под

- ред. В.А.Тишкова, М.Ю. Мартыновой, Н.М.Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С. 204–255.
10. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал, 2005. – Т. 26. – № 3. – С. 61-74.
  11. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России// Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С.10–41.
  12. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и интолерантности (по материалам Южного федерального округа) // Толерантность в межкультурном диалоге / Отв.ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С.:160-196.
  13. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Изд-во «Питер», 2003.
  14. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект-пресс, 1999.
  15. *Тишков В.А.* Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. – М., 1997.
  16. *Юсуповский А.* Миграционные вызовы, «мигрантофобия» и особенности неолиберальной идеологии // «Политический класс» 12, 2007.
  17. *Abrams D. & Hogg M.* (Eds.) Social identity theory: Constructive and critical advances. – N.Y., 1990.
  18. *Allport G.* The nature of prejudice. – N.Y.: Doubleday, 1954.
  19. *Adler L.L., Uwe P.* Cross-Cultural Topics in Psychology // Gielen; Praeger, 1994.
  20. *Amir Y.* Contact hypothesis in ethnic relations // Psychological Bulletin. 71:319-42, 1969.

21. *Ataca B., Berry J.W.* Sociocultural, psychological and marital adaptation of Turkish immigrant couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 2002, 37, 13-26.
22. *Berry J.W.* Psychological aspects of cultural pluralism. *Culture Learning*, 1974, 2, 17-22.
23. *Berry J.W.* Acculturation as varieties of adaptation. In A. Padilla (Ed.), *Acculturation: Theory, models and some new findings*. – Boulder: Westview Press. 1980. – P.9-25.
24. *Berry J.W.* Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1984, 16, 353-370.
25. *Berry J.W.* The role of psychology in ethnic studies. – *Canadian Ethnic Studies*, 1990, 22, 8-21.
26. *Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, № 46, 5-68.
27. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.* *Cross-cultural psychology: Research and applications*. – Cambridge, 1992.
28. *Berry J.W., Kalin R., Taylor D.* *Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada*. Ottawa: Supply and Services Canada. 1977.
29. *Berry J.W., Kalin R.* Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. *International Journal of Intercultural Relations*. 1979. 3. 99-112.
30. *Berry J.W., Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1996, 27 (3), 301-320.
31. *Berry J.W.* Aboriginal cultural identity. *Canadian Journal of Native Studies*, 1999a, 19, 1-36.
32. *Berry J.W.* Intercultural relations in plural societies. *Canadian Psychology*, 1999b, 40, 12-21.
33. *Berry J.W.* Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, & G. Marin (Eds). *Acculturation: Advances in theory, measurement and application*. – Washington: APA Books. 2003. – P. 17-37.

34. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, № 29. P. 697–712.
35. *Berry J.W. & Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1995, № 27, 301–320.
36. *Berry J.W. and Kalin R.* Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience. In S. Renshon & Duckitt, (Eds). *Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations*. – London: MacMillan. 2000. – P. 263–284.
37. *Berry J.W. & Laponce J* (Eds.) *Ethnicity and culture in Canada: The research landscape*. – Toronto: University of Toronto Press, 1994.
38. *Berry J.W. Phinney J.S, Sam D.L. & Vedder P.* (Eds.) *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006a.
39. *Berry J.W. Phinney J.S, Sam D.L. & Vedder P.* (Eds.). *Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation*. *Applied Psychology: An International Review*, 2006, 55, 303–332.
40. *Berry J.W., Poortinga Y.H. Segall M.H. & Dasen P.R.* *Cross-cultural psychology: Research and applications*. – N. Y.: Cambridge University Press, 2002.
41. *Berry J.W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism, Potsdam, 1984.
42. *Berry J.W.* Mutual intercultural attitudes in plural societies: the MIRIPIS project//Psychology department, Queen's University, Kingston, Canada, 2006 (рукопись).
43. *Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction / Ed. by S. Bochner*. – Oxford, 1982. – P. 5–44.

44. *Bond M.* Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, 55, 1009–1015.
45. *Bond M.* Chinese values and health: A cross-cultural examination // *Psychology and health*, 1991, 5, 137–152.
46. *Boucher et al.* Ethnic conflict: International perspectives // Sage, 1987.
47. *Bourhis R.* Ethnic and language attitudes in Québec. In J.W. Berry & J. Laponce (Eds.). *Ethnicity and culture in Canada: That research landscape.* – Toronto: University of Toronto Press. 1994. – P. 322–360.
48. *Bourhis R., Moise C., Perreault S. & Senecal S.* Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 1997, № 32, 369–386.
49. *Brewer M., Campbell D.T.* Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. – N.Y.: Sage / Halsted. 1976.
50. *DeRidder R. & Tripathi R.* (Eds.) Norm violation and intergroup relations, Oxford: Clarendon, 1992.
51. *Deschamps J. & Doise W.* Crossed category membership in intergroup relations. In H. Tajfel (Ed.), *Differentiation between social groups.* – London: Academic, 1978.
52. *Diaz-Guerrero R.* Toward A Psychological Nationalism // *Peace and conflict: Journal of Peace Psychology*, 3(4), 1997.
53. *Dijker A.* Emotional reactions to ethnic minorities // *European Journal of Social Psychology*, 1987, 17, 305–325.
54. *Doise W. & Sinclair A.* The categorization process in intergroup relations // *European Journal of Social Psychology*, 1973, 3, 145–157.
55. *Dollard et al.* *Frustration and aggression*, NH: Yale University Press, 1939.

56. *Dovidio J.F., Esses V.M.* Immigrants and Immigration: Advancing the psychological perspective // *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
57. *Duckitt J.* The social psychology of prejudice. Westport, Conn.: Praeger. 1994.
58. *Ellemers N., Spears R. & Doosje B.* (2002). Self and Social Identity. *Annual Review of Psychology*, 53, 161–186.
59. *Esses V.M., Dovidio J.F., Jackson L.M., Armstrong T.L.* The immigration dilemma: the role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity // *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
60. *Esses V., Haddock G. & Zanna M.* Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes. In D.M. Mascie & D.L. Hamilton (Eds.) *Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception*. – N.Y.: Academic, 1993, 137–166.
61. *Forrest S.* Indigenous Identity as a Strategy for Cultural Security. Presented at Northern Research Forum, Plenary on Security, Yellowknife, NWT. September 18, 2004.
62. *Furnham A. & Bochner S.* Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. – N.Y.: Methuen, 1986.
63. *Gaertner et al.* The contact hypothesis: The role of common ingroup identity on reducing of intergroup bias // *Small Group research*, 1994, 25, 224–249.
64. *Gudykunst W. et al.* Uncertainty reduction in Japanese – North American dyads // *Communication Research reports*, 1986, 3, 39–46.
65. *Gudykunst W. et al.* The influence of individualism-collectivism on communication in ingroup and outgroup relationships // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1992, 23, 196–213.
66. *Gudykunst W. & Shapiro R.* Communication in everyday interpersonal and intergroup encounters // *International Journal of Intercultural Relations*, 1996, 20, 19–45.

67. *Gudykunst W. & Ting-Toomey S.* Culture and interpersonal communication. Beverly Hills, CA: Sage, 1988.
68. *Hagendoorn L.* et al.. Interethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, № 22, 483–503.
69. *Haslam A., Turner J.C., Reynolds K.J.* Social identity and self-categorization theories' contribution to understanding identification, salience and diversity in teams and organizations. *Research on Managing Groups and Teams*, Volume 5, 2003.
70. *Hinkle S & Brown R.* Intergroup comparison and social identity. In *Abrams D. & Hogg M. (Eds.), Social identity theory: Constructive and critical advances.* – N.Y., 1990. – P.48–70.
71. *Hett J.* The development of an instrument to measure global-mindedness // *Dissertation Abstract International*, 52, 2099A, 1991.
72. *Hofstede G.* Culture's consequences: international differences in work related values. Abridged ed. – Newbury Park: Sage Publ., 1984.
73. *Horenczyk G.* Immigrants' perceptions of host attitudes and their reconstruction of cultural groups. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, 46, 34-38.
74. *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. – Berkley; Los Angeles; London. 1985.
75. *Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B.* Contemporary immigration policy orientations among dominant-group members in Western Europe // *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
76. *Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Jaakkola M., Reuter A.* Perceived Discrimination, Social Support Networks, and Psychological Well-being Among Three Immigrant Groups // *Journal of Cross-cultural Psychology*, 37.3, 2006.
77. *Islam M. & Hewstone M.* Dimensions of contact as predictors of intergroup anxiety, perceived outgroup variability,

- and out group attitude // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993, 19, 700–710.
78. *Kalin R. & Berry J.W.* Social ecology of ethnic attitudes in Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1982, № 14, 97–109.
  79. *Kalin R. & Berry J.W.* Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. *Canadians Ethnic Studies*, 1995, № 27, 1–15.
  80. *Kalin R. & Berry J.W.* Interethnic attitudes in Canada: Ethnocentrism, consensual hierarchy and reciprocity. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1996, № 28, 253–261.
  81. *Kanji, Omario.* «Security» Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: October 2003.
  82. *Kim S. & Smith R.* Revenge and conflict escalation // *Negotiation Journal*, 1993, 9, 37–43.
  83. *Landis D. & Boucher J.* Themes and models of conflict // J. Boucher, D. Landis & K. Clark (Eds.), *Ethnic conflicts: International perspectives*, 1987, Beverly Hills, CA: Sage, pp.18–31.
  84. *Landis D.* Globalization, migration into urban centers, and cross-cultural training // *International Journal of Intercultural Relations*, May 2008.
  85. *LeBaron Michelle.* «Cross-Cultural Communication» Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, 2003.
  86. *Lebedeva N., Tatarko A.* Socio-psychological factors of ethnic intolerance in Russia's multicultural regions // in B.Setiadi at al. *Ongoing Themes in Psychology and Culture / IACCP Press*, 2004, p. 507–533.
  87. *Lee Y.-T., McCauley C.R., Draguns J.G.* *Personality and Person. Perception across cultures* // Lawrence Erlbaum Associates, 1999.

88. *LeVine R. & Campbell D.T.* Ethnocentrism. – N.Y.: Wiley, 1972.
89. *Leung K.* Theoretical advances in Justice behavior: Some cross-cultural inputs. In M.Bond (Ed.) The cross-cultural challenge to social psychology ,1988, Newbury Park, CA: sage, pp.218–229.
90. *Lewis R., Rowland R., Clem R.* Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan//Canadian Slavonic Papers. 1975. № 2–3.
91. *Lilli W. & Rehm J.* Judgmental processes as bases of intergroup conflict. In W. Strobe, A. Kruglanski, D. Bar-Tal & M. Hewstone (Eds.) The social psychology of intergroup conflict. 1988. – N.Y.: Springer-Verlag.
92. *Mishra R.C., Sinha D. & Berry J.W.* Ecology, acculturation and psychological adaptation among Adivasi in India. – Delhi: Sage Publications, 1996.
93. *Moghaddam F.* Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process // International Journal of Intercultural Relations , 1993, 28, 727–741.
94. *Moghaddam F. & Taylor D.* The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women // Canadian Journal of Behavioral Science, 1987, 19, 121–136.
95. *Montreuil A. & Bourhis R.* Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants // International Journal of Intercultural Relations, 2004, № 28, 507–532.
96. *Oberg. K.* Cultural shock: Adjustments to new cultural environments // Practical Anthropology, 7, 1960.
97. *Pain E.A.* Xenophobia and Ethnopolitical Extremism in Post-Soviet Russia: Dynamics and Growth Factors//Nationalities Papers, 35/5, November 2007.

98. *Piontkowski U., Florack A., Hoelker P. & Obdrzalek P.* Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000, 24, 1–26.
99. *Redfield R., Linton R., & Herskovits M.J.* Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist*, 1936, № 38, 149–152
100. *Riemann R.* et al. Personality and attitudes toward current political topics // *Personality and Individual Differences*, 1993, 15, 313–321.
101. *Sagiv L. & Schwartz S.* Value priorities and readiness for out-group social contact//*Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, 69, 437-448.
102. *Sam D.L & Berry J.W.* (Eds). *Cambridge handbook of acculturation psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
103. *Schooler C.* Cultural and Social-Structural Explanations of Cross-National Psychological Differences // *Annual Review of Sociology*, Vol. 22, 1996.
104. *Schwartz S.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.) *Advances in experimental social psychology*, 1992, 25, 1–65.
105. *Scott W.* Psychological and social correlates of international images. In H.Kelman (Ed.) *International behavior: A social-psychological analysis*. 1965. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.
106. *Seligman M.E.P.* *Helplessness: On Depression, Development, and Death*. – San Francisco: W.H. Freeman, 1975.
107. *Sherif M.* *Group conflict and cooperation: Their social psychology*. – London: Routledge and Kegan Paul. 1966.
108. *Smith M.* Nationalism, ethnocentrism and new world order// *Journal of Humanistic Psychology*, 1992, 32.
109. *Smith P.B., Bond M.H.* *Understanding social psychology across cultures*. Sage Publications 2006.

110. *Spence-Brown R.* Japanese exchange student overseas // Journal of Asian Pasific Communication, 1993, 4, 193 –207.
111. *Standor C., Sullivan L. & Ford T.* Affective and cognitive determinants of prejudice // Social Cognition, 1991, 9, 359–380.
112. *Staub E.* The evolution of caring and nonaggressive persons and societies // Journal of Social Issues, 1988, 44, 81–100.
113. *Staub E.* Moral exclusion, personal goal theory, and extreme destructiveness // Journal of Social Issues, 1990, 46, 47–64.
114. *Stephan W. & Stephan C.* Intergroup anxiety // Journal of Social Issues, 1985, 41, 157–176.
115. *Stephan W.G., Stephan C.W.* Improving intergroup relations. Sage Publications., 2001.
116. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. Oscanp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah. – New Jersey, 2000. – P. 23–44.
117. *Tajfel H.* Social categorization, social identity and social comparison. In H. Tajfel Differentiation between social groups. – London: Academic, 1978. – P. 61–76.
118. *Tardif J.* The hidden dimensions of globalization: what is at stake geoculturally // Attac, May 2002.
119. *Thalhofer N.* Intergroup differentiation and reduction of intergroup conflict // Small Group Research ,1993, 24, 28–43.
120. *Triandis H.* Collectivism vs. Individualism. In G.Verma & C. Bagley (Eds.) Cross-cultural studies of personality, attitudes, and cognition. – London: Macmillan, 1988. – P. 60-95.
121. *Triandis H.* Individualism-Collectivism. Boulder, CO: Westview, 1995.
122. *Triandis H.* Culture and social behaviour. –N.Y. etc., McGraw-Hill, 1994.

123. *Turner J. et al.* Social categorization, interpersonal attraction and group formation // *British Journal of Social Psychology*, 1983.
124. *Van Oudenhoven J.P., Groenewoud J.T. & Hewstone M.* Cooperation, ethnic salience and generalization of interethnic attitudes. *European Journal of Social Psychology*, 1996, № 26, 649-661.
125. *Verkuyten M.* «Abnormalization» of ethnic minorities in conversation // *British Journal of Social Psychology*, 40, 2001.
126. *Ward C.* Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training* (2nd ed., pp. 124–147). Newbury Park: Sage, 1996.
127. *Ward C.* The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, № 56, 1–19.
128. *Ward C., Masgoret A.-M. & Leong C.-H.* Immigration, acculturation and intergroup relations in New Zealand. Paper presented at IACCP Congress, Spetses, Greece, 2006.
129. *Ward C.* The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, № 56, 1–19.
130. *Ward C.* Culture Learning, Acculturative Stress, and Psychopathology: Three Perspectives on Acculturation // *Applied Psychology*, 46 (1), 1997.
131. *Warhola J.W.* Political Order, Identity, and Security in Multinational, Multi-Religious Russia // *Nationalities Papers*, 35/ 5, November 2007.
132. *Weinfeld M.* A preliminary stock-taking on immigration research in Canada // *McGill University, Metropolis Conference*, 1998.
133. *Wetherell M.* Cross-cultural studies of minimal groups. In H. Tajfel (Ed.) *Social identity and intergroup relations*. – Cambridge, 1982. – P. 207–238.

134. *Wheeler L., Reis H. & Bond M.* Collectivism-individualism in everyday social life: The middle kingdom and the melting pot // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, 57, 79–86.
135. *Wish M., Deutsch M. & Kaplan S.* Perceived dimensions of interpersonal relations // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1976, 33, 409–420.
136. United Nations (2005). UN population report 2005. – N. Y.: United Nations Statistics Division.

А.Н. Татарко

Методология и методика исследования аккультурации и межкультурного взаимодействия¹

В исследовании, представленном в данной коллективной монографии, была реализована методология изучения адаптации трудовых мигрантов, в которой исследовались не только группы мигрантов, но и принимающее население. Изучая мигрантов и принимающее население одновременно, мы имеем шанс глубже понять особенности аккультурации тех или иных групп мигрантов в регионе. Данная методология реализована в проекте MIRIPS (Multicultural Ideology in Plural Societies), выполняемого под руководством Дж. Берри. Такая методология предполагает использование 2-х, в целом, схожих анкет, предназначенных для опроса как мигрантов, так и принимающего населения, но и отличающихся по нескольким методикам в их составе.

В данной главе представлено рассмотрение методологии изучения взаимодействия мигрантов с принимающим

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

населением, с опорой, преимущественно, на методологию Дж. Берри. После рассмотрения методологии дается описание методик, входящих в обе модификации (для принимающего населения и мигрантов) исследовательской анкеты.

Общеметодологический подход к исследованию аккультурации

Рассмотрим в общих чертах многочисленные особенности культур, которые влияют на межэтнический контакт. Обозначим контактирующие культуры как «Культура А» и «Культура В».

Культура А. Предположим это доминирующая культурная группа, с особыми присущими ей установками на межкультурный контакт. Какие характеристики такой группы нуждаются во внимании исследователя? Эти характеристики следующие:

1. *Цель.* Почему контакт имеют место; каковы его цели? Ясно что феномены аккультурации будут меняться в зависимости от цели контакта.

2. *Длительность.* Как долго длится контакт, имеющий место, происходит ли взаимодействие ежедневно, ежемесячно или ежегодно?

3. *Постоянство контакта.* Насколько постоянно проживают представители доминирующей группы на одном месте, или контакт – мимолетное явление?

4. *Население.* Насколько много представителей большинства проживает и насколько они управляют ситуацией?

5. *Политика.* Какова политика по отношению к представителям доминирующих групп?

6. *Культурные особенности* – как культурные особенности принимающего населения оказывают влияние на адаптирующуюся группу?

Эти особенности не исчерпывают весь список, а служат примерами переменных, которые могут влиять на взаи-

моотношения мигрантов и доминирующего населения.

Культура В. Необходим учет особенностей Культуры В (недоминирующая группа), которые влияют на протекание контакта. Рассмотрим некоторые переменные, которые, со стороны мигрантов, могут оказывать влияние на протекание межкультурного контакта.

1. *Цель.* Добровольен ли групповой контакт (например, при иммиграции) или он происходит под принуждением?

2. *Местоположение.* Находится ли группа на ее традиционном месторасположении с ее землей и другими доступными ресурсами или члены группы являются перемещенными в новую, возможно менее желательную, окружающую среду (например, лагеря беженцев)?

3. *Постоянство контакта.* Эти переменные являются почти такими же как и в описании Культуры А. Частично будут специфические отличия: насколько давно начался контакт, присутствует ли давление в процессе аккультурации, есть ли конфликт или кризис в отношениях между двумя группами?

4. *Количество мигрантов.* Увеличивается ли или снижается их количество?

5. *Политика.* Что предпринимает группа, чтобы оптимизировать аккультурацию? Сопrotивляется ли она аккультурации, стремиться ли к включению или контролю (выбирая наиболее приемлемую степень включения)?

6. *Культурные особенности* – влияют ли определенные особенности культуры мигрантов на процесс контакта?

Обо всех этих переменных необходимо быть осведомленным, поскольку они оказывают влияние на результаты, которые получаются в процессе исследования. Они могут приводить к артефактам. Отсутствие учета этих внешних переменных при интерпретации результатов может привести к ошибочным выводам. И, конечно же, внешние переменные необходимо учитывать при планировании

дизайна и формировании выборки исследования. Рассмотрим основные исследовательские дизайны, использующиеся при исследованиях аккультурации.

Аккультурация – это процесс, который имеет место в течение долгого времени, и который заканчивается изменениями в культуре. Что касается процесса аккультурации, то его возможно наблюдать при использовании лонгитюдного дизайна.

Культурные изменения, а также индивидуальные изменения, могут быть изучены и оценены, если в течение долгого времени используются данные одних и тех же испытуемых. Конечно это – идеальная модель, практически такое сравнение нереально для большинства параметров кросскультурного исследования. Вместо этого более обычная практика состоит в том, что многие из культурных черт берутся из других источников (например, ранее сделанные этнографические записи) или частично реконструируются из устных самоотчетов представителей различных поколений мигрантов.

Основная альтернатива лонгитюдному исследованию – кросс-секционное (охватывающее разные слои мигрантов) исследование, в котором используют в качестве независимой переменной, переменную так или иначе связанную со временем: например, такую продолжительность проживания или поколение мигрантов. Например, среди иммигрантов, те, кто находился дольше в окружении доминирующего населения, могут иметь больше контактов с ним, более активно входить в культуру и иметь больше изменений в своей собственной культуре, чем те, кто находятся в течение более короткого периода (статистический контроль в этих случаях обычно выполняется по возрасту мигрантов и времени прибытия). При таком дизайне мигрантов классифицируют по поколениям: первое поколение мигрантов, второе поколение – их потомки и т.д. Основное предположение, лежащее в основе такого дизайна, состоит

в том, что аккультурация – это линейный процесс, протекающий в течение долгого времени.

При других видах исследований реализуются иные способы изучения аккультурации. Например, среди постоянно проживающего инокультурного населения (меньшинств) лонгитюды не проводят, продолжительность проживания здесь не совсем подходящая переменная. В данном случае возраст опрашиваемого может быть более подходящим маркером различий в установках, так как младшие обычно более подвержены влиянию аккультурации (здесь имеют значение, например, обучение, телевидение и т.д.) чем старшие члены семейства. Кроме того, старшие члены имеют более длинную хронологию инкультурации в их исходном развитии и, следовательно, могут быть менее поддающимися изменениям.

Таким образом, проводя исследование, мы должны гарантировать, что и его дизайн и способы измерений соответствуют, возможности изучения рассматриваемых феноменов аккультурации, вместо того, чтобы подражать более точным, но несоответствующим целям дизайнам, которые стандартны для других видов исследований.

Как мы только что видели, аккультурация включает в себя изменения, которые в идеале должны оцениваться с использованием лонгитюдных дизайнов, которые представляют собой доэксперимент. Однако, аккультурация может также быть исследована, с использованием квазиэкспериментальных дизайнов. Хотя большинство исследований в литературе сосредотачивается только на изучении аккультурации одной группы, например, одной группы иммигрантов, такой дизайн далек от идеала. С исследовательским дизайном, включающим одну группу иммигрантов, невозможно понять, отличаются ли они от местного населения, или, скажем, от населения страны исхода. Таким образом, для получения дополнительной информации, некоторые исследователи берут выборку из титульного населения (для срав-

нения двух групп между собой), и некоторые также производят выборку в стране исхода мигрантов (для сравнения трех групп).

Ранее основная проблема изучения аккультурации состояла в очень ограниченной возможности выборки обществ, в которых могли бы быть изучены группы, находящиеся в процессе аккультурации. Большинство исследований аккультурации было проведено только в нескольких обществах (например, Австралия, Канада, США), в то время как большинство процессов аккультурации имеют место в других частях света, например, в Китае, Индии, и в африканских, европейских и южноамериканских обществах. Россия вообще находится на втором месте по миграционному сальдо после США и является поликультурной исторически, поэтому представляет собой просто уникальное поле для исследований.

Кроме того, большинство исследований проведено только в одном обществе, и часто только на одной аккультурирующейся группе в том обществе. Важно знать о феноменах аккультурации не только в одной группе и в одном обществе, ведь, скорее всего, эти данные не смогут быть распространены на этнические группы вне общества, в котором эти данные были получены. Проблемы, с которыми сталкиваются такие сравнительные исследования, хорошо известны. И главная из них – неэквивалентность выборок.

Основные переменные, рассматриваемые при изучении аккультурации

Первый шаг, который необходим, по нашему мнению, чтобы оценить аккультурацию должным образом, заключается в том, что необходимо определить различие между разными переменными, характеризующими аккультурацию. Переменные аккультурации могут быть разделены

на три группы: условия, ориентации и результаты (см. рисунок 1).

Условия аккультурации – базовые установки, которые релевантны для оценки аккультурации. Эти условия определяют ограничения и требования к процессу аккультурации, ориентируясь на группу и индивидуальные характеристики. На групповом уровне эти переменные включают в себя характеристики принимающего общества, общества исхода группы иммигрантов, и воспринимаемых межгрупповых отношений. На индивидуальном уровне оценка условий может состоять в следующем: изменение условий проживания с течением времени, позиция в обществе, личностные характеристики и способности, и личный ситуационный и социальный контекст.

Аккультурационные ориентации структурируют процесс аккультурации, связывая аккультурационные условия с результатами. Это две базовых проблемы, лежащие перед мигрантами – это сохранение ключевых аспектов этнической культуры и принятие ключевых аспектов группы большинства.

Результаты аккультурации заключаются в степени успеха процесса аккультурации (в самом широком смысле). Это такие показатели, как психологическое благополучие и социокультурная компетентность включающая характер взаимодействия с хозяевами, успешные поведенческие навыки в новой культуре академическая и трудовая успешность. Хотя социокультурная компетентность фокусируется на компетентности в доминирующей культуре, с теоретической точки зрения также важно обратиться и к уровню компетентности в собственной этнической культуре (например, взаимодействие с представителями своей национальности и поддержание «этнических» навыков поведения и умений) и изменения в этой компетентности, которая рассматривается как зависимая переменная.

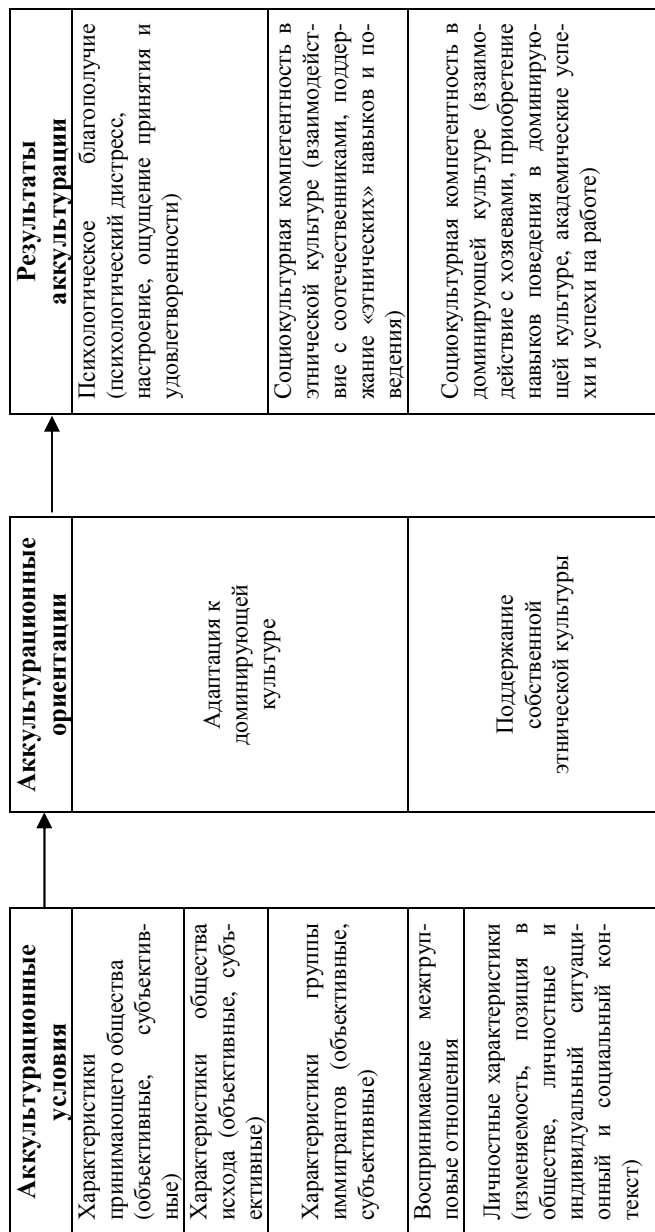

Рис. 1. Рамки переменных аккультурации (приводится по: Sam, Berry, 2006)

Методы измерения аккультурации

Существуют различные модели аккультурации: сферо-специфическая, одномерная, двумерная и модель слияний (табл. 1)

Таблица 1

Классификация аккультурационных моделей:
в зависимости от сферы и по количеству измерений
(приводится по: приводится по: Sam, Berry, 2006)

Количество измерений			
Сферо-специфическая	<i>Одно-мерная модель</i>	<i>Двумерная модель</i>	<i>Модель слияний</i>
Модель черт (сферо-специфическая модель)	Адаптация мигрантов к доминирующей культуре	Иммигранты имеют две установки: подержание своей культуры и адаптация к доминирующей культуре.	Появление новой культуры
Уровень 1. Кластеры сфер (например, публичная, частная).	Скорость адаптации к доминирующей культуре в различных сферах/ситуациях	То же самое, что и выше, но в приложении к различным жизненным сферам и ситуациям	Появление новой культуры в определенной сфере/ситуации
Уровень 2. Специфические сферы жизни (например, воспитание детей). Уровень 3. Специфические ситуации (например, воспитание детей вне дома)			

Существует четкая связь между данными четырьмя теоретическими моделями и методами измерения аккультурационных ориентаций. В одномерной модели используется *измерительный метод с одним утверждением*, характеризуемый биполярной шкалой, на одном полюсе которой признаки культуры исхода мигранта, а на другом – признаки культуры поселения. В некоторых исследованиях кумулятивные шкальные оценки используются как характеристики состояния аккультурации, в то время как на других исследованиях предлагаются модели, связанные со специфической областью аккультурации, которые являются тоже одномерными.

Для двумерной модели предложены два измерительных метода: *измерительный метод с двумя утверждениями* и *измерительный метод с четырьмя утверждениями*. В методе с двумя утверждениями аккультурация оценивается, путем использования двух отдельных шкал: представления об ориентации на доминирующую культуру и представление о ориентации на собственную культуру. В методе с четырьмя утверждениями, ориентация на каждую из четырех стратегий, предложенных Дж. Берри, оценивается при помощи отдельных пунктов.

Поскольку нет стандартизированных или широко принятых методик измерения аккультурации, исследователи часто разрабатывают собственные методики. Для корректной оценки аккультурации важно учитывать ряд важных положений. Рассмотрим данные положения.

Методические требования к разработке инструментария оценки аккультурации

Есть шесть важных требований к разработке инструментария оценки аккультурации:

1. Ясная и четкая формулировка исследовательских целей (что является наиболее разумным для включения в ин-

струментарий оценки аккультурации?) и выборов переменных, описывающих аккультурацию.

2. Выбор индикаторов аккультурации (например, знания, ценности, установки, поведение) – что изучать?

3. Выбор исследовательской методологии (как изучать?).

4. Выбор теоретической модели и измерительного метода (как оценить аккультурацию?).

5. Выбор областей жизни и ситуаций, которые будут отражены в пунктах опросника (какие области и ситуации оценивать?).

6. Правила формулировки пунктов опросника.

Рассмотрим каждое из этих положений более подробно.

1). Ясность исследовательских целей и переменных аккультурации.

Первый основной шаг в проектировании инструмента оценки аккультурации заключается в ясной и четкой формулировке исследовательских целей и ожиданий. К сожалению, это правило далеко не всегда соблюдается. Аккультурация часто изучается в исследованиях по проблеме иммиграции без каких-либо предварительных гипотез, которые кладутся в основу инструментария.

После принятия решения, относительно того, какой инструментарий оценки аккультурации будет наиболее подходящим для исследования, следующий шаг заключается в определении того, к каким переменным, описывающим аккультурацию, необходимо обратиться в исследовании. Что есть аккультурация в изучаемом контексте – условие чего-либо, модератор/медиатор или результат? Если исследователь не ответит для себя на данные вопросы, то интерпретация полученных результатов будет затруднена.

2). Выбор индикаторов аккультурации

В качестве индикаторов аккультурации наиболее часто используются аккультурационные ориентации. Они затрагивают различные аспекты аккультурации, например, знания, ценности, верования, установки, идентичность и особенности поведения.

Этническая идентичность и аккультурационные установки часто используются как взаимозаменяемые параметры в исследованиях аккультурации. Аккультурационные установки связаны с готовностью реализовывать те или иные паттерны поведения в новой культуре, а этническая идентичность связана с субъективным чувством принадлежности к этнической группе.

3). Методологии изучения аккультурации

После выбора аспектов аккультурации, встает вопрос о выборе способа исследования. При исследовании аккультурации используются различные исследовательские методологии, например, наблюдение, изучение единичного случая, опросы, изучения рассказов, интервью, и анализ информации, полученной от экспертов. Наиболее широко используемая методология – (самоотчет) анкетный опрос. Поскольку самоотчеты имеют известные недостатки (например, социальная желательность), исследователи должны осуществлять оценку конвергентной и дивергентной валидности путем анализа других источников информации, полученных от респондентов, например, наблюдение, опрос, и т.д. Кроме того, включая в опросник большое количество различных индикаторов аккультурации – установки, ценности, знания и др. мы, значительно увеличиваем возможности (и точность) исследования.

4). Методы измерения

Следующий шаг в разработке инструмента для изучения аккультурации, заключается в принятии решения о том,

как оценить различные стороны аккультурации. У всех измерительных методов (один – два – или метода с четырьмя измерениями) есть свои собственные преимущества и недостатки. Метод с одним измерением имеет преимущество в том, что используется короткий инструмент и потому он позволяет дать простую интерпретацию оценок аккультурации, таких как, например, дистанцированность от культуры принимающего общества. Однако у этого метода есть значительные недостатки: если индивидуальные значения попадают на середину шкалы, то не будет никакого различия между теми, кто принимает обе культуры (интеграция) и не принимает ни одной (маргинализация).

Изучение взаимозависимости между признаками культуры исхода и принимающей культуры (метод с двумя измерениями) дает больше информации.

Одно из главных преимуществ использования двух измерений заключается в возможности использовать их независимо или объединять их в одной таблице оценок. Существуют различные процедуры комбинирования оценок, полученных с помощью двух измерений.

Процедура вычитания оценок состоит в том, что различия в оценках последовательно вычитаются от полного предпочтения собственной культуры к предпочтению принимающей культуры и результат, близкий к нулю указывает на ИНТЕГРАЦИЮ. Этот метод оценок имеет значение, если цель состоит в том, чтобы создать шкалу (как в методе с одним измерением) с разделением, таким образом, чтобы на одном конце была сепарация, интеграция и маргинализация по середине и ассимиляция – на другом конце.

Процедура умножения независимых оценок двух измерений, создает такую систему оценок, где высокие оценки отражают высокую вовлеченность обеих измерений и низкие оценки недостаток вовлеченности в каком-либо измерении. Эта система оценок может быть полезной, если цель состоит в том, чтобы сравнить интеграцию и все другие стратегии.

При вычислении *медианы и средних оценок*, ответы конкретных испытуемых можно категоризовать как более низкие или более высокие, чем выборочное значение (медиана или среднее выборки). Эти процедуры могут дать искаженную картину в гомогенной выборке (в которой многие участники имеют высокие или низкие оценки по одному или обоим измерениям).

При *процедуре разбиения по срединному значению*, шкальные значения, лежащие над срединным значением шкалы Лайкерта указывающие на согласие со шкалой трактуются как «высокие показатели» в то время как значения, лежащие ниже средней точки, указывают на несогласие и трактуются как «низкие» значения. У процедуры разбиения по срединному значению есть более устойчивое теоретическое основание у процедуры подсчета медианы или средневыборочного значения. Проблема этой процедуры состоит в том, что срединное значение часто есть вариант ответа (например, значение 3 на шкале в пределах от 1 до 5) и в литературе нет согласия относительно того, как разрешить неоднозначность в ее истолковании. В некоторых исследованиях значение срединной точки, интерпретируется как не согласие с пунктом, в других – как согласие, а в третьих – как не относящееся ни к согласию, ни к несогласию.

Согласно *процедуре проксимации*, эти два измерения рассматриваются в качестве двумерного пространства. Каждая из четырех стратегий Берри может быть размещена в соответствующей точке этого пространства. Недостаток этого метода оценки – это нехватка независимости оценок по стратегиям аккультурации (та же самая проблема, возникает и у других исследований, которые базируются на двух измерениях). Оценки для интеграции и маргинализации показывают отрицательную корреляцию и то же самое справедливо для ассимиляции и сепарации.

5). Аккультурация в различных сферах жизни и ситуациях

В исследованиях рассматриваются различные сферы жизни мигрантов, в которых проходит аккультурация. Наиболее часто оцениваемой сферой является использование языка, и большинство опубликованных шкал аккультурации касается измерений и предпочтений при использовании языка.

Однако также исследователи разрабатывают шкалы, оценивающие поведение мигрантов в различных социальных ситуациях, например, в семье или с друзьями. Так же вопросы затрагивают навыки, используемые в повседневной жизни – питание, музыка, стремление к сохранению культурных традиций и др.

Поэтому очень важно основывать выбор сферы жизни, в которой вы изучаете аккультурацию в соответствии с целью исследования.

6). Формулировка пунктов опросника

Последняя ступень в разработке инструмента для изучения аккультурации выбор соответствующего пункта. Как правило, пункты шкал изучения аккультурации, направлены на получение стандартизированного самоотчета о поведенческих особенностях и установках мигранта. Респондента просят ответить в соответствии с 5-балльной шкалой Лайкерта об относительной частоте проявления у него из определенных поведенческих паттернов или оценить степень готовности действовать определенным образом в определенных ситуациях.

Приведем несколько примеров.

Установки (сфера дружбы)

Мне нравится иметь друзей среди русских.

Я считаю, что очень важно иметь русских друзей.

Знания (область языка)

Я хорошо говорю по-русски.

Я испытываю некоторые трудности при подборе правильных слов и выражений на русском.

Поведение как ориентация на аккультурацию

Я хожу в русский театр

Я посещаю волейбольную секцию.

Убеждения/воззрения

Полагаю, что русских образ жизни очень удобный.

Русские люди вежливы.

Выраженность новой идентичности/этнической идентичности

Оцените степень, в которой вы ощущаете себя россиянином.

Оцените степень, в которой вы считаете себя представителем своего народа.

Позитивность новой идентичности/этнической идентичности

Я счастлив быть россиянином.

Россиянином быть очень плохо.

Описанная методология конструирования исследования лежит в основе методики Дж. Берри, которая использовалась нами при исследовании аккультурации трудовых мигрантов в России.

Общий дизайн исследования состоял в том, что нами опрашивались представители различных групп мигрантов в разных регионах России – Москва, Пенза, Ставрополь, Кабардино-Балкария, Чечня.

Характеристика эмпирического объекта исследования

Исследование проводилось в пяти регионах России – городах Москва, Пенза, Ставрополь, а также в республиках Кабардино-Балкария и Чечня. В таблице 2 можно видеть состав выборки исследования.

Таблица 2

Состав выборки исследования

Регион	Этническая группа	Кол-во чел.	Средний возраст	Пол: муж/жен
Москва	русские	652	25	202/450
	армяне	181	34,8	79/102
	азербайджанцы	50	36,7	22/28
	балкарцы	100	22,7	53/47
	грузины	47	30,5	21/26
	китайцы	45	25	19/26
	чеченцы	50	34,6	28/22
Пенза	армяне	33	32,5	10/23
	русские	35	35,7	11/24
Ставрополь	армяне	122	38,2	58/64
	дагестанцы	118	34,6	54/63
	русские	184	38,3	51/133
	чеченцы	77	37,6	34/43
Кабардино-Балкария	русские	86	35	43/43
	балкарцы	66	38,3	35/31
Чечня	чеченцы	74	35,6	38/35
Итого		1920		

Кратко рассмотрим этнический состав регионов, в которых проводилось исследование.

Москва. Москва характеризуется высокой степенью поликультурности, образованной как коренным, так и прибывшим в результате интенсивных миграций населением. Положение Москвы как столицы Российской Федерации сопряжено с активной миграцией, которая приводит к изменению этнического состава населения, о чем свидетельствуют данные всероссийской переписи населения за 2002 год.

Таблица 3

Этнический состав населения Москвы

Этнические группы	По итогам переписи 2002 г.
	Кол-во человек
Русские	8808009
Украинцы	253644
Татары	166083
Армяне	124425
Азербайджанцы	95563
Евреи	79359
Белорусы	59353
Грузины	54387
Таджики	35385
Чеченцы	14465
Карачаевцы	823
Балкарцы	354
Другие	705369
Всего	10382754

(Источник: данные с сайта <http://www.perepis2002.ru>)

Кабардино-Балкария. На территории Кабардино-Балкарии проживает более 20 основных национальностей. В этническом составе населения на титульные этносы приходится более 2/3 жителей – 67 %, при этом кабардинцы мно-

гочисленнее балкарцев (55 и 12 % соответственно). Кабардинцы – коренное население КБР, по последней переписи их насчитывалось 499 тыс. чел. Балкарцы в пределах территории КБР имеют численность примерно 105 тыс. чел. Второй по численности этнос – русские (25%). В республике проживают также украинцы, азербайджанцы, армяне, чеченцы, белорусы, грузины, осетины, армяне, таты и др.

Таблица 4

Этнический состав Кабардино-Балкарии

Этнические группы	По итогам переписи 2002 г.
	Кол-во человек
Кабардинцы	498702
Балкарцы	104951
Русские	226620
Осетины	9845
Турки	8770
Украинцы	7592
Армяне	5342
Другие	11591
Всего	901494

(Источник: данные с сайта <http://www.kbr-invest.ru>)

Пензенская область. В настоящее время на территории Пензенской области проживает 1388,0 тыс. человек, представляющих более 100 народов.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в области проживает русских – 86,4 %, татар – 6,0 %, мордвы – 4,9 %, украинцев – 0,9 %, чувашей – 0,5 %, армян – 0,3 %, белорусов – 0,2 %, цыган – 0,2 %, азербайджанцев, евреев, немцев, узбеков – по 0,1 %. Представители остальных народов составляют менее 0,1 % каждый. По сравнению с янва-

рем-июлем 2008 г. в области наблюдалось снижение миграционных процессов. В январе-июле 2009 г. в область прибыло 9406 чел. (в январе-июле 2008 г. – 11091), выбыло – 8581 чел. (в январе-июле 2008 г. – 10591).

Общий миграционный прирост населения в январе-июле 2009 г. составил 825 чел. (в январе-июле 2008 г. – 500). (Материалы сайта <http://www.penza.ru>).

Ставропольский край. Ставрополье традиционно считается полиэтничным регионом. После русских второй по численности группой являются армяне (4 %), далее следуют украинцы (3 %), даргинцы (1, 4 %), греки (1,2 %). Несмотря на незначительный удельный вес в населении края чеченцев (0,5 %), ногайцев (0,7 %), туркмен (0,5%) эти общины играют значительную роль в этнополитическом развитии Ставрополья. Миграция в Ставропольском крае довольно интенсивная. Миграционный прирост по Ставропольскому краю можно видеть в таблице 5 (<http://www.stavstat.ru>)

Таблица 5

Динамика миграции Ставропольского края
(тысяч человек)

	Внешняя для края миграция (прибыло в край, выбыло из края, без учёта внутри-краевой миграции)	Из внешней миграции обмен края	
		с другими регионами России	со странами СНГ и Балтии
2007 год			
Прибыло	30,5	25,3	4,7
Выбыло	21,1	20,3	0,5

Миграционный прирост	9,4	5,0	4,2
2008 год			
Прибыло	25,2	20,4	4,4
Выбыло	19,7	19,1	0,4
Миграционный прирост	5,5	1,3	4,0

Чечня. По переписи 2002 года, общая численность населения Чеченской Республики составляет 1 млн. 103,7 тыс. человек, из них: 1 млн. 31, 6 тыс. чеченцев, 40,6 тыс. русских и 31,4 тыс. русскоязычные этнические группы (источник: данные с сайта <http://chechnya.gov.ru>)

Инструментарий исследования

Используемая в исследовании методика была представлена двумя опросниками, похожими по своему содержанию и предназначенными для опроса мигрантов и доминирующего населения. Опросники можно видеть в Приложениях № 1 и № 2. В таблице 6 приводится список показателей и методик, входящих в оба вида опросника. Значком X обозначены показатели и методики, входящие в каждый из вариантов опросника.

Таблица 6

Показатели и переменные, содержащиеся
в обеих версиях опросника

№№	Переменная	Мигранты	Доминирующая группа
1.	Возраст респондента	X	X
2.	Пол респондента	X	X

3.	Образование	X	X
4.	Религиозная идентичность	X	X
5.	Профессиональный статус	X	X
6.	Материальное положение	X	X
7.	Национальность	X	X
8.	Семейное положение	X	X
9.	Восприятие своего окружения	X	X
10.	Место рождения	X	X
10.	Удаленность проживания от Родины	X	X
11.	Языковая компетентность (сохранность родного языка и знание языка принимающей культуры)	X	
12.	Социальные контакты	X	X
13.	Источники межэтнических контактов	X	X
14.	Этническая, гражданская идентичность	X	X
15.	Воспринимаемая безопасность	X	X
16.	Установки на аккультурацию	X	
16.	Аккультурационные ожидания		X
17.	Воспринимаемая дискриминация	X	
18.	Ориентация на мультикультурную идеологию	X	X
19.	Шкала толерантности/интолерантности установок респондента. В этом блоке 4 шкалы:		X

	1) этническая интолерантность; 2) позитивность отношения к культурному многообразию; 3) ориентация на социальное равенство; 4) негативность отношения к фактам дискриминации.		
20а.	Мигрантофобия		X
20б.	Восприятие количества мигрантов/иммигрантов		X
21.	Отношение к этноконтактным группам (градусник)	X	X
22.	Самоуважение, удовлетворенность собой	X	
23.	Удовлетворенность жизнью	X	X
24.	Психологические проблемы (тревога, депрессия и др.)	X	X
25.	Социокультурная дезадаптация	X	
26.	Установка давать социально-желательные ответы (шкала лжи)	X	X

Рассмотрим те методики, из входящих в опросник, которые использовались в нашем исследовании.

Этническая, гражданская идентичность.

Шкала для измерения этнической идентичности включала в себя 8 пунктов (из них 2 обратных и 6 прямых). Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Раз-

работана Дж. Берри и апробируется в настоящее время на российской выборке.

Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,6.

Шкала для измерения гражданской идентичности включала в себя 4 пункта (все прямые). Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Разработана Дж. Берри и апробируется в настоящее время на российской выборке.

Анализ согласованности пунктов шкалы показал, α -Кронбаха = 0,85.

Шкала оценки интегральной безопасности.

Индекс по данной шкале рассчитывается как среднее арифметическое 3-х субшкал, оценивающих, в свою очередь, три вида безопасности, являющихся составляющими интегральной: *культурную* (α -Кронбаха = 0,4), *экономическую* (α -Кронбаха = 0,6) и *физическую* (α -Кронбаха = 0,4). Для оценки каждого из трех указанных видов безопасности подсчитывались средние значения ответов по 5-и балльной шкале на соответствующие вопросы. Каждый вид безопасности оценивался при помощи ответов на четыре вопроса.

Индекс всей шкалы рассчитывался, как среднее арифметическое ответов на пять утверждений (α -Кронбаха = 0,5).

Методика для измерения установок на аккультурацию. Оценивались 4 аккультурационные стратегии мигрантов.

Шкала для измерения установки на сепарацию включала в себя 4 пункта. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,65.

Шкала для измерения установки на маргинализацию включала в себя 4 пункта. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,64.

Шкала для измерения установки на интеграцию включала в себя 4 пункта. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,60.

Шкала для измерения установки на ассимиляцию включала в себя 4 пункта. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,61.

Методика оценки аккультурационных ожиданий.

Аккультурационные ожидания принимающего населения оценивались тем же способом, что и аккультурационный стратегии мигрантов.

Оценивались четыре вида аккультурационных ожиданий принимающего населения стратегии: «*Сегрегация*» (α -Кронбаха = 0,50), «*Исключение*» (α -Кронбаха = 0,61), «*Мультикультурализм*» (α -Кронбаха = 0,61), «*Плавильный котел*» (α -Кронбаха = 0,60). Индекс, характеризующий степень предпочтения каждой из 4-х стратегий, вычислялся как среднее арифметической 4-х вопросов, согласие с каждым из которых нужно было выразить в соответствии 5-балльной шкалой. Данная методика содержит как прямые, так и обратные вопросы.

Ориентация на мультикультурную идеологию.

Данная шкала включала в себя 10 пунктов (5 прямых и 5 обратных). Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,61.

Методика для измерения толерантности/интолерантности этнических установок респондента.

Шкала для измерения этнической толерантности включала в себя 6 пунктов (из них 4 обратных и 2 прямых).

Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,55.

Шкала для измерения установок на социальное равенство включала в себя 6 пунктов (из них 4 обратных и 2 прямых). Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Разработана Дж. Берри и апробируется в настоящее время на российской выборке.

Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,58.

Мигрантофобия.

Показатель мигрантофобии вычисляется как среднее арифметическое ответов на 11 утверждений. При ответе нужно выразить степень согласия или несогласия с утверждениями в соответствии с 5-и балльной шкалой. Примеры утверждений: «В окружении людей разных национальностей российские дети вырастут без твердой культурной основы», «В результате роста миграции в России увеличится безработица» и т.д. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она удовлетворительна и составляет α -Кронбаха = 0,77

Методика оценки отношения к представителям окружающих иноэтнических групп («Градусник»).

Респондентам давалось следующее задание: *«Просим Вас использовать шкалу, подобную термометру, для выражения вашего отношения. Этот термометр имеет деления от 1 до 100. Если у Вас, в целом, благоприятное отношение к какой-либо группе, Вы присуждаете ей любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и, наоборот, при неблагоприятном отношении Вы присуждаете группе от 0 до 50 «градусов» (в соответствии со степенью Вашего неприятия)»*. Этнические группы для оценки респонденты указывали сами – те, которые вспомнят, но не более 10.

Шкала для измерения удовлетворенности собой.

Шкала включала в себя 10 пунктов (из них 5 обратных и 5 прямых). Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, α -Кронбаха = 0,73.

Шкала для измерения удовлетворенности жизнью.

Включала в себя 4 пункта. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы.

Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что α -Кронбаха = 0,79.

Шкалы для измерения психологических проблем.

Шкала для измерения уровня депрессии включала в себя 8 пунктов. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что надежность шкалы высокая α -Кронбаха = 0,75.

Шкала для измерения уровня тревоги включала в себя 7 пунктов. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Анализ согласованности пунктов шкалы показал, надежность шкалы высокая α -Кронбаха = 0,85.

Шкала для измерения социокультурной дезадаптации

Данная методика включала в себя 20 пунктов. Оценка проводилась с помощью пятибалльной системы. Разработана Дж. Берри и апробируется в настоящее время на российской выборке.

Анализ согласованности пунктов шкалы показал, что она очень высокая и составляет α -Кронбаха = 0,91.

В качестве *независимых переменных* в исследовании рассматривались преимущественно показатели идентичности, интегральной безопасности, установки на мультикультурную идеологию. В качестве зависимых – аккультурационные стратегии, аккультурационные ожидания, показатели мигрантофобии, этнической толерантности, показатели психологического здоровья и удовлетворенности жизнью.

Обработка данных проводилась с помощью пакета *SPSS 11.0* с использованием, множественного регрессионного анализа (метод *stepwise*), корреляционного анализа (использовался коэффициент τ -Кендалла). Для определения внутренней согласованности психологических оценок использовалась процедура *Reliability*, вычислялся коэффициент α Кронбаха; для определения достоверности различий применялся *Z*-критерий Колмогорова – Смирнова для независимых выборок, а также *t*-критерий Стьюдента.

Литература

1. *Sam D.L. & Berry J.W.* (Eds). *Cambridge handbook of acculturation psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Н.М. Лебедева

Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ¹

ВВЕДЕНИЕ

Столичный мегаполис Москва является одним из самых полиэтничных городов мира. Среди ее 10,38 млн. жителей есть представители не только всех народов России, но и многих зарубежных стран. Как и в большинстве мегаполи-

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

сов, население Москвы постоянно пополняется за счет притока жителей из других регионов. Москва, оказавшаяся в силу ряда обстоятельств, одним из наиболее жизнеспособных регионов, как магнит, влечет к себе мигрантов из всех уголков бывшего СССР и из-за рубежа.

В связи с неослабевающим притоком мигрантов в Москву, остро встает вопрос об адаптации инокультурных мигрантов в жизнь русскоязычного мегаполиса. В таблице 1 представлена численность мигрантов разных национальностей в Москве по итогам переписи 2002 г. Согласно данным этой таблицы, большинство живущих в Москве выходцев из других стран и республик владеют государственным (русским) языком.

Таблица 1

Национальный состав российской столицы (данные Федеральной службы государственной статистики на основе итогов Всероссийской переписи населения 2002 года)

Национальность	Численность лиц данной национальности	Из них владеют русским языком
Абхазы	3687	3624
Азербайджанцы	95563	92721
Арабы	3679	3417
Армяне	124425	122155
Белорусы	59353	59061
Вьетнамцы	15616	12110
Грузины	54387	53410
Евреи	79359	78755
Казахи	7997	7902
Киргизы	4102	4016

Продолжение таблицы 1

Национальность	Численность лиц данной национальности	Из них владеют русским языком
Китайцы	12801	10903
Корейцы	8630	8387
Молдаване	36570	36141
Немцы	5271	5219
Поляки	4456	4426
Русские	8808009	8745209
Таджики	35385	33866
Татары	166363	164705
Турки	2358	1956
Туркмены	3526	3414
Узбеки	24312	23593
Украинцы	253644	251982
Чеченцы	14481	14002
Представители других северокавказских народов (ингуши, кабардинцы, карачаевцы, осетины, черкесы и другие)	30098	29603
Лица, не указавшие национальность в переписном листе	417126	131205
Всего в Москве, по данным Росстата, проживают 10382754 человека, из них 10010156 владеют русским языком		

По данным переписи населения 2002 г. русские составляют 84,82 % постоянных жителей столицы. В численном измерении количество нерусских жителей столицы, по некоторым оценкам, составляет от двух до трех миллионов человек. По переписи в Москве среди постоянных жителей

124 тыс. армян, 54 тыс. грузин, 44 тыс. представителей народов Северного Кавказа.

Несмотря на преобладание русских и россиян в миграционных потоках в российскую столицу, проблемы миграции в Москве фактически отождествляются с проблемами межэтнических отношений. Снижение уровня жизни и статуса большинства рядовых москвичей, трудности с адаптацией породили опасения, что «коренное» население Москвы будет вытеснено из традиционных трудовых ниш и привычного жизненного пространства. Такие опасения психологи называют утратой чувства «**экономической безопасности**». Помимо экономической, существуют еще два вида безопасности, субъективное ощущение утраты которых влияет на отношение к миграции и мигрантам. В частности, утрата т.н. «**культурной безопасности**» – это ощущение того, что культурные традиции, нормы, правила поведения, язык и др. этнокультурные «маркеры» размываются под наплывом инокультурных пришельцев. Есть еще и «**физическая безопасность**» – ощущение того, что твоей жизни и безопасности, равно как и твоим близким ничто не угрожает извне. В настоящее время угрозы физической безопасности часто связываются с деятельностью этнических преступных группировок. Этнокультурные аргументы, включая различия вероисповеданий и уровня образования, используются в качестве универсального объяснения нарастающей нестабильности жизни и криминализации всех сфер жизни огромного города.

На самом деле, существенна оппозиция «**коренной житель – мигрант**». Именно по этой линии, как показывают исследования, в значительной степени идет «культурный водораздел» населения. Коренные москвичи, как русские, так и других национальностей, практически мало отличаются друг от друга в повседневном быту. На этом фоне особенно заметными становятся мигранты, как инокультурные, так и приехавшие из других регионов. Некоторые исследователи считают, что мигранты плохо «вписываются» в контекст мо-

сковской жизни. Интеллектуальные, экономические и политические элиты из бывших союзных республик больше не определяют лицо этнической миграции. На первое место вышли **экономические мигранты**, терпящие лишения и притеснения ради выживания, укоренения на новом месте или материальной поддержки оставшейся на родине семьи.

Уровень образования экономических мигрантов заметно снизился. На долю лиц с высшим образованием приходится не более 15 %. Зато увеличилась доля мастеровых (почти до 40 %), имеющих среднее специальное образование и различные востребованные в столице профессии, а также неквалифицированной рабочей силы, готовой выполнять любую работу и обучающейся мастерству по ходу дела (Юдина, 2002).

Многим мигрантам, особенно нелегальным, приходится встречаться с серьезными проблемами и трудностями, осложняющими адаптацию в столице. Многочисленные факты свидетельствуют о существовании внутригрупповой и межгрупповой дискриминации и эксплуатации. Нередко московская интеллигенция – выходцы из республик – стремится дистанцироваться от своих менее «культурных» собратьев, дискредитирующих, по их мнению, представление об этнической группе в целом (Стельмах, 1999).

Однако наибольшее давление экономические мигранты испытывают не со стороны своих собратьев, а со стороны принимающего сообщества. Практически все жалуются на необоснованные действия московской милиции, многочисленные штрафы и вымогание денег. В длинном списке притеснений и проблем числятся несправедливая оплата труда, тяжелые жилищные условия, трудности с регистрацией, ненормированный рабочий день и отсутствие охраны труда, трудности с получением медицинской помощи, предубеждения со стороны москвичей, опасность крайних проявлений национализма, связанных с культурными и антропологическими различиями и т.д.

Естественно, что все эти невзгоды отражаются на психологическом состоянии людей, уровне их здоровья, индикаторах рождаемости и смертности. Так, коэффициент младенческой смертности, рассчитанный для детей, хотя бы один из родителей которых не имеет российского гражданства, почти вдвое превышает московский показатель. Учитывая временный характер пребывания иностранных мигрантов в российской столице, риск умереть до срока у них значительно выше, чем у москвичей. Подавляющее большинство (63,8 %) смертей среди мигрантов, нашедших последний приют в Москве, наступило в активных возрастах, с пиком в интервале от 30 до 50 лет.

Считается, что адаптация иноэтничных мигрантов в московский социум идет медленно и неудовлетворительно. По мнению О. Вендиной, отсутствует взаимодополнительность между социальной структурой принимающего сообщества и миграционного потока. Город за счет мигрантов пополняет преимущественно нижние социальные страты, которые и так чрезмерно велики – в Москве на долю лиц, с трудом сводящих концы с концами, приходится не менее четверти населения (Вендина, 2005).

Наибольшие трудности взаимной адаптации характерны для социальной страты, расположенной ниже среднего класса, на долю которой в Москве приходится около трети населения (Юдина, 2002, Средние классы..., 2003). Они сопряжены с низким уровнем толерантности, бедностью, социальными комплексами и психологической консервативностью людей. Социальное трение, возникающее при пересечении жизненных путей этой группы москвичей и мигрантов, разряжается в постоянных конфликтах, особенно частых в зонах наибольших контактов, таких как вещевые или продовольственные рынки, вокзалы и пересадочные узлы, стадионы. Нередко ареной столкновений становятся и жилые кварталы Москвы, предоставляющие кров этническим мигрантам.

Согласно исследованию положения кавказских мигрантов в России, проведенному Г. Витковской, из всего разнообразия демографических и социально-профессиональных групп наиболее адаптированными оказались лишь две – пенсионеры и лица с низким уровнем образования, предъявляющие невысокие требования к условиям жизни и выполняющие наиболее тяжелую физическую работу. В социально-демографической структуре русских и кавказских мигрантов в Москве автор отмечает следующие различия: среди мигрантов – русских преобладают женщины, а среди кавказских мигрантов – мужчины, среди кавказских мигрантов больше людей с начальным и неполным средним образованием, плохо владеющих русским языком (Витковская, 2003)

Таким образом, важной проблемой становится социально-психологический климат в городе по отношению к мигрантам вообще, и к инокультурным мигрантам в частности, т.е. этнические установки и стереотипы москвичей, ощущение безопасности, уровень общей и этнической толерантности. С другой стороны, важно исследовать социально-психологические факторы, влияющие на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве. В результате миграции мы встречаемся с процессом взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения друг к другу, который и является главной целью данного исследования.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМНОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ МОСКВИЧЕЙ И ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ

Цель исследования: выявить социально-психологические особенности взаимной аккультурации москвичей и инокультурных мигрантов.

Гипотезы исследования:

1) выраженная и позитивная этническая и гражданская идентичность как мигрантов, так и членов принимающего общества способствует успешной взаимной адаптации и этнической толерантности.

2) существует связь между ощущением безопасности и позитивными межкультурными установками.

3) мультикультурная идеология в обществе способствует взаимной социокультурной и психологической адаптации мигрантов и принимающего населения.

Методика исследования

Участники исследования.

В исследовании приняло участие 1003 респондента, из которых 530 человек – русские, москвичи, 463 – инокультурные мигранты, представители российского Северного Кавказа (балкарцы и чеченцы), государств Закавказья (армяне, азербайджанцы, грузины) и граждане Китая. Выборки в основном представлены студентами и трудоспособными людьми молодого возраста. В таблице 2 представлены социально-демографические характеристики выборки.

Методы исследования.

В качестве основного метода исследования применялся социально-психологический опрос, использовался опросник Д. Берри (Berry, 1997), разработанный для изучения установок представителей доминирующей этнической группы по отношению к мигрантам и их взглядов на стратегии аккультурации, переведенный на русский язык и адаптированный для России в наших предыдущих исследованиях (Лебедева, Татарко, 2006).

Таблица 2

Социально-демографические характеристики
выборки

Группа	Кол-во респондентов	Средний возраст	Соотношение полов: муж/жен
Русские	530	22,6	146/305
Балкарцы	100	22,6	53/47
Армяне	181	34,7	79/102
Грузины	47	30,5	21/26
Азербайджанцы	50	36,6	24/26
Чеченцы	50	34,6	28/22
Китайцы	45	25,3	19/26

В исследовании использовались следующие переменные:

Демографические: возраст, пол, образование, религия, СЭС, место рождения, место проживания, знания языков.

Социальные контакты: дружеские отношения с некоторыми группами.

Этническое происхождение: происхождение респондента, его матери, отца.

Культурная идентичность: этническая, гражданская.

Безопасность: культурная, экономическая, физическая.

Оценки аккультурации и ожидания: собственные предпочтения, ожидания от других.

Дискриминация: в отношении себя, в отношении группы.

Отношения к разнообразию: отношение к мультикультурализму, толерантность.

Отношения к иммиграции: предвидение и оценка последствий,

Отношения к этнокультурным группам: собственная группа, другие группы.

Психологическое состояние: самооценка, удовлетворение жизнью и психологические проблемы.

Социокультурная компетентность.

В настоящем исследовании преимущественно использовались:

В качестве независимых переменных

- шкала этнической идентичности (8 вопросов): например, «Я считаю себя русским», «То, что я – русский, причиняет мне неудобства».

- шкала гражданской (общероссийской) идентичности: «Я чувствую себя частью российской культуры»

- шкала безопасности (13 вопросов):

- 5 вопросов – культурная безопасность: «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне».

- 4 вопроса – экономическая безопасность: «Высокие налоги не позволяют покупать предметы первой необходимости» и др.

- 4 вопроса – физическая безопасность: «Вероятность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится всё выше».

- Индекс интегральной безопасности представляет собой среднее значение по трем шкалам (культурной, физической и экономической безопасности).

В качестве зависимых переменных:

- шкала установок на стратегии аккультурации (16 вопросов) по 4 вопроса для стратегий:

- сепарации («Я считаю, что *армяне*, живущие в России, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские»);
  - маргинализации («Для меня не важно владеть в совершенстве ни *армянским*, ни русским языками»);
  - интеграции («Для меня важно владеть в совершенстве и *армянским*, и русским языками»);
  - ассимиляции («Я предпочитаю виды деятельности, в которые включены только русские»);
- шкала аккультурационных ожиданий (16 вопросов) по 4 вопроса для стратегий
  - сегрегации («Я считаю, что иммигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские»);
  - исключения («Иммигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими»);
  - интеграции («Я считаю, что иммигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские»);
  - плавильного котла («Иммигрантам важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным»);
- шкала толерантности (11 вопросов):
  - этническая толерантность – 6 вопросов («Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности – это их дело», «Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране»);

➤ установки на социальное равенство – 5 вопросов («Некоторые люди справедливо занимают более низкое положение в обществе, чем другие», «Очень важно, чтобы мы относились к другим странам как к равным»);

▪ шкала мигрантофобии (11 вопросов): «В результате роста миграции русские потеряют свою культурную идентичность», «Иммиграция увеличивает социальное напряжение в регионе» и т.п.

Для анализа по каждой шкале необходимо было подсчитать среднее значение ответов на соответствующую группу вопросов. Для снижения вероятности использования типичных ответов использовались обратные вопросы.

Также в этом исследовании для выявления взаимоотношений этнических групп мы впервые использовали такую процедуру, которую Дж. Берри называет «градусником» или «термометром», когда респондентам предлагалось оценить свое отношение к другим этническим группам (по их выбору) в диапазоне от 100 (максимально благоприятное) до 0 (максимально неприязненное).

Для анализа результатов исследования применялась математико-статистическая обработка с помощью SPSS. При статистическом анализе с помощью t-критерия Стьюдента определялась достоверность различий средних, для выявленных взаимосвязей в показателях использовался многомерный регрессионный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМНОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ МОСКВИЧЕЙ И ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ

Межгрупповые различия показателей взаимной адаптации

В таблице 3 представлены средние значения показателей взаимной аккультурации москвичей и инокультурных мигрантов.

Таблица 3

Средние значения показателей взаимной аккультурации
принимающего населения и мигрантов в Москве

Группа/ конструкт	Русские N = 530	Армяне N = 181	Азербайд- жанцы N = 50	Грузины N = 47	Балкарцы N = 100	Чеченцы N = 50	Китайцы N = 45
Выраженность этни-ческой ид.	4,5	4,5	4,4	3,7	4,7	4,7	4,3
Позитивность этнической ид.	3,5	4,2	4,3	4,7	4,7	4,6	4,6
Выраженность гражданской (российской) ид.	4,5	3,8	4,2	3,3	4,1	3,9	1,5
Позитивность гражданской (российской) ид.	3,9	3,2	3,6	2,8	3,6	3,3	1,6
Культурная безопасность	3,0	3,1	3,1	2,8	2,9	3,0	3,0
Экономическая безопасность	3,0	3,1	2,7	3,3	2,9	3,2	3,0

Продолжение таблицы 3

Группа/ конструкт	Русские N = 530	Армяне N = 181	Азербайд- жанцы N = 50	Грузины N = 47	Балкарцы N = 100	Чеченцы N = 50	Кигаицы N = 45
Физическая безопасность	2,9	2,8	2,4	3,0	2,8	2,6	3,1
Интегральная безопасность	2,9	3,0	2,8	3,0	2,9	3,0	3,1
Воспринимае- мая угроза	2,0	2,2	1,6	2,2	2,2	2,5	2,9
Выражен.мульти. идеологии	3,4	3,7	3,7	3,3	3,8	3,5	3,5
Этническая толерантность	3,2	3,7	3,9	3,1	3,7	3,3	3,6
Установки на социальное равенство	3,5	3,7	4,1	3,9	3,6	3,8	3,7
Мигрантофобия	3,4						
Удовлетворен- ность собой	3,5	3,8	3,7	3,2	4,0	3,9	3,8
Удовлетворен- ность жизнью	3,3	3,1	2,6	3,1	2,8	3,4	3,4
Депрессия	2,2	2,1	2,2	3,7	1,8	2,4	2,4
Тревога	2,5	2,4	2,4	4,7	2,0	2,4	2,6
Социокульт- рная дезадаптация		1,9	1,8	3,3	1,9	2,3	2,7
Сепарация/ сегрегация	2,2	2,1	2,6	2,5	2,8	3,7	2,3
Маргинализа- ция/исключение	1,7	1,7	2,0	1,6	1,4	1,6	1,6
Интеграция/ Мультикульту- рализм	4,1	4,5	4,1	4,3	4,1	4,1	4,1
Ассимиляция/ Плавильный котел	2,0	1,8	1,7	1,7	1,6	1,6	2,2

Вначале сравним средние значения по шкалам опросника, полученные при обработке результатов исследования представителей доминирующего общества (русские, москвичи) и мигрантов с помощью t-критерия Стьюдента (см. табл.4). Учитывая небольшой размер выборок, мы посчитали сайз-эффект (эффект размера выборки), дающий возможность оценить устойчивость найденных различий.

Таблица 4

Достоверность различий показателей взаимной
аккультурации русских и инокультурных мигрантов
г. Москвы

Группы Переменные	Русские		Мигранты		Сайз- эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52	0,68	4,45	1,73	0,04
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,2***	0,6	1,08
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	3,07***	0,62	0,02
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88***	1,00	3,06***	0,67	1,07
Культурная безопасность	2,97**	0,52	2,85**	0,71	0,81
Экономическая безопасность	2,97**	0,59	3,00**	0,46	0,17
Физическая безопасность	2,87	0,59	2,21	0,90	0,13
Интегральная безопасность	2,94**	0,39	3,58**	0,49	0,03
Воспринимаемая угроза	1,95***	0,80	2,2***	0,9	0,3

Продолжение таблицы 4

Группы	Русские		Мигранты		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41***	0,51	3,75***	0,62	0,30
Этническая толерантность	3,16***	0,56	3,6***	0,72	0,69
Установки на социальное равенство	3,47***	0,65	3,71***	0,53	0,70
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	2,12***	0,62	1,01
Удовлетворенность жизнью	3,30***	0,80	2,43***	0,73	0,39
Депрессия	2,22**	0,59	1,97**	0,71	0,25
Тревога	2,45	0,64	2,43	1,31	0,16
Социокультурная дезадаптация	1,99	0,62	2,94	1,27	0,02

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Согласно данным таблицы 4, мигранты обладают более позитивной этнической идентичностью, по сравнению с русскими жителями Москвы, в то время как у москвичей более выражена и позитивна гражданская (общероссийская) самоидентификация, причем выявленные различия в показателях гражданской идентичности с учетом сайз-эффекта представляются высоко достоверными. Столь же достоверными являются различия в показателях уровня культурной безопасности: москвичи ощущают культурную безопасность (защищенность своей культуры от влияния извне) в большей степени, чем мигранты, что вполне объясняется соотношением численности этих двух групп: большинства и меньшинства. Однако, что касается показателей экономической, физической и интегральной безопасности, здесь значимых различий (с учетом эффект-сайза) не наблюдается.

Уровень воспринимаемой угрозы, выраженность мультикультурной идеологии, этнической толерантности и установок на социальное равенство значимо выше у мигрантов, что объясняется их более выраженной потребностью быть принятыми в доминирующее общество.

Показатели психологической адаптации дают амбивалентную картину: удовлетворенность собой и собственной жизнью выше у русских москвичей, но у них же значимо выше уровни депрессии, чем у мигрантов.

Различаются ли аккультурационные установки и ожидания у мигрантов и представителей принимающего общества? В таблице 5 представлены средние значения по шкалам аккультурационных установок (для мигрантов) и ожиданий (для представителей доминирующего общества).

Таблица 5

Сравнение средних значений аккультурационных установок и ожиданий мигрантов и представителей доминирующего общества

Аккультурационные установки / ожидания	Мигранты	Русские Москвы
Сепарация /Сегрегация	2,66	2,19
Маргинализация /Исключение	1,65	1,71
Интеграция/ Мультикультурализм	4,2	4,14
Ассимиляция / Плавильный котел	1,77	1,99

Мы видим, что у представителей обеих групп преобладают установки и ожидания аккультурации по типу интеграции (т.е. овладения навыками обеих культур). На втором месте у обеих групп – предпочтения аккультурации по типу сепарации или сегрегации (преобладают у мигрантов), далее –

установки на ассимиляцию или плавильный котел (преобладают у доминирующего общества). Наименее предпочитаемой для обеих групп является стратегия маргинализации (или исключения).

Далее сравним показатели аккультурации попарно у каждой группы мигрантов с группой москвичей (табл. 6).

Таблица 6

Достоверность различий показателей взаимной аккультурации русских и армян, проживающих в Москве

Группы Переменные	Русские		Армяне		Сайз- эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52	0,68	4,52	2,09	0,00
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,23***	0,62	0,08
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	3,80***	1,12	0,75
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,87***	1,00	3,19***	1,26	0,56
Культурная безопасность	2,97***	0,52	3,14***	0,69	0,26
Экономическая безопасность	2,97**	0,59	3,08**	0,62	0,16
Физическая безопасность	2,87	0,59	2,84	0,66	0,04
Интегральная безопасность	2,94**	0,39	3,03**	0,45	0,19
Воспринимаемая угроза	1,95***	0,80	2,22***	0,90	0,29
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41***	0,51	3,66***	0,49	0,43
Этническая Толерантность	3,16***	0,56	3,66***	0,74	0,72

Продолжение таблицы 6

Группы Переменные	Русские		Армяне		Сайз- эффект
	М	σ	М	σ	
Установки на социальное равенство	3,47***	0,65	3,65***	0,65	0,25
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	3,82***	0,51	0,56
Удовлетворенность жизнью	3,30**	0,80	3,13**	0,76	0,19
Депрессия	2,22**	0,59	2,10**	0,58	0,18
Тревога	2,45	0,64	2,44	0,67	0,00
Социокультурная дезадаптация	1,99*	0,62	1,89*	0,67	0,15

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Мы видим, что достоверные различия между группами наблюдаются в показателях выраженности и позитивности гражданской (русской) идентичности (выше у русских), позитивности этнической идентичности (выше у армян). Любопытно, что показатели культурной, экономической и интегральной безопасности несколько выше у армян, чем у русских. При этом воспринимаемая угроза, выраженность мультикультурной идеологии, этническая толерантность и установки на социальное равенство значимо выше у армянских мигрантов, чем у русских москвичей. Что касается показателей психологической адаптации, то удовлетворенность собой выше у армян, а удовлетворенность жизнью, уровень депрессии и социокультурной дезадаптации выше у русских, чем у армян.

Согласно данным таблицы 7, достоверные различия между группами наблюдаются в показателях выраженности этнической и гражданской идентичности (выше у русских) и позитивности этнической идентичности (выше у азербайджанцев). Показатели экономической, физической и интегральной безопасности выше у русских, чем азербайджанцев, но при этом у последних выше показатель культурной безо-

пасности. Выраженность мультикультурной идеологии, этническая толерантность и установки на социальное равенство значимо выше у азербайджанцев, чем у русских москвичей, а уровень воспринимаемой угрозы выше у русских. Удовлетворенность собой выше у азербайджанцев, удовлетворенность жизнью – у русских, а уровень социокультурной дезадаптации значимо выше у азербайджанцев.

Таблица 7

Достоверность различий показателей взаимной аккультурации русских и азербайджанцев, проживающих в Москве

Группы	Русские		Азербайджанцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52** *	0,68	4,30* **	0,58	0,17
Позитивность этнической самоидентификации	3,50**	0,76	4,35* *	0,51	0,57
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50**	0,68	4,24* *	0,54	0,20
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88	1,00	3,60	0,92	0,14
Культурная безопасность	2,97**	0,52	3,12* *	0,61	0,15
Экономическая безопасность	2,97**	0,59	2,71* *	0,81	0,23

Продолжение таблицы 7

Группы	Русские		Азербай-джанцы		Сайз-эф-фект
	М	σ	М	σ	
Физическая безопасность	2,87** *	0,59	2,41* **	0,88	0,40
Интегральная безопасность	2,94*	0,39	2,78*	0,66	0,20
Воспринимаемая угроза	1,95** *	0,80	1,56* **	0,73	0,28
Выраженность мультикуль-турной идеологии	3,41**	0,51	3,65* *	0,57	0,25
Этническая Толерантность	3,16** *	0,56	3,94* **	0,73	0,75
Установки на социальное равенство	3,47** *	0,65	4,07* **	0,58	0,52
Удовлетворенность собой	3,51**	0,48	3,72* *	0,50	0,23
Удовлетворенность жизнью	3,3***	0,80	2,62* **	1,00	0,46
Депрессия	2,22	0,59	2,17	0,72	0,04
Тревога	2,45	0,64	2,37	0,73	0,07
Социокультурная дезадапта-ция	2,00*	0,62	4,35* *	0,51	0,21

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Таблица 8

Достоверность различий показателей взаимной
аккультурации русских и грузин,
проживающих в Москве

Группы	Русские		Грузины		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52***	0,68	4,73***	0,53	2,07
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	3,74***	0,31	0,19
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	3,27***	1,10	0,92
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88***	1,00	2,77***	1,03	0,57
Культурная безопасность	2,97**	0,52	2,79**	0,46	0,19
Экономическая безопасность	2,97***	0,59	3,34***	0,65	0,33
Физическая безопасность	2,87	0,59	2,99	0,73	0,11
Интегральная безопасность	2,94	0,39	3,02	0,37	0,12
Воспринимаемая угроза	1,95*	0,80	2,16*	0,86	0,15
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41	0,51	3,30	0,43	0,11
Этническая Толерантность	3,16	0,56	3,05	0,55	0,10
Установки на социальное равенство	3,47***	0,65	3,89***	0,61	0,36

Продолжение таблицы 8

Группы	Русские		Грузины		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	3,21***	0,37	0,35
Удовлетворенность жизнью	3,3*	0,80	3,74*	0,31	0,14
Депрессия	2,22***	0,59	4,73***	0,53	0,35
Тревога	2,45*	0,64	3,27*	1,10	0,18
Социокультурная дезадаптация	2,00*	0,62	2,77*	1,03	0,20

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Достоверные различия между группами наблюдаются в показателях выраженности и позитивности гражданской (русской) идентичности (выше у русских), выраженности и позитивности этнической идентичности (выше у грузин). Показатель культурной, безопасности выше у русских москвичей, а показатель экономической безопасности – у грузинских мигрантов. Уровень воспринимаемой угрозы и установки на социальное равенство значимо выше у грузинских мигрантов, чем у русских москвичей. Что касается показателей психологической адаптации, то удовлетворенность собой выше у русских, а удовлетворенность жизнью, уровень депрессии, тревожности и социокультурной дезадаптации выше у грузин.

Достоверные различия между группами наблюдаются в показателях выраженности и позитивности этнической идентичности (значимо выше у балкарцев), выраженности и позитивности гражданской идентичности (выше у русских). Различий в показателях культурной, физической, экономической и интегральной безопасности не выявлено. Уровень воспринимаемой угрозы, выраженность мультикультурной

идеологии, этническая толерантность и установки на социальное равенство значимо выше у балкарцев, чем у русских. Удовлетворенность собой, уровень депрессии и тревожности значимо выше у русских, чем у балкарцев.

Таблица 9

Достоверность различий показателей взаимной
аккультурации русских и балкарцев,
проживающих в Москве

Группы	Русские		Балкарцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52***	0,68	4,76**	0,39	0,39
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,69***	0,36	2,22
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	4,10***	0,82	0,74
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88*	1,00	3,58*	1,19	0,35
Культурная безопасность	2,97	0,52	2,89	0,55	0,09
Экономическая безопасность	2,97	0,59	2,89	0,50	0,23
Физическая безопасность	2,87**	0,59	2,82	0,73	0,10
Интегральная безопасность	2,94**	0,39	2,87	0,39	0,21
Воспринимаемая угроза	1,95*	0,80	2,16*	0,78	0,35
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41***	0,51	3,82***	0,52	0,91

Продолжение таблицы 9

Группы	Русские		Балкарцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Этническая толерантность	3,16***	0,56	3,56***	0,69	0,68
Установки на социальное равенство	3,47*	0,65	3,62*	0,84	0,31
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	0,52***	3,99	1,14
Удовлетворенность жизнью	3,3	0,80	3,53	0,88	0,25
Депрессия	2,22* *	0,59	1,83**	0,57	0,69
Тревога	2,45*	0,64	2,03**	0,69	0,60
Социокультурная дезадаптация	2,00* **	0,62	2,11	0,62	0,14

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Таблица 10

Достоверность различий показателей взаимной аккультурации русских и чеченцев, проживающих в Москве

Группы	Русские		Чеченцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Выраженность этнической самоидентификации	4,52	0,68	4,69	0,46	0,26
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,58***	0,35	1,87
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	3,89***	0,97	1,16

Продолжение таблицы 10

Группы	Русские		Чеченцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88***	1,00	3,29***	1,40	0,72
Культурная безопасность	2,97	0,52	3,02	0,70	0,20
Экономическая безопасность	2,97*	0,59	3,24*	0,55	0,51
Физическая безопасность	2,87**	0,59	2,61**	0,56	0,58
Интегральная безопасность	2,94**	0,39	2,96	0,40	0,07
Воспринимаема угроза	1,95***	0,80	2,50***	0,69	1,08
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41	0,51	3,48	0,35	0,29
Этническая Толерантность	3,16***	0,56	3,28	0,72	0,16
Установки на социальное равенство	3,47	0,65	3,76*	1,63	0,39
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	3,85***	0,60	0,97
Удовлетворенность жизнью	3,3	0,80	3,44	1,06	0,14
Депрессия	2,22**	0,59	2,36	0,68	0,29
Тревога	2,45*	0,64	2,44	0,65	0,06
Социокультурная дезадаптация	2,00***	0,62	2,31***	0,54	0,62

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Достоверные различия между группами наблюдаются в показателях позитивности этнической идентичности (зна-

чимо выше у чеченцев), выраженности и позитивности гражданской идентичности (выше у русских). Показатели экономической безопасности выше у чеченцев, а физической безопасности – у русских. Уровень воспринимаемой угрозы и установки на социальное равенство значимо выше у чеченцев, чем у русских. Удовлетворенность собой и уровень социокультурной дезадаптации значимо выше у чеченцев.

Таблица 11

Достоверность различий показателей взаимной аккультурации русских и китайцев, проживающих в г. Москве

Группы	Русские		Китайцы		Сайз-эффект
	М	σ	М	σ	
Переменные					
Выраженность этнической самоидентификации	4,52	0,68	4,61	0,48	0,07
Позитивность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,29***	0,63	0,58
Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	4,50***	0,68	1,47***	0,58	2,48
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	3,88***	1,00	1,64***	0,71	1,24
Культурная безопасность	2,97	0,52	3,04	0,41	0,07
Экономическая безопасность	2,97	0,59	3,01	0,61	0,03
Физическая безопасность	2,87**	0,59	3,13**	0,41	0,25
Интегральная безопасность	2,94**	0,39	3,06**	0,26	0,18

Продолжение таблицы 11

Группы	Русские		Китайцы		Сайз-эф-фekt
	М	σ	М	σ	
Воспринимаемая угроза	1,95***	0,80	2,88***	0,62	0,66
Выраженность мультикультурной идеологии	3,41	0,51	3,45	0,29	0,05
Этническая Толерантность	3,16***	0,56	3,63***	0,49	0,47
Установки на социальное равенство	3,47	0,65	3,69	0,38	0,19
Удовлетворенность собой	3,51***	0,48	3,79***	0,51	0,32
Удовлетворенность жизнью	3,3	0,80	3,36	1,09	0,04
Депрессия	2,22**	0,59	2,43**	0,67	0,19
Тревога	2,45*	0,64	2,64*	1,01	0,16
Социокультурная дезадаптация	2,00***	0,62	2,67***	0,78	0,58

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Согласно данным таблицы 11, достоверные различия между русскими москвичами и китайскими мигрантами наблюдаются в показателях выраженности и позитивности гражданской (российской) идентичности (значимо выше у русских), позитивности этнической идентичности (выше у китайцев). Показатели физической и интегральной безопасности выше у китайцев. Уровень воспринимаемой угрозы и этнической толерантности выше у китайских мигрантов, чем у русских москвичей. Что касается показателей психологической адаптации, то удовлетворенность собой, уровень депрессии, тревожности и социокультурной дезадаптации выше у китайцев, чем у русских.

Отношение к разным этническим группам: различия и сходства

В данном исследовании впервые была использована процедура, которую Д. Берри называет «градусником». Респондентам предъявлялась следующая инструкция: «Просим Вас использовать шкалу, подобную термометру, для выражения вашего отношения. Этот термометр имеет деления от 1 до 100. Если у Вас, в целом, благоприятное отношение к какой либо группе, Вы присуждаете ей любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и, наоборот, при неблагоприятном отношении Вы присуждаете группе от 0 до 50 «градусов» (в соответствии со степенью Вашего неприятия). Вы не ограничены в своем выборе и можете использовать любые оценки от 0 до 100».

В таблицах 12-16 представлены средние баллы оценок, даваемых респондентами пяти опрошенных нами групп другим этническим группам (здесь представлена одна категория: «народы бывшего СССР»).

Таблица 12

Отношение опрошенных москвичей (русских) к разным этническим группам и нациям

Этническая группа	Среднее значение градуса
<i>Русские</i>	89
Чукчи	76
Киргизы	75,9
Белорусы	72,2
Евреи	72
Марийцы	70
<i>Армяне</i>	68
Чуваши	67,4
Башкиры	67,2
Мордва	66,7

Продолжение таблицы 12

Этническая группа	Среднее значение градуса
Татары	65
Казахи	64,6
Осетины	63
Буряты	63
Коми	62,5
Дагестанцы	61,9
<i>Грузины</i>	60,5
Украинцы	58,1
«Кавказцы»	41,2

Таблица 13

Отношение опрошенных армян к разным этническим группам

Этническая группа	Среднее значение градуса
<i>Армяне</i>	85
Осетины	84
<i>Русские</i>	83
Белорусы	82,5
Башкиры	82,5
Казахи	81,3
Туркмены	80
Татары	75,6
Евреи	75,5
Дагестанцы	73,5
Абхазы	71,8
Украинцы	71,1
<i>Грузины</i>	63,1
Таджики	60,8
Узбеки	58,8
<i>Азербайджанцы</i>	54,8
Молдаване	54,2
Эстонцы	53

Таблица 14

Отношение опрошенных грузин к разным
этническим группам

Этническая группа	Среднее значение градуса
Белорусы	100
<i>Грузины</i>	95,4
Узбеки	95
Украинцы	93,3
<i>Русские</i>	91
Молдаване	90
Осетины	85
<i>«Кавказцы»</i>	80
<i>Азербайджанцы</i>	80
Кабардинцы	80
Евреи	80
Абхазы	77,5
Таджики	76,7
<i>Армяне</i>	73
Татары	65
Дагестанцы	60

Таблица 15

Отношение опрошенных азербайджанцев к разным
этническим группам

Этническая группа	Среднее значение градуса
<i>Азербайджанцы</i>	88,33
Турки	71,67
Евреи	62,5
<i>Русские</i>	46,25
<i>Чеченцы</i>	42,78
Черкесы	40

Продолжение таблицы 15

Этническая группа	Среднее значение градуса
<i>Армяне</i>	39,29
Туркмены	36,25
Аварцы	35,67
Осетины	32,35
Карачаевцы	22,5
<i>Грузины</i>	19,17
Ногайцы	16,67
Украинцы	15,5

Таблица 16

Отношение опрошенных чеченцев к разным этническим группам

Этническая группа	Среднее значение градуса
<i>Чеченцы</i>	96
Ингуши	83
Дагестанцы	80
<i>Балкарцы</i>	77
Черкесы	73
Осетины	71
Кабардинцы	63
Абхазы	62
<i>Русские</i>	57
Татары	55
<i>Армяне</i>	48
Украинцы	41
<i>Азербайджанцы</i>	39
Узбеки	39
<i>Грузины</i>	33

Сравнивая оценки благоприятности отношения к различным этническим группам у представителей пяти этнических групп (русских, армян, азербайджанцев, грузин и чеченцев), следует отметить, что в целом преобладают взаимные позитивные оценки. При этом для всех групп характерны проявления этноцентризма, а именно: респонденты более позитивно оценивают представителей своей собственной этнической группы, а затем – членов других этнических групп.

Если говорить о совпадении взаимных оценок, то средние показатели отношения:

- 1) **к русским:** у русских – 89, у армян – 83, у грузин – 91, у азербайджанцев – 46,25, у чеченцев – 57;
- 2) **к армянам:** у армян – 85, у русских – 68, у грузин – 73, у азербайджанцев – 39,29, у чеченцев – 48;
- 3) **к грузинам:** у грузин – 95,4; у армян – 63,1; у русских – 60,5; у азербайджанцев – 19,17, у чеченцев – 33;
- 4) **к азербайджанцам:** у азербайджанцев – 80; у армян – 54,8; у грузин – 80, у чеченцев – 39.
- 5) **к чеченцам:** у чеченцев – 96; у азербайджанцев – 42,78.

У двух групп (грузин и русских) выделилась и такая интегральная категория как «кавказцы», и отношение к этой категории в сильной степени отличается у грузин (80) и русских (40,1). Налицо такой парадокс: отношение русских к отдельным этнокультурным группам Северного Кавказа и Закавказья намного лучше, чем отношение к некому усредненному образу «кавказцев». Дальнейшая дифференциация, а именно – отношение к знакомым – отдельным представителем все тех же этнокультурных групп, как правило, приводит к еще более позитивным оценкам. Это – важный аргумент в пользу сохранения индивидуальности, как культурной, так и личностной.

Социокультурные и психологические факторы аккультурации мигрантов в Москве

Далее мы задались целью – как характеристики идентичности, безопасности, мультикультурная идеология и воспринимаемая дискриминация влияют на показатели взаимной социокультурной и психологической адаптации москвичей и инокультурных мигрантов в Москве. Для этого мы использовали метод множественной регрессии (step-wise).

В таблице 17 представлены взаимосвязи характеристик этнической и гражданской идентичности русских Москвы, а в таблице 18 – связи разных видов безопасности и мультикультурной идеологии с показателями с показателями их социокультурной и психологической адаптации. В таблицах 19 и 20 представлены результаты регрессионного анализа для исследованных нами инокультурных мигрантов Москвы

Таблица 17

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с показателями социокультурной и психологической адаптации русских г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраж. этн. идент. β	Позитив. этн. идент. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β		
Сегрегация		.16**	-.25***		.04	14.65***
Исключение			-.27***		.06	14.94***

Продолжение таблицы 17

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраж. этн. идент. β	Позитив. этн. идент. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β		
Интеграция				.16**	.01	8.01***
Плавильный котел		-.16**			.009	8.81***
Установки на социальное равенство	-.24***		.12*		.009	8.8***
Мигрантофобия			-.11*		.01	5.3*
Удовлетворенность собой	-.11*	.44***		-.17**	.02	16.75***
Удовлетворенность жизнью	.10*				.01	4.23*
Депрессия				-.16***	.01	15.08***

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Согласно данным таблицы 17, выраженность и позитивность гражданской идентичности представителей доминирующей группы (русских г. Москвы) в наибольшей мере способствует интеграции мигрантов в социум. Позитивность этнической идентичности способствует установкам на сегре-

гацию мигрантов и препятствует установкам на их ассимиляцию. Выраженность этнической идентичности не способствует установкам на социальное равенство, в то время как позитивность гражданской идентичности препятствует мигрантофобии. Позитивность этнической идентичности положительно связана с удовлетворенностью собой, в то время как выраженность этнической идентичности и позитивность гражданской идентичности имеют отрицательные связи с удовлетворенностью собой. Выраженность этнической идентичности также позитивно связана с удовлетворенностью жизнью, а позитивность гражданской идентичности – негативно связана с уровнем депрессии. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что выраженность и позитивность гражданской идентичности доминирующего этноса способствует позитивным установкам в отношении мигрантов, установкам на их интеграцию и также способствует хорошей психологической адаптации в поликультурном мегаполисе в большей степени, чем выраженность и позитивность этнической идентичности.

Результаты, представленные в таблице 18, говорят о том, что факторами, позитивно влияющими на адаптацию москвичей к поликультурности города и принятие мигрантов являются культурная, экономическая, физическая и интегральная безопасность (способствуют этнической толерантности, удовлетворенности собой и жизнью, снижают установки на сегрегацию, исключение и ассимиляцию мигрантов). Наиболее мощным позитивным фактором является выраженность мультикультурной идеологии (способствует интеграции, этнической толерантности, установкам на социальное равенство и препятствуют исключению, ассимиляции и мигрантофобии). Воспринимаемая угроза, напротив, способствует мигрантофобии, установкам на сегрегацию, исключение, ассимиляцию и препятствует установкам на интеграцию мигрантов.

Таблица 18

Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с показателями социокультурной и психологической адаптации русских г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн. β	Эконом. безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мульт. идеологии β	
1	2	3	4	5	6	7	8
Сегрегация		-0.135**			0.235***		.02
Исключение	-0.164***				0.391***	-0.216***	.25
Интеграция					-0.26***	0.298***	.65

Продолжение таблицы 18

1	2	3	4	5	6	7	8
Правильный котел				-0.103*	0.265***	-0.23***	.01
Этническая толерантность				0.108*		0.264***	.01
Установки на социальное равенство						0.223***	.05
Мигрантофобия					0.32***	-0.189***	.04
Удовлетворенность собой	0.144**		0.095*				.08
Удовлетворенность жизнью			0.15**				.02
Депрессия							
Тревога							

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Посмотрим, те же самые или иные факторы способствуют успешной адаптации инокультурных мигрантов в Москве (см. табл. 19 – 20).

Согласно данным таблицы 19, выраженность гражданской идентичности и позитивность этнической идентичности мигрантов в наибольшей мере способствует полноценной интеграции мигрантов в московский мегаполис. Позитивность этнической идентичности способствует установкам на интеграцию мигрантов и препятствует установкам на их ассимиляцию и маргинализацию, а выраженность гражданской идентичности позитивно связана с установками на интеграцию и негативно – с установками на сепарацию и ассимиляцию. Позитивность этнической идентичности позитивно связана с удовлетворенностью собой и с социокультурной дезадаптацией, а выраженность гражданской идентичности негативно связана с удовлетворенностью жизнью и социокультурной дезадаптацией. Позитивность гражданской идентичности положительно связана с установками на ассимиляцию.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что выраженность гражданской и позитивность этнической идентичности мигрантов способствует их установкам на интеграцию, хорошей социокультурной и психологической адаптации в московском мегаполисе.

Из данных таблицы 20 следует, что культурная, физическая и интегральная безопасность способствуют установкам мигрантов на интеграцию и препятствуют установкам на сепарацию и маргинализацию. Кроме этого, данные виды безопасности позитивно связаны с удовлетворенностью собой и жизнью, этнической толерантностью и негативно – с мигрантофобией.

Таблица 19

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с показателями социокультурной и психологической адаптации мигрантов г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы			R ²	F
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β		
Сепарация			-.24***	.06	14.84***
Маргинализация		-.20**		.04	9.72**
Интеграция		.30***	.26***	.07	25.21***
Ассимиляция		-.24***	-.28**	.02	10.80***
Этническая толерантность			.18**	.03	7.90**

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β		
Удовлетворенность собой		.26***			.07	11.58***
Удовлетворенность жизнью			-.20**		.04	9.19***
Социокультурная дезадаптация		.13*		-.45***	.02	30.81***

* - p < 0,05, ** - p < 0,01, *** - p < 0,001

Таблица 20

Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с показателями социокультурной и психологической адаптации мигрантов г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн. В	Экономич. безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мульт. идеологии β	
Сепарация				-0.237***	0.168**	-0.144**	.21
Маргинализация			-0.258***				.07
Интеграция				0.198**			.04
Ассимиляция						-0.198**	.04
Этническая толерантность	0.19***					0.383***	.04
Установки на социальное равенство						0.229***	.05

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн. В	Экономич. безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мульт. идеологии β	
Мигрантофобия				-0.172**		-0.349***	.03
Удовлетворенность собой	0.157**					0.208***	.03
Удовлетворенность жизнью			0.172**				.03
Депрессия					0.132*		.02
Тревога					0.129*		.02
Социокультур. дезадаптация					0.275***	-0.115*	.01

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Самым мощным фактором, способствующим успешной адаптации инокультурных мигрантов в Москве, как и в случае с русскими жителями мегаполиса, является мультикультурная идеология, которая способствует этнической толерантности, установкам на социальное равенство, удовлетворенности собой и препятствует ассимиляции, сепарации, мигрантофобии и социокультурной дезадаптации. Воспринимаемая угроза, напротив, серьезно осложняет адаптацию мигрантов: она позитивно связана с установками на сепарацию, уровнем депрессии, тревожности и с социокультурной дезадаптацией.

ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании были выявлены особенности взаимной аккультурации русских москвичей и инокультурных мигрантов из республик Северного Кавказа, стран Закавказья и Китая:

- Русские москвичи в равной степени идентифицируют себя как со своей этнической группой, так и с российским обществом в целом, в то время как у мигрантов более выражена этническая идентичность, чем гражданская (общероссийская), причем это характерно не только для иностранных мигрантов, но и для россиян – выходцев из республик Северного Кавказа.

- У русских москвичей, в целом, сильнее ощущение культурной безопасности, а у мигрантов – экономической.

- У мигрантов сильнее выражены уровень воспринимаемой угрозы, этнической толерантности, выраженность мультикультурной идеологии и установок на социальное равенство, что отражает их стремление к интеграции в московский социум.

- Показатели психологической адаптации дают амбивалентную картину: удовлетворенность собой и собствен-

ной жизнью выше у русских москвичей, но у них значимо выше уровни депрессии, чем у мигрантов.

- У представителей обеих групп преобладают установки и ожидания аккультурации по типу интеграции (т.е. овладения навыками обеих культур). На втором месте у обеих групп – предпочтения аккультурации по типу сепарации или сегрегации (преобладают у мигрантов), далее – установки на ассимиляцию или плавильный котел (преобладают у доминирующего общества). Наименее предпочитаемой для обеих групп является стратегия маргинализации (или исключения).

- В целом, мигранты – россияне (выходцы из республик Северного Кавказа) более успешно адаптированы в Москве, чем иностранные мигранты из государств Закавказья и Китая.

- При сравнении взаимного отношения к различным этническим группам у представителей пяти этнических групп (русских, армян, азербайджанцев, грузин и чеченцев) выявлено преобладание взаимных позитивных оценок. При этом для всех групп характерны проявления этноцентризма, а отношение русских к отдельным этнокультурным группам Северного Кавказа и Закавказья намного лучше, чем отношение к некому усредненному образу «кавказцев».

- Результаты регрессионного анализа показали, что наиболее позитивными факторами, влияющими на адаптацию москвичей к поликультурности города и принятие мигрантов являются выраженность и позитивность гражданской идентичности, культурная, экономическая и интегральная безопасность и особенно – мультикультурная идеология.

- Лучшей адаптации инокультурных мигрантов способствуют: выраженная гражданская и позитивная этническая идентичность, культурная, физическая и интегральная безопасность и мультикультурная идеология.

- Воспринимаемая угроза серьезно осложняет взаимную адаптацию представителей доминирующего этноса и инокультурных мигрантов в столичном мегаполисе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование, выполненное в русле нового теоретического подхода, соединяющего аккультурацию мигрантов и межэтнические отношения в поликультурном социуме, нацеленное на социально-психологический анализ взаимной аккультурации русских москвичей и инокультурных мигрантов выявило важнейшую роль культурных факторов в обеспечении успешной взаимной адаптации.

Один из этих факторов – сохранение позитивности культурной идентичности, которое способствует установкам этнической толерантности, равенства и готовности к интеграции с обеих сторон.

Другим важным фактором является выраженность и позитивная валентность гражданской идентичности, которое служит объединяющим началом для всех этнокультурных групп Москвы.

Очень важным фактором взаимной адаптации является ощущение безопасности (культурной, экономической, интегральной), его отсутствие ведет к предубеждениям и межэтнической нетерпимости.

Обеспечить позитивное воздействие этих факторов может идеология мультикультурализма, т.е. признание права каждого человека (и народа) сохранять свою культурную самобытность, если он того желает. Данный фактор оказался наиболее мощным и наиболее универсальным для всех исследуемых групп.

Литература

1. *Вендина О.И.* Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? – М., 2005.
2. *Витковская Г.* Кавказские мигранты в России: оценка и факторы адаптации, отношение местного населения, 2003. <http://antropotok.archipelag.ru/text/ad03.htm>
3. Москва многонациональная. – М.: «СИМПТОМ», 1993. – № 5 (8).
4. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. – М.: Гендальф, 2003.
5. *Стельмах В.Г.* Москва: «маленький» Кавказ – большие проблемы // Бюллетень «Конфликт – диалог – сотрудничество». – М., 1999. – №1. – С. 144–147.
6. *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. – С. 331–350.
7. Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М., 2005.
8. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М., 2002.
9. *Юдина Т.Н.* Международная миграция в Москве: социолого-экономический анализ влияния на социальные процессы. – М., «СИМПТОМ», 2002. – № 10 (128).
10. *Berry J.W.* Psychological aspects of cultural pluralism. *Culture Learning*, 1974, 2, 17–22.
11. *Berry J.W.* Acculturation as varieties of adaptation. In A. Padilla (Ed.), *Acculturation: Theory, models and some new findings*. Boulder: Westview Press. 1980. – P.9–25.
12. *Berry J.W.* Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1984, 16, 353–370.

13. *Berry J.W.* The role of psychology in ethnic studies. *Canadian Ethnic Studies*, 1990, 22, 8–21.
14. *Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, № 46, 5–68.
15. *Berry J.W.* Aboriginal cultural identity. *Canadian Journal of Native Studies*, 1999a, 19, 1–36.
16. *Berry J.W.* Intercultural relations in plural societies. *Canadian Psychology*, 1999b, 40, 12–21.
17. *Berry J.W.* Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun P. Balls-Organista & G. Marin (Eds). *Acculturation: Advances in theory, measurement and application*. Washington: APA Books. 2003. – P. 17–37.
18. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, № 29. – P. 697–712.
19. *Berry J.W. & Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1995, № 27, 301–320.
20. *Berry J.W. and Kalin R.* Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience. In S. Renshon & Duckitt (Eds). *Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations*. – London: MacMillan. 2000. – P. 263–284.
21. *Berry J.W. & Laponce J.* (Eds.) *Ethnicity and culture in Canada: The research landscape*. – Toronto: University of Toronto Press, 1994.
22. *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L. & Vedder P.* (Eds.) *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006a.
23. *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L. & Vedder P.* (Eds.). *Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation*.

- Applied Psychology: An International Review, 2006b, 55, 303–332.
24. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. & Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. – N.Y.: Cambridge University Press, 2002.
  25. *Bourhis R.* Ethnic and language attitudes in Québec. In J.W. Berry & J. Laponce (Eds.). Ethnicity and culture in Canada: That research landscape. – Toronto: University of Toronto Press. 1994. – P. 322–360.
  26. *Bourhis R., Moise C., Perreault S. & Senecal S.* Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 1997, № 32, 369–386.
  27. *Brewer M. & Campbell D.T.* Ethnocentrism and intergroup attitudes. – Beverly Hills: Sage, 1976.
  28. Government of Canada. Multicultural Policy: Statement to House of Commons. – Ottawa, 1971.
  29. *Hagendoorn L. et al.* Interethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, № 22, 483–503.
  30. *Kalin R. & Berry J.W.* Social ecology of ethnic attitudes in Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1982, № 14, 97–109.
  31. *Kalin R. & Berry J.W.* Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. *Canadians Ethnic Studies*, 1995, № 27, 1–15.
  32. *Kalin R. & Berry J.W.* Interethnic attitudes in Canada: Ethnocentrism, consensual hierarchy and reciprocity. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1996, № 28, 253–261.
  33. *Montreuil A. & Bourhis R.* Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 2004, № 28, 507–532.

34. *LeVine R. & Campbell D.T.* Ethnocentrism. – N.Y.: Wiley, 1972.
35. *Redfield R., Linton R. & Herskovits M.J.* Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist*, 1936, № 38, 149–152
36. *Sam D.L. & Berry J.W.* (Eds). *Cambridge handbook of acculturation psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
37. *Van Oudenhoven J.P., Groenewoud J.T. & Hewstone M.* Cooperation, ethnic salience and generalization of inter-ethnic attitudes. *European Journal of Social Psychology*, 1996, № 26, 649–661.
38. *Ward C.* Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training* (2nd ed., pp. 124–147). – Newbury Park: Sage, 1996.
39. *Ward C.* The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, № 56, 1–19.
40. *Ward C., Masgoret A.-M. & Leong C.-H.* Immigration, acculturation and intergroup relations in New Zealand. Paper presented at IACCP Congress, Spetses, Greece, 2006.
41. *Ward C.* The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, № 56, 1–19.

Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам¹

Введение

В данной статье представлены результаты исследования того, насколько принимающее население (в данном случае, жители г. Москвы) рассматривает мигрантов в качестве объекта потенциальной угрозы, и каковы могут быть последствия такого восприятия инокультурных мигрантов.

По свидетельству специалистов к середине первого десятилетия 2000-х гг. в Москве уже практически не осталось тех, кто не заметил бы расширившегося притока в Москву иноэтнического населения. Если в 1997 г. 87 % русских москвичей утвердительно ответили на вопрос о том, замечали ли они в последнее время появление в Москве большого числа нерусских приезжих, то в 2006 г. – уже 98 % (Остапенко, Субботина, 2007).

Как относились москвичи к инокультурным мигрантам? Этносоциологические исследования свидетельствуют о том, что отношение было не слишком позитивным и довольно предубежденным (Попков, 2003). Исследования последних лет устойчиво фиксировали негативное отношение к усилившейся миграции в Россию иноэтнического населения со стороны москвичей (Остапенко, Субботина, 2007). На основе материалов социологических опросов, проведенных в начале 2000-х гг. Центром миграционных исследований, был сделан

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

вывод о том, что население России страдает мигрантофобией (Бадыштова, 2005).

Материалы социологического опроса 2006 г. в целом подтвердили это заключение: среди русских москвичей преобладала группа людей (57 %), в той или иной мере отрицательно настроенных на возросший в последние годы приток в Москву приезжих, причем почти четверть относилась к этому явлению крайне негативно и лишь 3 % – положительно и скорее положительно (Остапенко, Субботина, 2007). В то же время, авторы отмечают, что зародившаяся еще в 1990-х гг. прошлого века тенденция к практически ежегодному приросту относительного числа москвичей, недовольных миграцией, в настоящее время приостановила свое действие. Авторы обнаружили среди москвичей сравнительно крупную (в пределах 40 %) группу людей, не испытывающих неприязни к пришлому населению, что, с их точки зрения, может свидетельствовать о наступлении некоторой стабилизации в отношениях между русским населением Москвы и инокультурными мигрантами.

Наличие негативных социальных представлений о мигрантах опасно не только для самих мигрантов, но и для принимающего населения. Установки принимающего населения могут иметь эффект бумеранга, который определяется в народе пословицей: «назовут свиньей и захрюкаешь». Мигранты могут бессознательно воспроизводить те паттерны, которых от них ожидает принимающее население. Важно, чтобы у двух сторон была сформирована готовность к конструктивному взаимодействию. У мигрантов – узнавать и принимать «правила игры» (нормы поведения в той среде, куда они приехали). А у коренного населения должна быть готовность «разъяснять» эти «правила». Естественно, я имею в виду, специальные программы по интеграции мигрантов в жизнь мегаполиса. Конечно же, бессмысленно просто говорить, что все должны быть толерантными или, что все должны любить друг друга. Что может способствовать фор-

мированию позитивных межгрупповых отношений с мигрантами? В условиях инокультурной миграции – это так называемое «воспринимаемое сходство».

Известный кросскультурный психолог Г. Триандис писал, что «воспринимаемое сходство» способствует принятию других людей, в т. ч. и представителей других культур (Триандис, 2007). То есть чем больше мигранты воспринимаются представителями коренного населения как похожие на них, тем больше они принимаются коренным населением. Когда мигрант ведет себя так же, как ведут себя коренные жители, так же говорит и мало чем от них отличается, тогда отношение будет к нему как к «своему». Какие же факторы способствуют росту воспринимаемого сходства? Гарри Триандис приводит следующие.

- Чем больше усвоено разговорных навыков другой культуры, тем больше воспринимаемое культурное сходство. Очевидно, что люди, которые могут разговаривать на нашем языке, кажутся нам более похожими на нас, чем те, которые его не знают.

- Чем выше уровень взаимных социальных связей с другой личностью, тем выше степень воспринимаемого сходства, поскольку, чем больше у двух людей общих признаков, включая друзей и знакомых, тем больше они склонны воспринимать друг друга похожими.

- Чем меньше статусно-ролевых различий при контактах двух людей, тем сильнее воспринимаемое сходство.

- Чем выше стоящие перед людьми общие цели, тем больше воспринимаемое сходство. Естественно, любые общие элементы (возраст, пол) будут усиливать воспринимаемое сходство, но цели особенно важны.

- Воспринимаемое сходство вместе с возможностью контактов усиливает вероятность положительной оценки ситуаций межличностного взаимодействия (Триандис, 2007, с. 297-298).

Помимо несходства, фактором, обуславливающим негативное отношение к мигрантам, может быть так называемая «воспринимаемая угроза». То есть реальной угрозы от мигрантов может и не исходить – она будет мнимая, просто будет воображаться и передаваться по каналам межличностного общения представителями принимающего населения. Наиболее полно феномен воспринимаемой угрозы был рассмотрен в теории интегральной воспринимаемой угрозы У. Стефан и К. Стефан. Данные авторы рассмотрели и проанализировали все виды угроз, которые могут ощущаться при контакте с представителями инокультурных групп и объединили их в т.н. «интегральную угрозу». Теория воспринимаемой угрозы показывает, что для возникновения предубеждений и интолерантных установок совсем не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. Негативное отношение к представителям аутгрупп помимо реального конфликта может быть обусловлено другими субъективными факторами: групповой идентичностью, низким уровнем знаний о членах аутгрупп, соотношением статусов групп, которые ведут к межгрупповой тревожности и субъективно воспринимаемой угрозе со стороны членов аутгрупп. Основываясь на данной теории можно предположить, что воспринимаемая угроза у принимающего населения возникает таким же образом. Для возникновения ощущения угрозы реальные угрожающие действия со стороны мигрантов необязательны. Достаточен факт различия в нормах и ценностях групп, специфике групповой идентичности – это может привести к негативным стереотипам и воспринимаемой угрозе.

В своем исследовании мы сосредоточились не только на изучении воспринимаемой угрозы, но и противоположного явления – *базового чувства безопасности* коренного населения. Причем мы рассмотрели три компонента безопасности: физическую, культурную и экономическую. Восприни-

маемая угроза тоже рассматривалась, только как целостное явление, без деления на компоненты.

В теории интегральной воспринимаемой угрозы упоминается понятие группового статуса. Рассмотрим данное явление подробнее. Исследователи выделяют *объективный* и *субъективный* этнический статус (Савва, 1997). Это связано с тем, что статус определяется объективными и субъективными факторами. К объективным факторам относятся: включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образовательный уровень (Малхозова, 1999). Среди субъективных факторов можно назвать: самооценку этноса в целом (то есть позитивность-негативность идентичности), а также восприятие его другими этноконтактными группами. Низкий этнический статус, естественно, будет приводить к низкой самооценке и негативной этнической идентичности группы.

Эмпирическое исследование проблемы этнического статуса на Кубани и Северном Кавказе выполнено отечественным политологом и этносоциологом М.В. Саввой (Савва, 1997), который указывал на то, что этнические стереотипы связаны с этническим статусом группы и этнический статус является по сути системой авто- и гетеростереотипов. Негативные стереотипы помогают оправдывать экономическое и социальное превосходство тех, кто сосредоточил в своих руках богатство и власть. Изучив взаимные этнические стереотипы групп, проживающих на Северном Кавказе, М.В. Савва сделал вывод о низком этническом статусе русских.

Исследование М.В. Саввы, проведенное в 90-х годах (Савва, 1997), обнаружило интересный факт: русские очень часто приписывали представителям этнических меньшинств такое качество, как «сплоченность». При этом сами представители меньшинств данное качество русским не приписали ни разу. При этом русские видят эту характеристику скорее в негативном свете, так как им не нравится социальная успешность и активность некоторых групп мигрантов. Эти резуль-

таты хорошо согласуются с интегральной теорией воспринимаемой угрозы (Stephan & Stephan, 2000) и подтверждают ее – этническое большинство воспринимает сплоченность и активность меньшинств как угрозу своему социальному статусу.

Конечно же, субъективная этностатусная иерархия не говорит о каких-либо превосходствах одной группы над другой. Большинству людей, для того чтобы решить, как взаимодействовать с другим человеком, важно понять какое место он занимает в системе общества. При этом иерархическое структурирование – наиболее простое для нашей когнитивной (познавательной) сферы. Не нужно использовать многомерные сравнения – просто всех можно выстроить в линейку по вертикали. Такое же происходит часто у многих при взаимодействии, скажем, с коллегами (оставляем за скобками вопрос о плюсах и минусах такого иерархического взаимодействия). Российская культура по своей сути иерархична, поэтому эти феномены хорошо «работают» и при восприятии представителей иноэтнических групп. Этнокультурные иерархии в сознании представителей разных этнических групп могут значительно отличаться.

В нашем исследовании субъективная этностатусная иерархия оценивалась с помощью методики Дж. Берри с коллегами, которая называется «Градусник». Описание выборки русских и методики исследования представлено в статье «Методология и методика исследования аккультурации и межкультурного взаимодействия» настоящего сборника.

Итак, в рамках данной статьи мы попытаемся найти ответы на следующие вопросы.

1. Как воспринимает русское население Москвы инокультурных мигрантов?

2. Насколько велика воспринимаемая угроза для русских со стороны мигрантов?

3. К чему может привести рост воспринимаемой угрозы принимающего населения?

4. Каково соотношение стратегий (по Дж. Берри), характеризующих отношение русских, как принимающего населения, к мигрантам?

Результаты исследования отношения русских жителей Москвы к инокультурным мигрантам

При анализе данных мы следовали определенной схеме, стремясь ответить на ряд следующих вопросов.

1. *Каковы средние значения показателей по всем методикам?* Ответ на этот вопрос позволит понять, во-первых, стратегии поведения русских по отношению к мигрантам; во-вторых, оценить интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу у русских; и, в-третьих, оценить установки русских по отношению к мигрантам.

2. *Каковы связи показателей, характеризующих интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу русских с их отношением к мигрантам (установками и стратегиями межкультурного взаимодействия)?* Ответ на этот вопрос позволит понять, и в определенной степени спрогнозировать, основные тенденции, которые могут иметь место при изменении интегральной безопасности принимающего населения.

3. *Чем отличаются друг от друга люди, характеризующиеся разными уровнями интегральной безопасности?* В принципе, данный вопрос является определенным дополнением к вопросу 2. Мы сможем глубже понять основные тенденции, которые могут иметь место при изменении интегральной безопасности принимающего населения.

4. *Какова этностатусная иерархия глазами русских? Кого и в какой степени они принимают?* Ответ на данный вопрос позволит нам понять отношение русских к представителям различных этнических групп и увидеть этностатусную иерархию глазами принимающего населения.

1. Средние значения показателей по всем методикам

На начальном этапе анализа вычислялись средние арифметические по всем шкалам. В таблице 1 приводятся средние значения показателей по всем методиками, все шкалы 5-и балльные, то есть минимум – 1 балл, максимум – 5 баллов.

Таблица 1

Средние значения показателей по всем методикам

Показатели	Среднее значение
Культурная безопасность	3,1
Экономическая безопасность	2,9
Физическая безопасность	2,9
Интегральная безопасность	3,0
Воспринимаемая угроза	1,9
Мигрантофобия	3,4
Этническая толерантность	3,3
Сегрегация	2,2
Исключение	1,7
Мультикультурализм	4,1
Плавильный котел	2,0

Значения трех видов **безопасности** (экономической, культурной и физической) и, как результирующая, интегральная безопасность, показывают, что она находится у русских на среднем уровне (около 3-х баллов). Это говорит о том, что русские, как принимающее население, не испытывают полного чувства уверенности за свою безопасность в поликультурной среде. Из всех трех компонентов интегральной безопасности наибольший балл получила культурная безопасность (3,1 балла), что не является высоким показате-

лем. Наименьший балл получили физическая и экономическая безопасность.

Воспринимаемая угроза у русских повышена (1,9 балла из 5-и максимальных), но нельзя сказать, что она очень высокая. Эти результаты говорят о том, что русские в присутствии мигрантов ощущают тревогу и могут чувствовать себя в безопасности. Но если попытаться оценить реальную угрозу, исходящую от мигрантов, то ее практически нет.

Таким образом, мы можем заключить, что русские Москвы, как принимающее население не обладают базовым чувством безопасности в ситуации притока инокультурных мигрантов. Особенно низки физическая безопасность (отсутствие опасения за свое здоровье) и экономическая безопасность (отсутствие страха сильной конкуренции за рабочие места). Культурная безопасность (уверенность в сохранности собственной культуры) тоже страдает, но меньше. Эти данные, в сочетании с невысокими показателями воспринимаемой угрозы, свидетельствуют в пользу того, что принимающее население испытывает повышенную тревожность при притоке инокультурных мигрантов, особенно опасается за физическую и экономическую безопасность. Но *реальной* угрозы, исходящей от мигрантов практически нет.

Мигрантофобия и этническая толерантность. Данные по этим шкалам немного выше срединных значений – мигрантофобия – 3,4 балла (из 5-и возможных), этническая толерантность 3,3 балла (из 5-и возможных). Эти результаты говорят о том, что мигрантофобия принимающего населения несколько повышена. Этот показатель, вероятно, связан с воспринимаемой угрозой (и дальше эта гипотеза нашла подтверждение). Принимающее население несколько опасается мигрантов. Однако повышенная мигрантофобия сопряжена с, пусть не высокой, но и не низкой толерантностью русских. У этого феномена есть два объяснения. Во-первых, принимающее население действительно толерантно к мигрантам – иначе бы они не ехали в Москву и не адаптировались здесь

(преимущественно речь идет об экономической адаптации) весьма успешно. Во-вторых, на вопросы, связанные с этнической толерантностью, большинство людей стараются отвечать «правильно», чтобы продемонстрировать свою толерантность. Однако такая толерантность существует на *когнитивном* (познавательном) и часто на *поведенческом* уровне диспозиций личности, но принятия мигрантов на *эмоциональном* уровне, а, следовательно, и толерантности, может и не быть.

Рассмотрим стратегии, характеризующие отношение принимающего населения к мигрантам. Как видно из табл. 1 большинство респондентов предпочитают «Мультикультурализм» (4,1 балла) – стратегию наиболее благоприятную как для мигрантов, так и для принимающего населения. Практически не предпочитается респондентами стратегия «Исключение» (1,7 балла). В одинаковой мере мало предпочитают респондентам стратегии «Сегрегация» (2,2 балла) и «Плавильный котел» (2 балла).

На рис. 1, в виде круговой диаграммы представлено соотношение стратегий, характеризующих отношение жителей г. Москвы к инокультурным мигрантам.

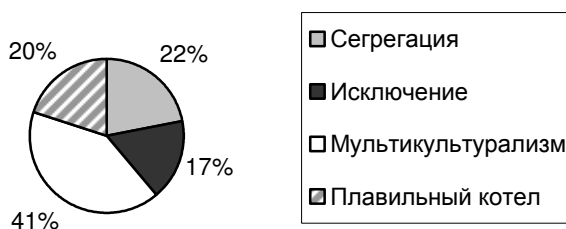

Рис. 1. Соотношение стратегий, характеризующих отношение жителей г. Москвы к инокультурным мигрантам

Диаграмма показывает, что наибольший сектор приходится на стратегию «Мультикультурализм». С одной стороны, это позитивная тенденция, но не стоит забывать, что около 59% остальных выборов приходится на три другие стратегии «Плавильный котел», «Сегрегация» и «Исключение», которые считаются менее благоприятными для толерантных межэтнических отношений в поликультурном обществе. Поэтому необходима дальнейшая работа по формированию у принимающего населения г. Москвы мультикультурных установок.

2. Взаимосвязи интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с отношением к мигрантам

Для выявления взаимосвязей показателей, характеризующих интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу русских, с их отношением к мигрантам использовался множественный регрессионный анализ. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Далее на рис. 2 в виде схемы изображены все обнаруженные и отмеченные в табл. 2 взаимосвязи.

Итак, при анализе результатов, обратимся к рисунку 2. Как видно на рисунке, существуют взаимосвязи компонентов интегральной безопасности, а также всего этого конструкта в целом с установками и стратегиями и межкультурного взаимодействия.

Таблица 2

Взаимосвязь интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с межэтническими установками

<i>Межгрупповые установки</i>	установками					F
	Культурная безопасность β	Экономическая безопасность β	Физическая безопасность β	Интегральная безопасность β	Воспринимаемая угроза β	
Сегрегация	-.14**	-.12*			.10*	6.8***
Исключение					.27***	32.8***
Мультикультурализм				.15	-.25***	16.1***
Плавающий котел					.16***	10.9***
Этническая толерантность	.20***		.14**		-.13**	15.1***
Установка на социальное равенство				.13**	-.20***	13.7***
Мигрантофобия				-.18***	.14**	13.5***

Уровень достоверности: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

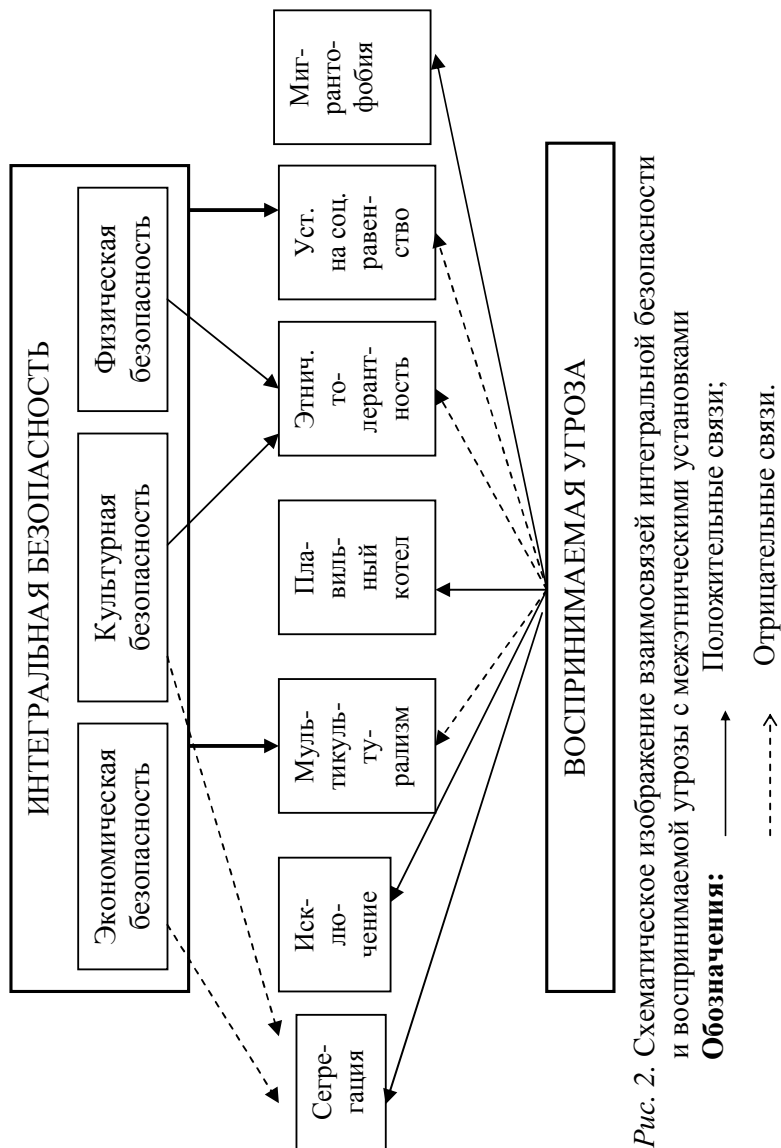

Рис. 2. Схематическое изображение взаимосвязей интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с межэтническими установками

Экономическая и культурная безопасность принимающего населения препятствуют выбору такой стратегии, как «Сегрегация». При отсутствии экономической и культурной безопасности, принимающее население, вероятно, будет стремиться «вытолкнуть» мигрантов из своей среды, поощряя самостоятельность их проживания и не предпринимая никаких мер для их адаптации. *Культурная и физическая безопасность* принимающего населения способствуют этнической толерантности.

В целом, наличие *интегральной безопасности* принимающего населения положительно связано с выбором такой стратегии, как «Мультикультурализм» и установкой на социальное равенство. Таким образом, наличие интегральной безопасности принимающего населения благоприятно сказывается на его отношениях с мигрантами, а также способствует принятию и интеграции их в свою среду.

Воспринимаемая угроза связана со всеми стратегиями и установками по отношению к инокультурным мигрантам. Опираясь на выявленные взаимосвязи, можно отметить, что воспринимаемая угроза русских г. Москвы может иметь следующие эффекты в отношении к мигрантам:

- способствовать ориентации принимающего населения на стратегии «Сегрегация», «Исключение», «Плавильный котел»;
- препятствовать реализации стратегии «Мультикультурализм»;
- препятствовать этической толерантности и установкам на социальное равенство;
- способствовать развитию у принимающего населения мигрантофобии.

Таким образом, наличие воспринимаемой угрозы у принимающего населения имеет значительные негативные эффекты для адаптации мигрантов в поликультурном мегаполисе и будет сильно затруднять ее.

3. Отличия людей, характеризующиеся разными уровнями интегральной безопасности

Отметив, насколько важным является базовое чувство безопасности принимающего населения для адаптации мигрантов, зададимся вопросом: что же отличает между собой людей с высокими и низкими показателями интегральной безопасности? Для ответа на этот вопрос в выборке были выделены две контрастные группы – респонденты с низкими показателями интегральной безопасности (индекс варьировал от 1,8 до 2,6 баллов) и респонденты с высоким уровнем интегральной безопасности (индекс варьировал от 3,3 до 4,3 баллов). В каждой контрастной группе было по 100 респондентов.

Далее были сопоставлены средние значения всех показателей представителей данных подгрупп. Статистическая значимость (неслучайность) обнаруженных различий оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента.

На рисунке 3 в виде гистограммы приводятся различия в группах с высоким и низким уровнями интегральной безопасности.

Будем говорить только о достоверных различиях из всех тех, которые видны на гистограмме. Люди, характеризующиеся более высокими показателями интегральной безопасности, имеют более высокие показатели ориентации на стратегию «Мультикультурализм» ($p < 0.05$), у них ниже воспринимаемая угроза ($p < 0.05$), они в большей степени разделяют мультикультурную идеологию ($p < 0.001$), у них выше этническая толерантность ($p < 0.01$), и ниже мигрантофобия ($p < 0.05$).

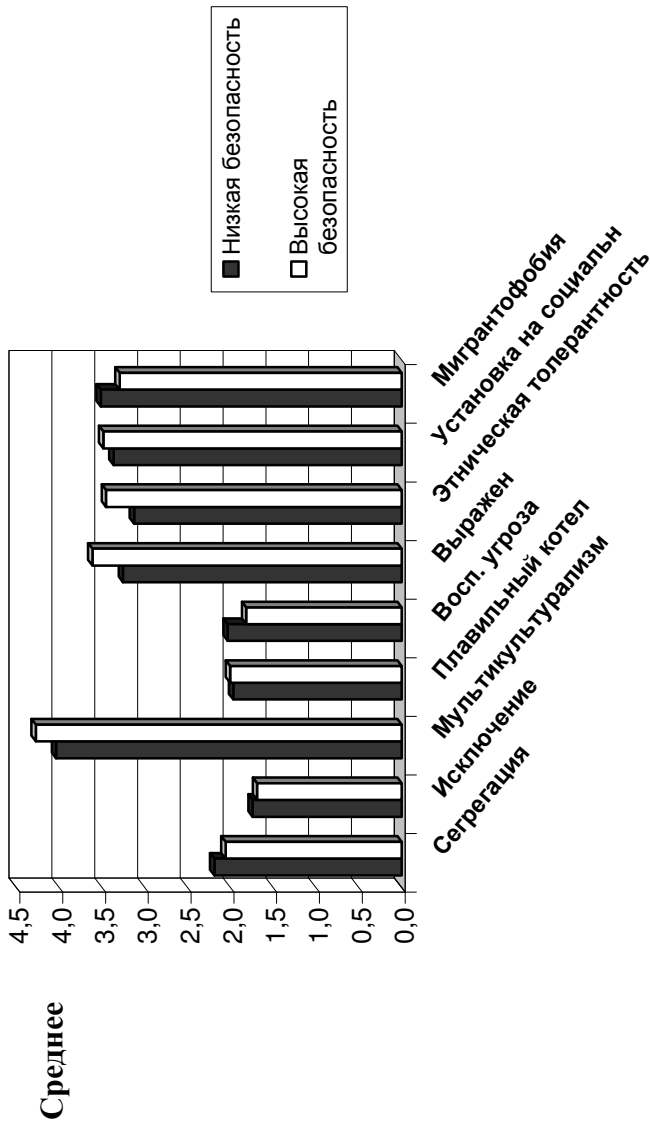

Рис. 3. Различия в группах с высоким и низким уровнями интегральной безопасности

Будем говорить только о достоверных различиях из всех тех, которые видны на гистограмме. Люди, характеризующиеся более высокими показателями интегральной безопасности, имеют более высокие показатели ориентации на стратегию «Мультикультурализм» ($p < 0.05$), у них ниже воспринимаемая угроза ($p < 0.05$), они в большей степени разделяют мультикультурную идеологию ($p < 0.001$), у них выше этническая толерантность ($p < 0.01$), и ниже мигрантофобия ($p < 0.05$).

Итак, представители принимающего населения, имеющие высокий уровень интегральной безопасности и низкий уровень воспринимаемой угрозы, в большей мере разделяют идеологию мультикультурализма и имеют более толерантные межэтнические установки. Важно заметить, что воспринимаемая угроза и интегральная безопасность – конструкты психологические и очень субъективные. То есть реальной угрозы от мигрантов может не исходить, а принимающее население будет все равно опасаться мигрантов в силу их «инаковости» – то есть угроза исключительно *воспринимаемая*. Этот феномен связан с т.н. межгрупповой тревожностью (Stephan & Stephan, 2000). Людям свойственно испытывать страх и беспокойство при контакте с представителями других групп за исход этого контакта. Способов снижения межгрупповой тревожности не так много. Это, прежде всего, позитивные контакты с представителями иноэтнических групп, в результате которых люди понимают, что беспокоиться не о чем. Либо это межкультурное обучение и просвещение представителей принимающего населения, что тоже снижает тревожность. Думаю, что Правительству Москвы следует обратить особенное внимание именно на второй способ.

4. Степень принятия русскими представителями различных этнических групп

Для определения того, как воспринимают русские представителей различных этнических групп, которые их окружают, использовалась методика под названием «Градусник». Респондентов просили оценить свое отношение к различным группам мигрантов, используя шкалу, подобную термометру. «Термометр» имеет деления от 1 до 100. Если благоприятное отношение к какой либо группе, то присуждается любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и, наоборот, при неблагоприятном отношении группе присуждается от 0 до 50 «градусов». Этнические группы для оценки респонденты указывали сами – те, которые вспомнят, но не более 10. В таблице 3 приводятся результаты оценки русскими своего отношения к представителям окружающих их этнических групп.

Заметим, что в данной работе мы рассматриваем только те группы, к представителям которых русские респонденты выразили позитивное отношение (свыше 50 «градусов»). Группы, получившие негативную оценку (менее 50 «градусов»), в данной статье рассматриваться не будут.

Итак, можно сказать, что результаты опроса, приведенные в таблице 3, отражают этностатусную иерархию русских, точнее ее позитивный полюс. Возглавляют ее, как и ожидалось русские – своя группа ближе всего, а замыкают якуты – группа, с представителями которой русские Москвы контактируют чрезвычайно редко. В первых рядах этой иерархии, наряду с русскими, находятся белорусы, евреи, немцы. Белорусы попали на второе место, поскольку они мало чем отличаются от русских: антропологически, культурно, общая история, кроме того, Белоруссия в настоящее время в союзе с Россией.

Таблица 3

Отношение принимающего населения г. Москвы
к различным группам мигрантов

Ранг	Этническая группа	Среднее значение «градуса»	Частота упоминаний
1	Русские	89,01	170
2	Белорусы	72,15	62
3	Евреи	71,94	66
4	Немцы	71,39	33
5	Армяне	68	176
6	Татары	64,97	73
7	Казахи	64,61	39
8	Осетины	62,5	15
9	Дагестанцы	61,94	14
10	Корейцы	61,81	16
11	Грузины	60,5	165
12	Украинцы	58,05	86
13	Якуты	57,83	14

За белорусами следуют евреи. В целом позитивное отношение москвичей к евреям отмечали и другие авторы. Например, в исследовании, проведенном около 2-х лет назад, отмечалось следующее. «Наиболее предпочтительным для горожан был приезд в их город украинцев (38 % голосов), на втором и третьем местах с довольно большим отрывом стояли татары (19 %) и евреи (15%). ... Интересно, что молодежь чаще выбирала татар, а старшее поколение – евреев. В известной мере это можно объяснить тем, что в последние годы произошел заметный социально-культурный рост московских татар, что не могли не заметить люди сравнительно молодого возраста, многие из которых работали или учились вместе с представителями этой национальности. .... В свою

очередь евреи особо ценились людьми старшего возраста на их успешную деятельность в культуре и медицине» (Остапенко, Субботина, 2007, с. 171–172).

Почему немцы попали тоже в первую четверку? Вероятно, в силу того, что поколение нынешней молодежи и их родители позитивно относятся к немцам из-за их вклада в науку и культуру, экономической успешности, а представители поколения, которое воевало с немцами, нами не опрашивались.

Интересно, что если в приводимом выше исследовании украинцы были наиболее предпочитаемой группой, то в нашем исследовании представители этой группы находятся на 12-ом месте. То, что перед украинцами на 11-ом месте находятся грузины, наводит на определенные мысли. Отношение людей к представителям этнических групп, зависит не только от их собственных социальных представлений и опыта контакта с представителями этих групп. Большое значение в формировании межэтнических отношений играет СМИ. И если через СМИ подается образ Украины и Грузии как весьма недобросовестных стран, с проамериканским руководством, и не любящих Россию и русских, то и отношение москвичей к представителям этих стран, в конечном итоге, получается соответствующее.

Еще один важный показатель – частота упоминания (то есть, сколько человек эту группу вспомнили и оценили) представителей этнической группы респондентами. По частоте упоминания, кроме русских, «лидируют» армяне, грузины и украинцы. Вероятно, что такая частота упоминания связана с рядом факторов. Первый – это частота встречаемости представителей данной этнической группы в окружении москвичей. Второй – длительность проживания. Грузины, армяне, украинцы живут в Москве уже несколько поколений. Поэтому многие люди контактировали с ними и легко вспоминают представителей данных групп. Наименьшая частота упоминания – у дагестанцев, осетин, якутов. Представители

этих групп недавно стали приезжать в Москву, их численность в Москве относительно невелика. Поэтому частота контактов москвичей с представителями этих групп низка, и, как следствие, они реже вспоминаются при оценке.

Выводы

1. Русские г. Москвы не обладают базовым чувством безопасности в ситуации притока инокультурных мигрантов. Особенно низки физическая безопасность (отсутствие опасения за свое здоровье) и экономическая безопасность (отсутствие боязни сильной конкуренции за рабочие места). Культурная безопасность (уверенность в сохранности собственной культуры) тоже страдает, но меньше. Результаты свидетельствуют в пользу того, что принимающее население испытывает повышенную тревожность при притоке инокультурных мигрантов, особенно опасается за физическую и экономическую безопасность. Но реальной угрозы, исходящей от мигрантов практически нет.

2. Показатели русских по мигрантофобии и этнической толерантности выше средних. Эти результаты говорят о том, что мигрантофобия у принимающего населения несколько повышена. Однако повышенная мигрантофобия сопряжена со средне-выраженной этнической толерантностью русских.

3. При построении взаимоотношений с мигрантами, наибольшее предпочтение жителями г. Москвы отдается стратегии «Мультикультурализм». С одной стороны, это позитивная тенденция, однако, более половины остальных выборов приходится на три другие стратегии: «Плавильный котел», «Сегрегация» и «Исключение», которые считаются менее благоприятными для толерантных межэтнических отношений в поликультурном обществе. Поэтому необходима дальнейшая работа по формированию у принимающего населения г. Москвы мультикультурных установок.

4. Экономическая и культурная безопасность принимающего населения препятствуют выбору такой стратегии, как «Сегрегация». Культурная и физическая безопасность принимающего населения способствуют этнической толерантности. В целом, наличие интегральной безопасности принимающего населения положительно связано с выбором такой стратегии, как «Мультикультурализм» и установкой на социальное равенство. Наличие интегральной безопасности принимающего населения благоприятно сказывается на его отношениях с мигрантами, а также способствует принятию и интеграции их в свою среду.

5. Наличие воспринимаемой угрозы по отношению к мигрантам может иметь следующие эффекты: а) способствовать ориентации принимающего населения на стратегии «Сегрегация», «Исключение», «Плавильный котел»; б) препятствовать реализации стратегии «Мультикультурализм»; в) препятствовать этической толерантности и установкам на социальное равенство; г) способствовать развитию у принимающего населения мигрантофобии.

6. Представители принимающего населения, имеющие высокий уровень интегральной безопасности и низкий уровень воспринимаемой угрозы, в более значительной мере разделяют идеологию мультикультурализма и имеют толерантные межэтнические установки.

7. Среди москвичей наблюдается, в целом, позитивное отношение к представителям следующих этнических групп (в порядке убывания): белорусы, евреи, немцы, армяне, татары, казахи, осетины, дагестанцы, корейцы, грузины, украинцы, якуты.

Заключение

Итак, в целом можно сказать, что, несмотря на то, что на сознательном уровне принимающее население г. Москвы демонстрирует позитивные установки по отношению к ми-

грантам, москвичи несколько опасаются мигрантов. Если рассмотреть средние показатели методик, оценивающих когнитивный уровень восприятия москвичами мигрантов, то наиболее предпочитаемым аккультурационным ожиданием является «Мультикультурализм», а также показатели этнической толерантности несколько выше срединных значений шкалы, аналогично обстоят дела с интегральной безопасностью и ее компонентами. Москвичи как бы демонстрируют сдержанно-толерантное отношение к мигрантам.

Однако, когда мы рассматриваем результаты, полученные с помощью методики, затрагивающей эмоциональный уровень – методики оценки мигрантофобии, то мы видим показатели мигрантофобии выше средних значений шкалы. То есть, несмотря на то, что принимающее население Москвы на сознательном уровне демонстрирует готовность включить мигрантов в межкультурное взаимодействие, на эмоциональном уровне оно, вероятно, несколько опасается присутствия мигрантов в регионе.

Как показали наши исследования, москвичи, обладающие высоким уровнем интегральной безопасности, более толерантны по отношению к мигрантам и готовы в большей степени поддерживать мультикультурную идеологию. Поэтому работа по укреплению отношений между принимающим населением и мигрантами должна быть направлена на снижение мигрантофобии, повышение базового ощущения безопасности у принимающего населения и развитие мультикультурной идеологии.

Литература

1. *Бадыштова И.М.* Истоки интолерантности россиян к мигрантам // Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: Материалы международной

- конференции. Ставрополь–Домбай, 25-30 сентября.– М. – Ставрополь. 2005. – С. 117.
2. Кросскультурная психология. Исследования и применение / Под. ред. Дж. Бери, А. Пуртинга, М. Сигала, П. Дансена. – Харьков, 2007.
  3. *Малхозова Ф.М.* Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1999.
  4. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы иммигранты: вместе или рядом? – М., 2007.
  5. *Павленко В.Н.* Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Изд-во «Смысл», 2001. – С. 25–39.
  6. *Попков В.* Феномен этнических диаспор. – М., 2003.
  7. *Савва М.В.* Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. – 172 с.
  8. *Триандис Г.* Культура и социальное поведение. – М., 2007.
  9. *Уорд К.* Азбука аккультурации // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Изд-во «Питер», 2003. – С. 657–709.
  10. *Юдина Т.Н.* Социология миграции. – М., 2004. – С. 232.
  11. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // *Reducing prejudice and discrimination/Ed. by. S. Oscanp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah. – New Jersey, 2000. – P. 23–44.*
  12. *Moghaddam F.M.* Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // *Ethnic Psychology: Re-*

search and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners. – Amsterdam: Lisse, 1988. – P. 69–77.

13. *Stephan W.G., Stephan C.W.* Improving intergroup relations. Sage Publications, 2001.

Б. И. Жмакин

Особенности аккультурации мигрантов из стран СНГ и регионов России в Москве¹

Постановка проблемы внутренней миграции

Статья посвящена изучению особенностей аккультурации двух разных групп мигрантов: группы «внешних» мигрантов, выходцев из стран СНГ, и группы «внутренних» мигрантов, приезжих из регионов России, в Москве. Наиболее характерный для них тип миграции – это экономическая миграция. Ни для кого не секрет, что крупные города являются центром притяжения для экономических мигрантов – тех людей, которые приезжают на заработки в целях улучшить свое материальное положение и материальное положение своей семьи.

В течение 2008 года исследователем наблюдалась группа внутренних мигрантов, выходцев из Тверской и Владимирской областей Российской Федерации, получивших работу на одном из столичных мясоперерабатывающих заводов. Условия жизни этих людей не соответствовали никаким санитарным, гражданским или этическим нормам. На территории завода, занимающей примерно половину гектара, в самом незаметном и грязном угле, за заводской свалкой и от-

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг.(№ 08-04-0007)

грузочным дебаркадером, были выстроены щитовые деревянные бараки, в которых на подвесных двухэтажных нарах размещались «приезжие сотрудники», причем некоторые из них – с семьями. Условия труда были не менее грабительскими – у приезжих принимали на временное хранение (читай – отбирали) документы, и по истечении двухмесячного срока работ возвращали их. В течение двух месяцев такой «сотрудник» не мог самостоятельно покинуть территории завода даже для того, чтобы сходить в магазин. Питание эти люди получали в заводской столовой в период, когда никакие другие сотрудники завода не выходят на обеденный перерыв. Однако, при этом, оплата труда приезжих была практически равна, а иногда и превышала оплату труда местных, московских рабочих, но, разумеется, ни о каком восьмичасовом рабочем дне не приходилось говорить.

Несмотря на подобные чудовищные условия добровольного рабства, приток желающих поработать два месяца на этом предприятии не иссякал, и регулярно автобусы завода привозили новых сотрудников, некоторых – по второму или третьему разу. Все дело – в оплате труда, ведь за эти два месяца «приезжие сотрудники» получали, в среднем, по 50000 рублей на руки. Говорить о том, сколько рублей в результате капиталистической эксплуатации получал мясоперерабатывающий завод – не в нашей компетенции, однако, он наверняка не оставался в убытке.

Наблюдая подобную картину, мы поневоле задались вопросом, а так ли уж хорошо живет нашим же согражданам на территории нашей же страны? Являются ли внутренние мигранты конкурентоспособными по сравнению с внешними мигрантами, таджиками, узбеками, азербайджанцами, грузинами, белорусами, украинцами? Возможно ли законодательное регулирование процессов внутренней миграции, помимо набивших всем оскомину «прописки» и «разрешения на работу»? Должны ли внутренние мигранты получать какие – либо гарантированные законодательством льготы, не-

доступные внешним мигрантам? Ведь многие внешние мигранты, приезжающие на заработки или постоянное место жительства в Москву пользуются тем, что в психологии принято называть «социальным капиталом» – связями, знакомствами, рекомендациями друзей с родины, в то время как внутренние мигранты зачастую лишены этой возможности.

Цель исследования – выявить различия и сходства в установках и состояниях представителей внешних и внутренних мигрантов в мегаполисе.

Объект исследования – группы мигрантов из стран СНГ и регионов России.

Предмет исследования – особенности аккультурации мигрантов из стран СНГ и регионов России в мегаполисе.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые исследуются взаимные установки и отношения между группами внешних и внутренних мигрантов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что, благодаря анализу полученных результатов в будущем можно будет рассматривать вопрос о создании законодательной базы, регулирующей одновременно внешнюю и внутреннюю экономическую миграцию.

Общая гипотеза:

Существуют различия в установках и состояниях людей, являющихся внутренними и внешними мигрантами.

Частные гипотезы:

1. Внутренние мигранты в мегаполисе чувствуют себя в большей безопасности, чем внешние.

2. Внутренние мигранты существенно хуже относятся к внешним мигрантам, чем внешние – к внутренним.

Теоретико-методологические подходы к изучению миграций

Кросскультурные исследования начинают играть все более важную роль в мировой и отечественной психологии,

что связано, в первую очередь, с все возрастающими процессами миграции населения. С момента распада Советского Союза на бывшей его территории движутся огромные миграционные волны. В современных условиях международная миграция населения играет все возрастающую роль в развитии стран, оказывая при этом на них как положительное, так и отрицательное влияние. Дело в том, что с развитием экономики каждой страны человеческие ресурсы приобретают роль ключевых, становятся основным фактором дальнейшего социально – экономического развития. Российская Федерация является самой интернациональной федеративной республикой в мире, а смесь исконной поликультурности с огромными миграционными волнами в нашей стране, является потрясающей почвой для кросскультурных исследований. Так, например, из стран ближнего зарубежья (тех, которые имеют непосредственную границу с Россией) за период с 1991 по 2001 год, в Россию прибыло 7127,5 тысяч легальных мигрантов. Существует также мнение, что нелегальную иммиграцию в страну составляло примерно такое же число людей. Численность приезжих из стран дальнего зарубежья за период 1991 – 2001 гораздо скромнее и составляет 39,7 тысяч человек (по данным ГКС РФ).

В соответствии с темой статьи стоит упомянуть про феномен внутренней миграции. Научные данные, посвященные этому феномену, будут приведены ниже, здесь же мы постараемся просто обозначить проблему. Когда говорят о миграции, в первую очередь подразумевается миграция людей из одного государства в другое, то есть миграция, связанная напрямую с пересечением государственной границы, с языковым барьером, с изменением юридического статуса. Но, зачастую, говоря о миграции, забывают упомянуть о внутренней миграции, о проблеме, особенно актуальной для России и других стран с огромной территорией. Мы склонны считать, что человек, переехавший на ПМЖ в Санкт-Петербург из станицы в Краснодарском крае, совершил не

просто переезд, а внутреннюю миграцию. В таком перемещении налицо все признаки миграции – смена социального статуса, наличие трудностей в общении с коренным населением, культурный шок и многое другое.

Изучение миграций в различных областях науки. История изучения миграций

Начало теоретическому изучению миграций было положено в 19 веке английским ученым А. Равенштейном. Этот известный английский ученый, картограф и этнограф, в своей работе «The Russians on the Amur», датируемой 1861 годом, впервые описал экономические факторы как основные факторы миграции. Начиная с работ Равенштейна, в науке прочно закрепилось положение, допуская которое, следует утверждать, что основная причина миграций скрыта в экономических факторах. Проблема миграций в психологии не была никак затронута, однако, первые идеи о кросс-культурных психологических различиях среди людей возникают в начале 20 века в работах В. Вундта. При написании труда «Психология народов» Вундт исходил из положения, что индивидуальное сознание при посредстве языка, религии, жизненных привычек и обычаев связывается с жизнью народа в целом. Индивидуальная же воля находит себя в качестве элемента общей воли, и последняя определяет мотивы и цели первой. При этом культура и история есть истинная общественная жизнь, а не результат сочетания индивидуальных устремлений. Он писал, что люди и народы преходящи, а «дух истории» вечен и всегда прав, хотя законы его не осознаются ни обществом, ни индивидами. Результат поступков отдельных людей всегда выходит за пределы сознательных мотивов и целей, и непредвиденные последствия вызывают новые стремления. Таким образом, каждый человек обретает способность к творчеству, а общественное соз-

вание получает возможность сохранять результаты этого творчества (Большой Психологический Словарь, 2003).

В этом мы видим некоторое подобие дарвиновскому естественному отбору. Одна из первых работ советского периода, посвященная миграции, – работа Э.П. Плетнева «Международная миграция рабочей силы в условиях капиталистического хозяйства», датируемая 1962 годом (ровно 100 лет спустя после работы Равенштейна), отражает взгляд автора на миграцию рабочей силы в «империалистических странах» как на очередной инструмент «негуманной капиталистической эксплуатации беднейших слоев населения» (Плетнев, 1962). Вся четырехсотстраничная книга пропитана ненавистью к капиталистическому режиму, на каждой странице – осуждение в корне неверных доводов «буржуазных экономистов и социологов», всячески «поддерживающих и оправдывающих эксплуатацию тружеников-переселенцев». Однако, если закрыть глаза на идеологическую подоплеку, в этой книге можно увидеть колоссальный объем статистических данных и некоторое количество экономико-социологических выводов из них. Плетнев отмечает, что около 40 % ученых США, награжденных Нобелевской премией в области физики и химии, не являлись уроженцами этой страны (Плетнев, 1962).

Несколько слов о современных экономических подходах к феномену миграции. Обратим внимание на изыскания выдающегося экономиста и социолога, демографа В.А. Ионцева. Из его работ, нами были взяты следующие положения. Во-первых, В.А. Ионцев считает, что миграция населения в узком смысле слова выступает как часть более широкого понятия – миграционного движения населения. Это означает, что нельзя рассматривать какой-то конкретный миграционный процесс отдельно от общей демографической ситуации в мире, анализ любого миграционного процесса или его части необходимо проводить через призму объективной реальности мировых миграционных трендов. Во-вторых, В.А. Ион-

цев предлагает различать в понятии миграции межпоселенные и внутриселенные передвижения, что очевидным образом согласуется с нашим дуализмом внешней и внутренней миграции. В-третьих, Ионцев выделяет наличие возвратной и безвозвратной форм миграций, суть которых ясна из названий (Ионцев, 1998).

Миграция, миграционные процессы в этнокультурном контексте

Стоит отметить, что Международная организация труда (ILO, International Labour Organization) выделяет шесть категорий мигрантов, деление основано на принципе организации труда мигрантов.

1. Сезонные рабочие – мигранты. Это те люди, которые приезжают поработать в чужую страну тогда, когда им позволяют сезонные условия.

2. Трудящиеся мигранты, связанные с реализацией проекта. Те люди, которые работают в чужой стране над определённым проектом.

3. Трудящиеся по контракту мигранты.

4. Временные трудящиеся мигранты. Люди, которые работают по разрешению на трудовую деятельность.

5. Обосновавшиеся трудящиеся мигранты.

6. Высококвалифицированные трудящиеся мигранты.

Львиная доля иммигрантов в России относится к первой, четвёртой и пятой категориям ILO, что свидетельствует о недооценке государственными органами важности миграционных процессов.

Бондырева С.К., в своей книге «Миграция. Сущность и явление» определяет миграцию (добровольную) как процесс пространственного перемещения групп людей или отдельных индивидов, с целью оказаться в более выгодных условиях, чем они пребывают сейчас (Бондырева, 2004). Нель-

зя не согласиться с этим определением, ведь ни один мигрант не стал бы таковым, если бы вокруг него не сложилась ситуация, заставившая его искать выгоду в другом месте.

Тем не менее, группа людей одной национальности, попадая в инокультурное окружение, начинает проявлять некоторые отличительные свойства – такие, как организованность, строгая иерархия внутри группы, панибратские отношения, внутреннее построение по принципу родства, «землячества» (Бондырева, 2004). Однако, мигранты и вынужденные переселенцы, несмотря на глубокую сплоченность группы, чаще, чем коренные жители, высказывают жалобы на плохое самочувствие, повышенную утомляемость, нарушения сна (Солдатова, Шайгерова, 2001). Очевидно, что миграция оказывает на человека, его психику и соматику, в целом, негативное влияние. В контексте межкультурных контактов это приводит к развитию у мигрантов чувства «ущербности» перед принимающей стороной, зачастую подхлестываемое поведением людей из доминирующей этнической группы, которые, в свою очередь, склонны приписывать мигрантам негативные черты и особенности, что особенно верно для нашей страны в связи с тем, что большинство мигрантов в России находятся на нижних ступеньках социальной лестницы.

Внутренняя миграция

Данный вид миграции заслуживает более подробного рассмотрения. Это – миграция, осуществляемая между поселениями разных типов, расположенными в разных регионах страны. Так, если взять миграционную активность по четырем основным направлениям: город – город, село – город, город – село и село – село, видно, что динамика миграционной активности по каждому из них в отдельности имела определенную специфику. По данным Н.М. Мкртчана, за последние 10 лет в России сильнее всех уменьшилась мигра-

ция типа село – село, а наибольшее увеличение произошло в типе миграции город – город (Петров, 2004).

Снижение объемов внутренней миграции в России в последние годы рождает все больше вопросов. Помимо того, что сокращение идет год от года одинаковыми темпами, не очень понятно, почему оно вообще сокращается? За сокращение внутренней миграции выступают следующие факторы:

1). Отсутствие устойчивых точек роста и внятных экономических перспектив развития регионов не дает явных стимулов экономической миграции. Даже сравнительно богатые и динамично развивающиеся нефте- и газодобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа испытывали серьезные трудности в 1998 году в связи с падением цен на энергоносители, что немедленно поставило под вопрос рентабельность многих добывающих предприятий, и, как следствие – возможность сокращения рабочих мест, невыплаты заработной платы и т.п. В других регионах, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, перспектив для экономической миграции не просматривается.

2). Постепенно идущее изменение возрастной структуры населения России в сторону сокращения доли молодежи и роста доли населения в предпенсионном и пенсионном возрастах ведет к сокращению контингентов наиболее активных в миграционном отношении групп населения. Особенно остро этот процесс протекает в сельской местности многих регионов Европейской части страны, которая практически исчерпала свои миграционные ресурсы.

3). Несмотря на рост числа высших учебных заведений и доли студентов среди молодежи учебная миграция теряет значение рычага межрегионального перераспределения населения, все больше студентов переориентируются на учебу в своем городе или областном центре. Снижение для большинства семей возможности содержать студента вдали от дома, даже при условии бесплатного его обучения, явля-

ется жестким лимитирующим фактором развития учебной миграции. Другой, ранее часто встречавшийся способ миграции, – служба в рядах вооруженных сил с последующим «закреплением» по месту прохождения службы, сейчас также имеет, видимо, меньшее распространение.

4). Сохраняется ненормальная, почти крепостная привязанность человека к жилью, давно изжитая в развитых странах. Действующая де-факто система прописки (ныне – регистрации), служит ощутимым препятствием при приеме на работу лиц, этой регистрации не имеющих, как из числа иностранных граждан, так и россиян. В последнее время вновь на самом высоком уровне идет обсуждение вопроса по ужесточению режима регистрации, например, в Москве. Кроме того, наличие работы, даже нормально по российским меркам оплачиваемой, не дает возможности людям арендовать жилье или делать сбережения с целью его приобретения.

5). Развитие форм временной, коммерческой, «челночной» миграции, которая позволяет части семей получать средства к существованию путем работы на временной основе в другом городе или регионе. Это ведет к определенным сложностям в жизни трудовых мигрантов, но позволяет им осуществлять трудовую деятельность, избегая затрат на переезд всей семьи. Трудовая миграция, в отличие от переселения, не предполагает смены постоянного места жительства, по крайней мере, на первоначальном этапе. Пока временные трудовые миграции в определенной степени сдерживают переселения (и работник, и работодатель имеют определенные выгоды от такого положения дел), но в перспективе они могут послужить толчком к переселению на новое место жительства, ближе к работе, уже на постоянной основе. Масштабы временной трудовой миграции, на основании данных выборочных социологических обследований, оцениваются в 4 (данные официальных источников) – 12 миллионов человек.

б). Государство резко сократило свое вмешательство в сферу регулирования миграции, в том плане, что больше не выступает в качестве субъекта экономического стимулирования перемещения населения и трудовых ресурсов. Правда, в последние годы как федеральные, так и региональные власти все чаще выдвигают инициативы по введению ряда административных ограничений миграции, что также вряд ли будет способствовать усилению миграционной активности граждан (а тем более неграждан), особенно регистрируемой ее части (Петров, 2004).

Методика исследования

Участники исследования. В исследовании участвовало 130 человек, разделенных на 2 экспериментальные группы – группу внешних мигрантов и группу внутренних мигрантов. Основание деления – родной язык и национальность респондента. К группе внутренних мигрантов относились русские, приехавшие в Москву на заработки из регионов РФ, к внешним – люди иных национальностей, приехавшие в Москву из стран СНГ (Беларусь, Таджикистан и Узбекистан).

Таблица 1

Описание выборки

Национальность мигранта	Мужчин	Женщин	Средний возраст
Русские (внутренние мигранты)	26	24	32
Таджики	26	2	36
Белорусы	12	17	26
Узбеки	15	8	38
Всего	79	51	33
	130		

В качестве метода исследования применялся социально-психологический опрос с помощью измененного опросника Дж. Берри. Опросник в настоящей форме разработан Джоном Берри в 2005 году, переведён на русский язык Н.М. Лебедевой в 2006, проходил всестороннюю валидизацию и апробацию в предыдущих исследованиях. Также, была разработана авторская шкала, призванная оценить отношения людей из групп внешних и внутренних мигрантов друг к другу. Шкала разработана по типу шкалы Лайкерта, 5 – балльная, где «1» означает наиболее негативное отношение одних мигрантов к мигрантам из другой группы; а «5» означает наиболее позитивное отношение и благосклонность.

Шкала названа «Взаимная толерантность мигрантов».

Вот вопросы этой шкалы, предложенные в варианте опросника для внешних мигрантов:

1.	Выразите ваше отношение к другим мигрантам, приехавшим в Москву (1 – очень плохое, 5 – очень хорошее)
2. Обратный вопрос	Мигранты, приехавшие в Москву из регионов России, мешают Вам лучше обустроиться на новом месте (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)
3.	Мигранты, приехавшие из регионов России кажутся вам людьми, находящимися в той же ситуации, что и Вы? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)
4. Обратный вопрос	Вы считаете, что если бы не было других мигрантов, Вам бы было проще обустроиться на новом месте? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)

5.	Мигранты, приехавшие в Москву из регионов России являются для Вас примером подражания? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)
6.	У Вас есть друзья или знакомые среди мигрантов, приехавших в Москву из регионов России? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)
7.	В Москве хватит места любым мигрантам? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)
8. Обратный вопрос	Если бы в Москве было бы намного меньше мигрантов, чем сейчас, Вы бы охотнее согласились на переезд сюда? (1 совершенно неверно, 5 – абсолютно верно)

Для нашего исследования из опросника взяты 14 шкал, представленных ниже:

1. Выраженность этнической самоидентификации
2. Позитивность этнической самоидентификации
3. Интегральная безопасность, состоящая из трёх видов:
4. Культурная безопасность
5. Экономическая безопасность
6. Физическая безопасность
7. Удовлетворенность собой
8. Удовлетворенность жизнью.
9. Депрессия
10. Тревога.
11. Взаимная толерантность.

Остальные шкалы опросника Берри были взяты без изменений. Для всех шкал были рассчитаны α Кронбаха.

Таблица 2

Согласованность шкал

Шкала	альфа Кронбаха
Выраженность этнической самоидентификации	0,67
Позитивность этнической самоидентификации	0,55
Культурная безопасность	0,33
Экономическая безопасность	0,57
Физическая безопасность	0,44
Интегральная безопасность	0,46
Удовлетворенность собой	0,64
Удовлетворенность жизнью	0,72
Депрессия	0,83
Тревога	0,81
Взаимная толерантность	0,57

Процедура исследования состояла в предъявлении испытуемым бумажного бланка опросника, который они заполняли вне присутствия экспериментатора.

Результаты исследования

Первым пунктом анализа результатов станет описательная статистика. Средние значения по выборке использу-

ются для создания первичной картины, по ним можно сделать первые выводы о состояниях и установках людей, оказавшихся в ситуации миграции. Далее, производится анализ значимо различающихся средних по критерию Стьюдента, в целях проверки частных гипотез.

Таблица 3

Результаты первичной статистики
(средние значения по выборке)

<i>Группы</i>	Русские	Таджики	Белорусы	Узбеки
<i>Переменные</i>				
Выраженность этнической самоидентификации	3,50	4,35	3,75	3,9
Позитивность этнической самоидентификации	4,2	3,73	4,23	3,87
Культурная безопасность	3,17	3,12	2,92	3,26
Экономическая безопасность	2,27	2,33	2,54	2,33
Физическая безопасность	2,87	2,21	2,26	2,07
Интегральная безопасность	2,77	2,18	2,58	2,28
Удовлетворенность собой	3,51	3,72	3,22	3,6
Удовлетворенность жизнью	3,29	2,62	2,12	2,62
Депрессия	2,22	2,27	2,22	2,27
Тревога	2,45	2,17	2,89	3,24
Взаимная толерантность	3,22	2,17	3,1	2,87

Результаты вторичной статистики.

Таблица 4

Сравнение средних по критерию Стьюдента,
русские – таджики

<i>Группы</i>	Внутренние мигранты		Внешние мигранты (таджики)	
	<i>М</i>	<i>σ</i>	<i>М</i>	<i>σ</i>
<i>Переменные</i>				
Выраженность этнической самоидентификации	3,50***	0,76	4,35***	0,51
Позитивность этнической самоидентификации	4,2**	0,48	3,73**	0,58
Культурная безопасность	3,17	0,52	3,12	0,61
Экономическая безопасность	2,27	0,43	2,33	0,81
Физическая безопасность	2,87**	0,73	2,21**	0,88
Интегральная безопасность	2,77**	0,49	2,18**	0,66
Удовлетворенность собой	3,51	0,48	3,72	0,50
Удовлетворенность жизнью	3,29	0,80	2,62	1,00
Депрессия	2,22	0,59	2,27	0,72
Тревога	2,45*	0,64	2,17*	0,73
Взаимная толерантность	3,22**	0,59	2,17**	0,72

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; *σ* – стандартное отклонение

Таблица 5

Сравнение средних по критерию Стьюдента,
русские – узбеки

<i>Группы</i>	Внутренние мигранты		Внешние мигранты (узбеки)	
	<i>М</i>	<i>σ</i>	<i>М</i>	<i>σ</i>
<i>Переменные</i>				
Выраженность этнической самоидентификации	3,50*	0,76	3,9*	0,4
Позитивность этнической самоидентификации	4,2**	0,48	3,87**	0,45
Культурная безопасность	3,17	0,52	3,26	0,59
Экономическая безопасность	2,27	0,43	2,33	0,77
Физическая безопасность	2,87***	0,73	2,07***	0,76
Интегральная безопасность	2,77 *	0,49	2,28*	0,49
Удовлетворенность собой	3,51	0,48	3,6	0,58
Удовлетворенность жизнью	3,29	0,80	2,62	0,82
Депрессия	2,22	0,59	2,27	0,77
Тревога	2,45**	0,64	3,24**	0,45
Взаимная толерантность	3,22*	0,59	2,87*	0,59

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; σ – стандартное отклонение

Таблица 6

Сравнение средних по критерию Стьюдента,
русские – белорусы

<i>Группы</i>	Внутренние мигранты		Внешние мигранты (белорусы)	
	М	σ	М	σ
<i>Переменные</i>				
Выраженность этнической самоидентификации	3,50	0,76	3,75	0,34
Позитивность этнической самоидентификации	4,2	0,48	4,23	0,44
Культурная безопасность	3,17	0,52	2,92	0,73
Экономическая безопасность	2,27*	0,43	2,54*	0,85
Физическая безопасность	2,87*	0,73	2,26*	0,68
Интегральная безопасность	2,77*	0,49	2,58*	0,46
Удовлетворенность собой	3,51*	0,48	3,22*	0,49
Удовлетворенность жизнью	3,29**	0,80	2,12**	0,87
Депрессия	2,22	0,59	2,25	0,71
Тревога	2,45*	0,64	2,89*	0,66
Взаимная толерантность	3,22	0,59	3,1	0,42

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; σ – стандартное отклонение

Таблица 7

Сравнение средних по критерию Стьюдента, внутренние мигранты – внешние мигранты

<i>Группы</i>	Внутренние мигранты		Внешние мигранты (общее)	
	М	σ	М	σ
Выраженность этнической самоидентификации	3,50*	0,76	4,00*	0,42
Позитивность этнической самоидентификации	4,2*	0,48	3,94*	0,49
Культурная безопасность	3,17	0,52	2,89	0,77
Экономическая безопасность	2,27	0,43	2,35	0,54
Физическая безопасность	2,87**	0,73	2,18**	0,52
Интегральная безопасность	2,77*	0,49	2,47*	0,90
Удовлетворенность собой	3,51	0,48	3,51	0,73
Удовлетворенность жизнью	3,29*	0,80	2,75*	0,61
Депрессия	2,22	0,59	2,26	0,58
Тревога	2,45*	0,64	2,76*	0,42
Взаимная толерантность	3,22*	0,59	2,71*	0,49

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; σ – стандартное отклонение.

При анализе средних значений по выборкам внутренних мигрантов и всех внешних мигрантов, значимо различающимися оказываются следующие средние значения:

- выраженность этнической самоидентификации – внешние мигранты, в среднем, обладают более выраженной этнической самоидентификацией;
- позитивность этнической самоидентификации – внутренние мигранты – русские более позитивно относятся к своей национальности;
- физическая безопасность – внутренние мигранты чувствуют себя в большей физической безопасности, чем внешние;
- интегральная безопасность – внутренние мигранты в целом чувствуют себя в большей безопасности, чем внешние; (*подтверждение частной гипотезы 1*)
- удовлетворенность жизнью – внутренние мигранты более удовлетворены своей жизнью, чем внешние мигранты; тревога – внутренние мигранты проявляются несколько меньшую тревожность по сравнению с внешними.
- взаимная толерантность – внутренние мигранты более благосклонны к внешним мигрантам, чем внешние мигранты – к внутренним (*опровержение частной гипотезы 2*).

Обсуждение результатов

В связи с тем, что в качестве групп внешних мигрантов выступали представители таких народов как узбеки, таджики и белорусы, следует провести некоторый описательный анализ этих групп респондентов в контексте их национальной принадлежности. Ясно, что образуются две подгруппы – таджики и узбеки, и белорусы. Таджики и узбеки – люди, как правило, одного вероисповедания – мусульмане – сунниты. Это – вовсе не родственные этносы, как может показаться на первый взгляд. Таджики – персоязычная группа, компактно проживающая вокруг современных границ Ирана. Самоназвание – «фарси», «дари», «хорасани». Изначально,

эти люди – восточноиранская ветвь Саманидов, но постепенно название «таджик», «дари» распространилось на всех жителей древнего Восточного Ирана (Персии).

Узбеки же – тюркоязычный народ смешанного индоевропейско – тюркского происхождения, чей этногенез происходил несколько восточнее таджиков, в степях Западного Китая. Однако, несмотря на это, ход истории смешал на одних территориях таджиков и узбеков, чему способствовала единая религия и единый образ жизни. Многие таджики (1,78 млн. чел) проживают на территории современного Узбекистана, многие узбеки (4 млн. чел) заселяют западные окраины современного Таджикистана. Подобные обстоятельства позволяют объединить мигрантов – таджиков и мигрантов – узбеков в особую подгруппу, отличную от мигрантов – белорусов, восточнославянского этноса. Такое разделение, отчасти, обосновывается приведенными выше результатами (табл. 4 и табл.5).

Выраженность этнической самоидентификации у подгруппы таджиков и узбеков – внешних мигрантов выше, чем у русских – внутренних мигрантов. Очевидно, что это связано с высокой групповой сплоченностью этих восточных народов и с известным эффектом «меньшинства», заключающимся в том, что любое искусственно образованное меньшинство начинает сильно ценить свои традиции и держаться друг друга, а также – с большим коллективизмом. Русские же люди, которые совершили внутреннюю миграцию, меньшинством не являются и таких тенденций не проявляют. Подобная ситуация улучшает положение внешних мигрантов, позволяет им пользоваться богатствами «социального капитала», осуществлять продвижение по социальной лестнице легче, чем русским. Для всего принимающего сообщества внешние мигранты являются злободневным, но привычным явлением, с которым ничего нельзя поделать, в то время, как приезжие из регионов старожилами зовутся исключительно «лимитой». В условиях отсутствия государст-

венной поддержки приезжих сограждан подобная ситуация сильно снижает конкурентоспособность внутренних мигрантов. Что касается мигрантов из Беларуси, анализ не выявил значимых различий между ними и внутренними мигрантами, что объясняется близостью этносов и долгим сопредельным житьем в одном, уже не существующем, великом государстве.

Несмотря на написанное в предыдущем абзаце, внутренние мигранты обладают большей *позитивностью этнической самоидентификации*, чем приезжие мигранты. Очевидно, это связано с тем, что русские едут если не к «себе домой», то, по крайней мере, не в другую страну, и их не поджидает дискриминация по расовому признаку, преодоление тяжелейшего языкового барьера, непонимание местного законодательства и образа жизни, местной этики и культурно обусловленных особенностей, в то время, как белорусам и особенно таджикам и узбекам приходится по приезде в Москву, ломать свои социальные стереотипы и установки, входя в местное общество. Так или иначе, всем мигрантам приходится общаться с представителями местного большинства – сотрудниками правоохранительных органов, врачами, кондукторами и контролерами на общественном транспорте, заказчиками на предприятиях и т.п. Будучи вовлеченными в трудовую деятельность, внешние мигранты оказываются в ситуации, когда в силу своих «домашних» социальных установок они не могут разобраться в происходящем, что приводит к чувству стыда за свою непонятливость, а, следовательно, и за свою национальность.

Ощущение *культурной безопасности* у всех групп мигрантов, как внешних, так и внутренних достаточно высоко, что говорит о том, что одни, благодаря большей групповой сплоченности, чувствуют, что их традиции, ритуалы и религия остаются неизменными даже в новой обстановке, а вторые, благодаря минимальной смене культурной обстановки, не ощущают никаких угроз своей культурной сфере.

Анализ средних по шкале *экономической безопасности* выявил значимые различия только в выборках русских и белорусов, причем внешние мигранты – белорусы чувствуют себя более спокойными за свое материальное благосостояние, чем внутренние мигранты – русские. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в среднем по России заработок людей выше, чем в среднем по Беларуси, и русским – мигрантам, получающим такой же доход, что и мигранты – белорусы, он кажется субъективно «маленьким», в то время как белорусам получаемые здесь заработные платы кажутся субъективно «большими». В случае таджиков и узбеков просматривается та же тенденция, однако, анализ не показал значимых различий.

Ощущение *физической безопасности* – одно из важнейших ощущений человека, потребность в безопасности А. Маслоу включал в перечень базовых потребностей. По этой шкале во всех случаях были установлены значимые различия, заключающиеся в том, что внутренние мигранты чувствуют себя в большей физической безопасности, чем внешние. Это полностью подтверждает частную гипотезу № 1. Такое различие, на наш взгляд, связано с несколькими вещами. Во-первых, в принимающем московском русском обществе присутствует тенденция к дискриминации мигрантов, особенно неславянских национальностей, что, порой, выражается в крайних формах – национализме, нацизме, открытом преступном поведении слегка подвыпивших граждан. Почти в каждом московском дворе можно встретить надпись «Россия для русских, Москва для москвичей», сделанную аэрозольным баллончиком на стене дома, или символику РНЕ, или какую либо иную нацистскую символику или надпись. Безусловно, подобные вещи, вкупе с нередким, декларируемым по каналам СМИ применением насилия по отношению к выходцам с Кавказа, Закавказья и Азии, не прибавляют внешним мигрантам чувства безопасности.

Во-вторых, в отношении русских внутренних мигрантов принимающее общество является всего лишь отдаленной территориально (но не культурно и конфессионально) общностью, что позволяет внутренним мигрантам чувствовать себя почти «как дома» и не испытывать ощущения физической опасности.

И, в-третьих, такие результаты обусловлены самой выборкой. Большинство испытуемых в нашем исследовании – люди, стоящие на нижних ступенях социальной лестницы, работающие разнорабочими, дворниками, жестянщиками, фрезеровщиками, штамповщиками, продавцами на рынках; почти никто не имеет высшего образования, образование некоторых не дотягивает до 9 классов общеобразовательной школы. Очевидно, что такие люди проявляют описанные в первом и втором пункте тенденции гораздо ярче, чем те мигранты, которые уже осели на новом месте и заняли более высокую ступеньку на социальной лестнице.

Интегральная безопасность – общий показатель по трем предыдущим видам безопасности – всего лишь повторяет сказанное выше.

Средние показатели по *удовлетворенности собой* значимо различаются только при сравнении выборок русских и белорусов, причем белорусы проявляют более низкий уровень удовлетворенности. Эту ситуацию можно интерпретировать следующим образом – поскольку уровень жизни в родных для белорусов местах незначительно ниже уровня жизни в местах, родных для русских мигрантов, а ожидания от миграции – довольно высоки, то белорусские мигранты проявляют меньшую, чем русские, удовлетворенность собой. Среди таджиков и узбеков прослеживается обратная тенденция – большая удовлетворенность собой, однако, статистически значимых различий выявлено не было.

Удовлетворенность жизнью. В целом, внутренние мигранты больше удовлетворены жизнью, чем внешние, это напрямую связано с тем, что респонденты в нашем исследо-

вании точно знали, на что они соглашаются, осуществляя трудовую миграцию, и имели адекватные ожидания, в то время, как внешние мигранты ехали в неизвестность. Также сказывается влияние родного для одних и инокультурного для других окружения. Однако если бы формат исследования позволял охватить большие выборки, вероятно, показатели удовлетворенности жизнью среди внешних и внутренних мигрантов сравнялись бы.

По шкале *депрессии* не выявлено статистически значимых различий ни в одном из случаев, в среднем показатели по этой шкале у всех групп довольно низкие.

Тревога. По аналогии с физической безопасностью внешние мигранты проявляют гораздо больший уровень тревожности, по сравнению с внутренними. Очевидно, что это - влияние чувства опасности за свою жизнь; также многие из узбеков и таджиков ощущают тревогу за своих родных и близких, оставшихся на неблагополучной родине, что вносит свой вклад в полученный нами результат.

Взаимная толерантность. Этой шкале мы посвятим немного больше времени. Можно сказать, что в этом исследовании шкала проходила апробацию. Альфа Кронбаха для нее примерно равна 0.6, что говорит о близкой к приемлемой согласованности этой шкалы. Сущность ее состояла в том, чтобы оценить отношение одной группы мигрантов к другой. В целом, это удалось, и можно говорить о весьма интересных и непредугаданных тенденциях. Исходя из общечеловеческой логики, казалось, что внутренние мигранты должны крайне отрицательно и настороженно относиться к внешним, в силу того, что внутренним мигрантам известны множественные факты, укрепляющие конкурентные позиции групп внешних мигрантов; однако, полученные факты свидетельствуют об обратном. Внутренние мигранты проявляют гораздо большую благосклонность к внешним, чем внешние – к внутренним.

Вероятно, внутренний механизм этой ситуации состоит в том, что у внутренних мигрантов развито чувство гражданской идентификации себя как гражданина России, и, несмотря на множественные декларируемые проявления национализма, у них развиты интеграционные аккультурационные ожидания и сопутствующая этому стратегия мультикультурализма и социального равенства. Это обуславливается возрастом и воспитанием самих респондентов нашего исследования – средний возраст по выборке составил более 30 лет, что говорит о том, что эти люди воспитывались во времена Советского Союза, что не могло не сказаться на их положительном отношении к социальному равенству.

В то же время, среди внешних мигрантов, в силу того, что они используют некий «социальный капитал» – связи, знакомства, рекомендации, помощь друзей и т.д., вместе с приверженностью своей группе в стрессовой ситуации миграции развивается, очевидно, негативное отношение ко всем конкурирующим группам, тем, кто может отрицательно повлиять на существование референтной группы. Вторым возможным объяснением того факта, что внешние мигранты достаточно негативно относятся к внутренним, а внутренние – позитивно настроены по отношению к внешним, может служить то, что люди из группы внешних мигрантов априори негативно настроены по отношению ко всему более «удачливому» русскоязычному населению, и отрицательное отношение конкретно к внутренним мигрантам – лишь частный случай общей тенденции. Третье, представляющееся нам вероятным, объяснение состоит в том, что люди, принадлежащие к группе внутренних мигрантов, не воспринимают людей из группы внешних мигрантов как своих непосредственных конкурентов, позволяя себе думать о таджиках, узбеках, азербайджанцах и прочих как о людях, оказавшихся в сходной ситуации.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, мы обращаемся к гипотезам, выдвинутым в начале работы.

Общая гипотеза о том, что существуют различия и сходства в установках и состояниях людей, являющихся внутренними и внешними мигрантами, безусловно, подтверждается результатами проведенного исследования, не оставляя поводов для сомнений.

Люди, являющие внешними и внутренними мигрантами, однозначно обладают разными психологическими установками и переживают разные психологические состояния, находясь в ситуации миграции.

Первая частная гипотеза о том, что внутренние мигранты в мегаполисе чувствуют себя в большей безопасности, чем внешние, полностью подтверждается.

Вторая частная гипотеза, что внутренние мигранты существенно хуже относятся к внешним мигрантам, чем внешние – к внутренним, опровергается, что является неожиданностью для нас. Исходя из результатов исследования, наоборот, внешние мигранты хуже относятся к внутренним, чем внутренние – к внешним.

Заключение

В результате проделанной работы, мы получили довольно интересные данные и опыт работы с мигрантами; некоторое представление о состояниях и установках людей, оказавшихся в ситуации миграции; сравнили взаимные отношения людей из групп внешних и внутренних мигрантов; провели проверку двух частных гипотез, из которых одна подтвердилась; осуществили глубокий анализ и интерпретацию результатов.

Поводом для изучения проблем внутренней миграции стала сама жизнь – наиболее объективная направляющая для

любого раздела науки. В связи с непростой экономической ситуацией в стране и так называемым «глобальным экономическим кризисом» процессы внутренней миграции в России будут все более и более активизироваться, становясь закономерным явлением, которое требует глубокого изучения. Изучение внутренней миграции в контексте ее взаимодействия с внешней – один из контрастных способов понять внутренние причины и законы миграции, ответить на ряд вопросов, связанных с соприкосновением культур в процессе трудовой деятельности. Будучи обусловленной экономическими факторами, внутренняя миграция, как и внешняя, несет в себе множество психологических мотивов и факторов, которые являются объектом интереса социального психолога, становясь в последнее время все более яркой частью нашей реальности.

Осуществленная работа дает обширнейший задел для изучения проблем внутренней миграции, поскольку на основе полученных данных, можно проделать дополнительно множество разнообразных аналитических изысканий.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: Логос, 1999.
2. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М., 1990.
3. Большой Психологический Словарь / Под ред. *Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко.* – М.: Олма–Пресс, 2003
4. *Бондырева С.К.* Миграция (сущность и явление) / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.; Воронеж, 2004.
5. Идентичность и толерантность / Сб. ст. под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.

6. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социологические исследования, 1998.
7. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Кросскультурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 252–285.
8. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Этническая толерантность в поликультурных регионах России. – М.: Изд-во РУДН, 2002.
9. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М.: ИЭА РАН, 1993.
10. *Лебедева Н. М.* Толерантность в межкультурном диалоге. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005.
11. *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. – М.: Привет, 2004.
12. *Лебедева Н.М.* Идентичность и толерантность, по <http://psylib.ru/share/>
13. Методы социально-психологического исследования. Учебно-методическое пособие. – Воронеж, 2003.
14. Математические методы психологического исследования. Учебно – методическое пособие / Под ред. А.Н. Гусева. – М.:2003
15. *Мкртчян Н.В.* <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=5338>
16. *Надирашвили Л.А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси, 1974.
17. *Петров В.Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России. – Краснодар: КГУ, 2004.

18. *Плетнев Э.П.* Международная миграция рабочей силы в условиях капиталистического хозяйства. – М., 1962
19. *Пядухов Г.А.* Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. – Пенза, 2003.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб., 1998.
21. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Психология беженцев и вынужденных переселенцев, опыт практической работы / Под ред. Солдатовой Г.У. – М.: Смысл, 2001.
22. *Стефаненко Т.Г.* Социальные стереотипы и межэтнические отношения,
<http://psylib.com.ua/etho/stefanenkostereotip.htm>
23. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: «Академический проект», 1999. – С.232.
24. Учебник по SPSS 9.0, <http://learnspss.ru>
25. *Стокер П.* Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. – М., 1995. – С. 40.
26. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. *Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко.* – М.: Изд-во РУДН, 2002.
27. *Berry J.W. Phinney J.S, Sam D.L. & Vedder P.* (Eds.) Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts, 2006.
28. *Kalin R. & Berry J.* The social ecology of ethnic attitudes in Canada // Canadian Journal of behavioral Science, 1982, 14, 97–109.
29. *Kim S. & Smith R.* Revenge and conflict escalation // Negotiation Journal, 1993, 9, 37–43.
30. *Landis D. & Boucher J.* Themes and models of conflict. In J. Boucher, 1D. Landis & K. Clark (Eds.), Ethnic conflicts: International perspectives, 1987, Beverly Hills, CA: Sage, pp.18–31.

31. *Scott W.* Psychological and social correlates of international images. In H. Kelman (Ed.) *International behavior: A social-psychological analysis.*, 1965. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. .
32. *Sherif M.* *Group conflict and cooperation: Their social psychology.* – London: Routledge and Kegan Paul, 1966
33. *Smith M.* Nationalism, ethnocentrism and new world order // *Journal of Humanistic Psychology*, 1992, 32.
34. *Ravenstein E.G.* *The Laws of Migration* (<http://lib.gov.com/units/1/sociology/332/rav/>)

К.Д. Гарибян, А.С. Буре

Социально-психологические проблемы аккультурации армянских мигрантов в Москве¹

Современное общество уже никогда не будет моноэтническим или монокультурным, и это – свершившийся факт. Побуждать людей к миграции могут самые разные мотивы, мигранты могут представлять различные социальные слои, быть выходцами из крупных и малых городов и деревень, в разной степени владеть языком принимающей страны, однако проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, при всём своём разнообразии, во многом схожи.

Резкое изменение социального окружения, привычного образа жизни, а для многих мигрантов – потеря прежнего «образа мира», как правило, сопровождаемые потерей или значительным понижением социального статуса, приводят к необходимости адаптации в новых условиях, включения их в новую среду, приобщения к соответствующему жизненному

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 08-06-00707а)

укладу, языку, традициям, причём адаптации не только мигрантов, но и коренных жителей к изменившейся социальной структуре общества.

Каковы психологические механизмы поддержания наиболее позитивных межкультурных взаимодействий? Как сложатся взаимоотношения между представителями различных культур, как следует конструировать это взаимодействие, дабы не вызвать рост социальной напряжённости, чреватый самыми непредсказуемыми последствиями, чему свидетелями была вся Европа в не столь отдалённом прошлом? Какие стратегии аккультурации этнических мигрантов можно назвать наиболее конструктивными? Какие социокультурные и психологические факторы обеспечивают наиболее успешную адаптацию мигрантов?

В попытках найти ответ на этот вопрос вряд ли стоит изобретать велосипед, обширный опыт «иммиграционных стран», результаты научных изысканий убедительно доказывают преимущества *«салатницы»* в сравнении с *«правильным котлом»*.

Именно интеграция, выражающаяся в сохранении собственной культурной идентичности (с утратой неадаптивных элементов), и в овладении культурой доминирующего этноса, когда члены этнических групп полностью справляются с трудностями принятия другого образа жизни, другой «картины мира» и видят положительные стороны своего бикультурализма – наиболее позитивный способ межкультурного взаимодействия, и единственная форма успешной стратегии аккультурации иноэтнических групп.

Между тем создание условий для подобного взаимодействия – процесс довольно сложный, требующий внимательного отношения политических акторов, намеревающихся оказывать влияние на этот процесс и заинтересованных в решении проблемы социальной стабильности общества.

Аккультурация мигрантов в поликультурном обществе

Динамичная жизнь крупных городов, лучшие условия для самореализации во всём мире притягивают огромные миграционные потоки. Но «земля обетованная» не всегда радушно принимает новых членов в своё сообщество. Неприязнь и непонимание, настороженность и презрение, а зачастую и враждебность, лишь изредка – любопытство и интерес в равной мере присущи и членам принимающего сообщества, и мигрантам.

Москва, как наиболее экономически развитый регион России, не стала исключением. На сегодняшний день это полиэтничный регион, в котором проживают иммигранты с различным гражданским статусом – нелегалы, легальные иммигранты, иммигранты, уже получившие российское гражданство; выходцы из самых разных стран; люди с разным уровнем образования и культуры, в связи с чем особую актуальность приобретает *исследование основных особенностей и механизмов адаптации и аккультурации мигрантов, а также факторов, оказывающих влияние на этот процесс* – этой целью мы и задались, намереваясь на примере армянской диаспоры г. Москвы рассмотреть процессы аккультурации мигрантов в инонациональном контексте.

При анализе аккультурации, которую Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковитц определили как *смену культуры, происходящую в процессе постоянного контакта между различными культурными группами* (Redfield, Linton, Herskovits, 1936, pp. 149–152), отметив, что ассимиляция не является единственной формой аккультурации, мы обращаемся к понятию *стратегии аккультурации*. Позже Дж. Берри обосновал существование четырёх моделей аккультурации (Berry, 1980, pp. 9–25), различия между которыми влекут два параметра:

- ориентация на собственную группу, контактирование преимущественно с представителями своей группы и установки на сохранение своего культурного наследия и идентичности;

- ориентация на другие группы, предпочтение контактировать с более широким обществом и установки на принятие культуры и идентичности большого общества.

Посредством пересечения положительных и отрицательных значений этих параметров образуются четыре стратегии аккультурации. Для недоминирующей группы:

- *ассимиляция* – нежелание поддерживать свои культурные традиции и стремление к повседневному взаимодействию с другими группами;

- *сепарация* – стремление к сохранению своей культуры и избегание взаимодействия с другими культурами;

- *интеграция* – заинтересованность в сохранении собственной культуры, с утратой её неадаптивных элементов, и во взаимодействии с другими культурами;

- *маргинализация* – незаинтересованность, а часто и невозможность, в сохранении собственной культуры и стремление к повседневному взаимодействию только с представителями своей группы (Berry, 1980).

По аналогии с описанными стратегиями доминирующей группе присущи *аккультурационные ожидания* относительно того, какую стратегию мигрантов они считают наиболее желательной, формируя своими ожиданиями условия для реализации той или иной стратегии.

Следует отметить, что описанные аккультурационные стратегии и ожидания являются, всё же, не поведенческими установками, характеризующими поведение индивидов и групп во всех проявлениях. Это, прежде всего, социально желательные модели, реализация которых зависит от целого ряда факторов, не только социокультурных и психологиче-

ских, на влиянии которых мы остановимся в нашем исследовании.

Эмпирическое исследование аккультурации армянских мигрантов 90-х гг. в Москве

Для оценки масштабов, роли и влияния миграции из Армении на социокультурную ситуацию в России, на структурирование и формирование контекста межкультурного взаимодействия обратимся вкратце к статистической информации. По данным официальных и неофициальных источников, в том числе результатам исследований Института социологии и права Национальной академии наук Армении, эмиграция из Армении с начала девяностых годов составила около полутора миллионов человек. При этом численность населения Армении, по результатам переписи 1989 года, составляла 3283 тысячи человек. Неудивительно, что массовую миграцию из Армении, которая имела место в 1991–95 гг., называют депопуляцией (Мелконян, 2006), констатируя трагический для республики факт «утечки мозгов». 80 % мигрантов последних 12–17 лет проживает сейчас в России.

Численность армян на территории России по данным переписи населения 1989 года составляла 532390 человек. Результаты переписи 2002 года в России констатируют проживание 1130491 армян (в Москве – 124425 человек). По данным переписей, прирост армянского населения составил менее 600 тысяч человек. Сопоставив данные переписи и результаты исследований армянских коллег, можно констатировать, что эта цифра раза в полтора меньше реальной. Справедливости ради отметим, что по данным переписи населения Армении в 2001 году численность населения составляет примерно те же 3,2 млн. человек (3213117).

Миграция из Армении в Россию существует довольно давно. Малькова В.К., Остапенко Л.В. и Субботина И.А. со ссылкой на Московский городской комитет государственной

статистики приводят следующие данные о численности армян, проживающих в Москве (Малькова, Остапенко, Субботина, 1998).

Таблица 1

Миграционное сальдо (армяне, Москва)

Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1980 год		
2078	915	+1163
1988 год		
2167	1048	+1119
1996 год		
4653	884	+3769

Среди армян уроженцев Москвы – 24 %, мигрантов – 76 %, из них 26 % – новоприбывшие.

Цель нашего исследования – выявление социально-психологических факторов, способствующих успешной аккультурации армянских мигрантов в Москве

Методика исследования

Участники исследования. В исследовании принимали участие представители недоминирующей группы – иммигранты-армяне (N = 134) и представители доминирующей группы – русские (N = 133). Таким образом, общий объём выборки составил 267 респондентов. Опрос проводился в 2007 году в Москве. Выборка, спланированная как случайная, формировалась методом снежного кома, чем обусловлен некоторый перекоп социально-демографических и социокультурных характеристик респондентов, но, тем не менее, она отражает общие тенденции и специфику аккультурации армянских мигрантов в Москве.

Методы исследования. Исследование проводилось по методике Дж. Берри, переведенной, адаптированной и апробированной Н.М. Лебедевой. Анкета включает в себя социально-демографические переменные и следующие шкалы:

- уровень религиозности;
- выраженность этнической и гражданской (русской) самоидентификации;
- валентность (позитивность) этнической и гражданской (русской) самоидентификации;
- интегральная безопасность, включающая культурную, экономическую и физическую;
- аккультурационные стратегии и ожидания;
- воспринимаемая дискриминация;
- мультикультурная идеология;
- этническая толерантность;
- мигрантофобия;
- удовлетворённость собой;
- удовлетворённость жизнью;
- депрессия;
- тревога;
- социокультурная адаптация;
- уровень владения родным языком;
- уровень владения русским языком;
- межэтнические контакты (друзья русской и иных национальностей, социальное окружение) и др.

Каждая шкала является пятибалльной и включает в себя от 4 до 20 переменных.

Результаты исследования

Социальный портрет армянских мигрантов

По данным национальной статистической службы Армении³ 63 % процента эмигрировавших из Армении имеют высшее или среднее специальное образование. Как показали результаты исследования в рамках целевой программы «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия», проведённого Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН (руководитель проф. Дробижева Л.М.), среди армянских мигрантов 36 % имеют высшее образование.

Таблица 2

Образование

Закончил начальную школу	0,7
Учился в средней школе, но не окончил	0,7
Общее среднее образование	4,5
Неоконченное среднее специальное	2,2
Среднее специальное (техникум, колледж)	7,5
Неоконченное высшее	15,7
Высшее	61,9
Имею ученую степень	6,7

В нашей выборке 61,9 % респондентов с высшим образованием, 6,7 % имеют ученую степень.

Новоприбывшие армяне довольно хорошо владеют русским языком (хорошо или в совершенстве владеют 88,1 % респондентов), а для 73,3 % респондентов он является основным или присутствует наравне с армянским в повседнев-

---

³ <http://www.armstat.am/>

ном бытовом общении, при этом 20,4 % мигрантов-армян дома говорят *только* по-русски.

Таблица 3

Владение русским языком (%)

Немного	0,7
Удовлетворительно	11,2
Вполне хорошо	30,6
В совершенстве	57,5

Таблица 4

На каком языке Вы говорите дома? Я говорю на русском языке (%)

Никогда	8,0
Редко	16,8
Половину времени	26,5
Часто	21,2
Всегда	20,4

Довольно высокий уровень образования, а значит, обладание урбанистической культурой, практически, отсутствие языкового барьера у большинства мигрантов и не слишком большая культурная дистанция между исходной и актуальной культурами, наличие в России и в Москве довольно многочисленной диаспоры соотечественников, существование этнокультурных центров значительно облегчают социокультурную адаптацию армян. Так, по шкале *социокультурная адаптация*, лишь небольшие затруднения или абсолютно никаких трудностей не испытывают 84,3 % респондентов, значительные трудности испытывает лишь 1%. Наибольшие трудности вызывает необходимость *иметь дело с представителями власти* – чрезвычайные или серьезные трудности в

этом вопросе испытывают 18,1 %, взаимодействовать с чиновниками – 17,2 %, поиски жилья – 17,9 %, темп жизни – 17,1 %, жить в этом климате – 24,6 %.

Таблица 5

Чрезвычайные или серьезные трудности у армянских мигрантов вызывает необходимость:

Иметь дело с представителями власти	18,1 %
Взаимодействовать с чиновниками	17,2 %
Поиски жилья	17,9 %
Темп жизни	17,1 %
Жить в этом климате	24,6 %

В целом, наши респонденты довольно глубоко вовлечены в социокультурный контекст принимающего общества, активно контактируют с его представителями. 6,7 % мигрантов имеют по 1 русскому другу, 76,9 % имеют более 1 русского друга. 66,4 % московских армян имеют друзей неармянской национальности, и только 15,6 % находятся в дружеских отношениях только с армянами. В целом, армяне глубоко вовлечены в контакты с доминирующим обществом, а личностный характер общения, безусловно, способствует снижению интолерантности и трансформации этнических предрассудков.

Таблица 6

Сколько у Вас близких друзей (%)

	армян	русских	другой национальности
ни одного	6,0	16,4	33,6
только один	7,5	6,7	6,7
2-3	13,4	11,2	21,6
несколько	31,3	38,8	26,9
много	41,8	26,9	10,4

Социокультурно хорошо адаптированные мигранты отлично владеют русским языком, имеют среднее специальное или высшее образование, выраженную гражданскую (российскую) самоидентификацию, вполне удовлетворены собой и своей жизнью и имеют низкие показатели по шкалам депрессия, тревога и воспринимаемая дискриминация. Они, в целом, довольно толерантны, придерживаются стратегии интеграции и отвергают сепарацию, однако на выбор стратегий ассимиляции и маргинализации уровень социокультурной адаптации никак не влияет.

Результаты исследования стратегий аккультурации и аккультурационных ожиданий

Первичный анализ средних значений по шкалам *Стратегии аккультурации/Аккультурационные ожидания* выявил близость аккультурационных установок местных жителей и мигрантов. Каждая стратегия/ожидание анализируется по самостоятельной шкале, что дает возможность сравнивать средние показатели. Наибольшие различия выявлены по шкале *Интеграция*, которой и армяне, и русские отдают предпочтение.

Таблица 7

Средние значения по шкалам
Выбор стратегии аккультурации (для недоминирующей группы) и *Аккультурационные ожидания* (для доминирующей группы)

	Армяне	Русские
Стратегия сепарации/Аккультурационные ожидания – сегрегация	2,07	2,17
Стратегия маргинализации/ Аккультурационные ожидания – маргинализация	1,68	1,75

Продолжение таблицы 7

Стратегия интеграции/Аккультурационные ожидания – интеграция	4,48	4,05
Стратегия ассимиляции/Аккультурационные ожидания – ассимиляция	1,82	2,04

Таблица 8

Значения переменной

Я считаю, что иммигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские (%)

	Армяне	Русские
Абсолютно не согласен	3,0	6,0
Скорее не согласен	4,5	8,3
Не знаю, не уверен	6,7	7,5
Скорее согласен	20,9	32,3
Абсолютно согласен	64,9	45,9

Как показывает анализ частотных распределений, 72,2 % русских и 85,8 % армян считают, что для иммигрантов важна вовлеченность в культурный контекст и своей группы, и доминирующей. Это говорит о том, что основная социальная установка и местных жителей, и мигрантов – ориентация на интеграцию. Однако эта установка более выражена у армян.

Наряду с понятием аккультурационных стратегий и ожиданий, рассмотрим процессы адаптации индивидов и групп, используя понятие культурной идентичности, которое включает в себя комплекс убеждений и установок по отношению к себе и своему членству в тех или иных культурных группах. Обычно культурная идентичность особенно актуализируется в ситуациях контактов с другой культурой. Со-

храня в той или иной мере свою культурную идентичность и вовлекаясь в контакты с большим обществом, индивиды, как отмечает Т.Г. Стефаненко (Стефаненко, 1999, с. 232), в реальности имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из культурных общностей. По аналогии с аккультурационными стратегиями, К. Камиллери (Camillieri, 1991, pp. 91–104), а позже Р. Келин и Дж. Берри (Kalin, Berry, 1995, pp. 1–15) предложили модель многомерного измерения идентичности, включающую идентификацию с собственным наследием или этнокультурной группой, а также идентификацию с большим или доминирующим обществом (или другой этнокультурной группой).

Используя параметры аккультурационных стратегий и культурной идентичности, мы можем заметить их связь, подтверждённую во многих исследованиях (Georgas, Papastyliaou, 1998, pp. 114–127). Хотя говорить о совпадении этих параметров не стоит, следует дифференцировать идентичность как явление субъективного, психологического, плана и стратегии аккультурации – как объективную характеристику социокультурных установок.

Таблица 9

Корреляции между аккультурационными стратегиями и самоидентификацией в недоминирующей группе

	Стратегия сепарации	Стратегия маргинализации	Стратегия интеграции	Стратегия ассимиляции
Выраженность этнической самоидентификации		-,28**	,38**	-,33**

Продолжение таблицы 9

Выраженность гражданской (рос- сийской) само- идентификации	-,41**		,25**	
Позитивность эт- нической само- идентификации			,20*	-,17*
Позитивность гра- жданской (россий- ской) самоиденти- фикации	-,32**			,25**

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

Таблица 10

Корреляции между *аккультурационными ожиданиями* и *самоидентификацией* в доминирующей группе

	Аккуль- тураци- он-ные ожида- ния – сегрега- ция	Аккуль- тураци- он-ные ожида- ния – марги- нализа- ция	Аккуль- тураци- онные ожида- ния – интегра- ция	Аккуль- тураци- он- ные ожида- ния – ассими- ляция
Выраженность этнической са- модентифика- ции		-,23**		

Продолжение таблицы 10

Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	-,23**	-,21*	,24**	
Позитивность этнической самоидентификации			,22*	
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	-,20*	-,18*	,25**	

Анализ матриц корреляции в табл. 9-10 показывает наличие значимых положительных связей между выраженностью и позитивностью этнической и гражданской самоидентификации и *стратегией/ожиданиями интеграции* как у русских, так и у армян, сепарация и маргинализация отрицательно связаны и с этнической, и с гражданской идентичностью. Стратегию ассимиляции выбирают армяне с самыми низкими показателями выраженности и позитивности этнической идентичности, но обладающие выраженной общегражданской идентичностью. Таким образом, гармоничная личность с выраженной позитивной этнической идентичностью, будучи мигрантом, выбирает стратегию интеграции, а, являясь членом доминирующего общества, имеет аналогичные аккультурационные ожидания.

В доминирующей группе аккультурационные ожидания сегрегации и маргинализации свойственны москвичам с низкими значениями по шкалам этнической и гражданской самоидентификации, а поощрять интеграционные установки

мигрантов готовы индивиды с выраженной позитивной гражданской идентичностью.

Однако, большинству москвичей присущи аккультурационные ожидания интеграции (среднее значение по выборке – 4,05), и поэтому 67,6 % респондентов склонны считать (абсолютно согласны или скорее согласны), что представители доминирующей культуры должны помогать культурным и расовым меньшинствам сохранять своё культурное наследие в России.

Таблица 11

Мы должны помогать культурным и расовым меньшинствам сохранять свое культурное наследие в России (%)

Абсолютно не согласен	5,3
Скорее не согласен	10,5
Не знаю, не уверен	16,5
Скорее согласен	27,8
Абсолютно согласен	39,8

Одной из важнейших характеристик межэтнических отношений является этническая толерантность. Декларация принципов толерантности ООН 1995 года трактует толерантность как «ценность и социальную норму гражданского общества; обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и социальными группами; уважение и разнообразие различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» (ЮНЕСКО, 1995).

Исследуя проблемы этнической толерантности в поликультурных обществах, Дж. Берри и М. Плизентс (Berry, Pleasants, 1984) пришли к выводу, что только на основании позитивной групповой идентичности может формироваться

уважение к другим группам, готовность к обмену идеями, установками, участие в совместной деятельности, угроза этой идентичности приводит к нетерпимости и этноцентризму.

Понимая толерантность как «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» (Лебедева, 1993), отметим, что несколько более высокие показатели по шкале толерантности у мигрантов (средние значения – 3,68 у армян, 3,02 – у русских) свидетельствуют о позитивных установках по отношению к доминирующей группе. Можно предположить, что уровень толерантности мигрантов возрастает в зависимости от продолжительности контактов с представителями большого общества, в процессе которых сокращается влияние этнических стереотипов и преубеждений.

Таблица 12

Средние значения по шкалам *Этническая толерантность* и *Мультикультурная идеология* (по пятибалльной шкале)

	Армяне	Русские	Значимость
Этническая толерантность	3,71	3,02	P < 0,001
Мультикультурная идеология	3,66	3,37	P < 0,001

Анализ уровней *этнической толерантности-интолерантности*, являющейся одной из важнейших характеристик межэтнических отношений, и в значительной степени связанной (корреляция значима на уровне не более 0.01) с ней *Мультикультурной идеологии* выявил невысокий уровень и значимые различия в уровнях средних показателей по всем нашим выборкам.

Таблица 13

Корреляции между *этнической толерантностью*, *мультикультурной идеологией* и *самоидентификацией* в недоминирующей группе

	Выра- женность этниче- ской са- моденти- фикации	Выра- жен- ность граж- данской (рос- сийской) само- иденти- фикации	Пози- тив- ность этниче- ской само- иденти- фикации	Пози- тив- ность граждан- ской (рос- сийской) само- иденти- фикации
Этническая толерантность		,27**		
Мультикуль- турная идеоло- гия	,21*	,18*	,22**	

Большая выраженность этнической толерантности – у армян, а также преобладание *общегражданской российской идентичности*, значимо положительно коррелирующей по показателям выраженности с *этнической толерантностью* и *мультикультурной идеологией* свидетельствуют о большой роли общегражданской (надэтнической) идентичности в формировании этнической толерантности у недоминирующей группы, в то время как у доминирующей группы выражена корреляция этнической идентичности и этнической толерантности. Наши выводы подтверждают гипотезу, выдвинутую и подтверждённую в исследованиях поликультурных регионов России, где носители недоминирующей культуры – русские, продемонстрировали значимость выраженности и пози-

тивной валентности гражданской идентичности в формировании этнической толерантности, в то время как в доминирующих группах решающим фактором оказывалась этническая идентичность (Лебедева, Хотинец, Выскочил, Гаурова, 2002).

Таблица 14

Корреляции между этнической толерантностью, мультикультурной идеологией и самоидентификацией в доминирующей группе

	Выраженность этнической самоидентификации	Выраженность гражданской (российской) самоидентификации	Позитивность этнической самоидентификации	Позитивность гражданской (российской) самоидентификации
Этническая толерантность			,30**	
Мультикультурная идеология		,21*	,27**	,40**

Анализ корреляций между этнической толерантностью, мультикультурной идеологией и аккультурационными стратегиями в недоминирующей группе показал, что мигранты с низкими показателями по шкалам этнической толерантности и мультикультурной идеологии избирают стратегию

сепарации, всячески стремясь изолироваться от большого общества. Мигранты, избирающие стратегию маргинализации, имеют самые низкие показатели по шкале *мультикультурная идеология* (напомним, что по шкале *стратегия маргинализации* мы получили самые низкие показатели (среднее – 1,68), свидетельствующие о том, что лишь незначительное число мигрантов прибегает к этой стратегии).

Таблица 15

Корреляции между *этнической толерантностью*, *мультикультурной идеологией* и *аккультурационными стратегиями* в недоминирующей группе

	Стратегия сепарации	Стратегия маргинализации	Стратегия интеграции	Стратегия ассимиляции
Этническая толерантность	-,24**			
Мультикультурная идеология	-,22*	-,31**	,28**	-,23**
Культурная безопасность	-,18*			
Экономическая безопасность			,20*	
Физическая безопасность			,18*	
Интегральная безопасность	-,25**	-,10*	,22*	
Воспринимаемая дискриминация	,25**			

Мигранты, придерживающиеся стратегий маргинализации (таких в нашей выборке чуть менее 3 %) и сепарации (14 %), имеют, преимущественно, среднее или неоконченное

среднее образование, являются, в большинстве своём, выходцами из деревень, они плохо владеют русским языком (корреляция = 0,28, $p < 0,01$) и не имеют друзей среди представителей доминирующего общества (корреляция = 0,23, $p < 0,01$). Эта категория мигрантов занимается этническим предпринимательством, социально плохо адаптирована (корреляция = 0,30, $p < 0,01$) и склонна к проявлению депрессии и тревожности. Ощущая низкую интегральную безопасность (корреляция = -0,25, $p < 0,01$) и высокую воспринимаемую дискриминацию (корреляция = 0,25, $p < 0,01$), они не ориентированы на укоренение в новом обществе и поэтому не стремятся к контактам с широким обществом.

Являясь классическим воплощением мифологизированного образа «лица кавказской национальности», эта категория мигрантов не стремится ни в коей мере трансформировать даже внешние проявления традиционного образа жизни, часто шокируя представителей доминирующей группы и сталкиваясь с непониманием, ведущим к формированию негативных этнических стереотипов. Гастарбайтеры-возвращенцы символизируют в массовом сознании образ мигранта, становясь катализатором не только предубеждений, но и фобий, серьёзно подрывая ощущение безопасности у представителей местного населения.

Таблица 16

В этой стране есть место разнообразию
языков и культур (%)

	Армяне	Русские
Абсолютно не согласен	3,0	–
Скорее не согласен	7,5	4,5
Не знаю, не уверен	18,7	15,0
Скорее согласен	27,6	24,8
Абсолютно согласен	43,3	55,6

Подавляющее большинство мигрантов, придерживающихся *стратегии интеграции* (среднее значение по шкале – 4,48), ощущает довольно высокую безопасность и демонстрирует высокие показатели по шкале мультикультурная идеология. Интегрированным мигрантам чужды проявления мигрантофобии и они уверены, что в России *есть место разнообразию языков и культур* (70,9 % респондентов-армян скорее согласны или абсолютно согласны с этим утверждением).

Таблица 17

Корреляции между *этнической толерантностью, мультикультурной идеологией, мигрантофобией и аккультурационными стратегиями* в доминирующей группе

	Аккультурационные ожидания – сегрегация	Аккультурационные ожидания – маргинализация	Аккультурационные ожидания – интеграция	Аккультурационные ожидания – ассимиляция
Этническая толерантность	-,24**	-,33**	,49**	-,24**
Мультикультурная идеология			,21*	
Мигрантофобия	,31**	,31**	-,35**	
Культурная безопасность				
Экономическая безопасность				
Физическая безопасность	-,19*	-,23**		
Интегральная безопасность		-,17*		
Воспринимаемая дискриминация		,28**	-,31**	

Во многом сходные настроения присущи представителям доминирующей группы, в которой средние показатели по шкале *Аккультурационные ожидания – интеграция* – 4,05. У этих респондентов низкие показатели по шкалам *Мигрантофобия* и *Воспринимаемая дискриминация*, при этом им свойственна высокая *Этническая толерантность* и они разделяют все основные идеологические постулаты *Мультикультурализма*. Мало кто из них сомневается, что в России достаточно приемлемые условия для сосуществования разнообразных культур.

Группе респондентов доминирующего общества с *Аккультурационными ожиданиями ассимиляции* присущи низкие показатели этнической толерантности, что естественно предполагает их установки на неприемлемость поддержания культурного многообразия, отказ мигрантам в сохранении собственных культурных традиций, языка и усвоении культуры доминирующего общества.

Высокие показатели корреляции шкал *Безопасности* у русских с *Аккультурационными ожиданиями сегрегации и маргинализации* свидетельствуют о том, что едва ли не единственным средством сохранения ощущения безопасности у доминирующей группы является создание условий для успешной интеграции мигрантов.

Основные социокультурные и психологические факторы аккультурации армянских мигрантов в Москве

Как показывают результаты регрессионного анализа, на выбор стратегии аккультурации армянскими мигрантами в Москве наибольшее влияние оказывают такие показатели, как

- *выраженность этнической самоидентификации,*
- *выраженность гражданской (российской) самоидентификации,*

- *позитивность этнической самоидентификации,*
- *позитивность гражданской (российской) самоидентификации,*
- *экономическая безопасность,*
- *воспринимаемая дискриминация,*
- *мультикультурная идеология,*
- *социокультурная дезадаптация,*
- *владение армянским языком.*

Высоко интегрированными в российский социокультурный контекст являются мигранты, у которых принадлежность к армянской культуре и традициям вызывает выраженные позитивные чувства. Одновременно они ощущают выраженную вовлечённость в контакты с большим обществом, принимая его культуру. Это люди, достаточно хорошо социально адаптированные и чувствующие себя в безопасности, по крайней мере, в экономическом плане.

По результатам регрессионного анализа ассимилироваться стремятся мигранты, слабо идентифицирующие себя с армянским этносом, но положительно оценивающие свою принадлежность к доминирующему обществу как общегражданской российской социальной общности. Они низко оценивают уровень своего владения армянским языком. Хочется заметить, что ассимилированные мигранты крайне отрицательно относятся к парадигме мультикультурного общества.

Позитивная идентификация с собственным этносом в сочетании с неприятием себя как части общероссийского гражданского социума приводит к выбору стратегии сепарации. Такие мигранты ощущают себя довольно сильно дискриминируемыми, они плохо адаптируются и не разделяют принципы построения мультикультурного общества.

Мультикультурная идеология чужда также и тем мигрантам, которые проходят аккультурацию по типу маргинализации. У этих мигрантов слабо выражена этническая самоидентификация в сочетании с высокими оценками своего дискриминируемого положения.

Таблица 18

Регрессионный анализ социокультурных и психологических факторов выбора стратегии аккультурации армянами

Зависимые переменные	Предикторы							R ²	F	
	Выраженность этнической самоидентификации β	Выраженность гражданской (российской) самоидентификации β	Позитивность этнической самоидентификации β	Позитивность гражданской (российской) самоидентификации β	Экономическая безопасность β	Воспринимаемая дискриминация β	Мультикультурная идеология β			Социокультурная адаптация β
Стратегия интеграции	,25**	,29***	,29***		,14*		-,21**		,45	30,03***
Стратегия ассимиляции	-,20*			,20*			-,29***		,28	18,79***
Стратегия сепарации		-,38***	,19*				-,18*	,29***	,31	22,80***
Стратегия маргинализации	-,19*						-,26**		,15	9,53**

Специфика аккультурации молодежи

На протяжении всего нашего исследования мы не раз задавались вопросом, каково же влияние возраста респондентов на исследуемые стратегии и аккультурационные ожидания мигрантов и местного населения, какие существуют значимые связи возраста респондентов с основными факторами успешной адаптации мигрантов, и является ли более молодой возраст, как это логично предположить, одним из основных факторов успешной аккультурации.

Таблица 19

Корреляции возраста респондентов с исследуемыми показателями (армяне)

Армяне	Возраст
Выраженность этнической самоидентификации	,38**
Удовлетворённость собой	-,36**
Удовлетворённость жизнью	-,30**
Депрессия	,120*
Социокультурная дезадаптация	,23**
Владение армянским языком	,34**
Владение русским языком	-,18*

Таблица 20

Корреляции возраста респондентов с исследуемыми показателями (русские)

Русские	Возраст
Позитивность этнической самоидентификации	,64**
Позитивность гражданской (российской) самоидентификации	,39**
Физическая безопасность	,19*
Интегральная безопасность	,21*
Мультикультурная идеология	,23**
Этническая толерантность	,35**
Мигрантофобия	-,20*
Депрессия	-,25**
Тревога	-,25**

Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии значимого влияния возраста респондентов на успешность аккультурации как мигрантов, так и представителей местного населения. Интеграционные, ассимиляционные, сепарационные и маргинализационные установки присущи в равной мере всем возрастным группам, однако определенную возрастную специфику в обеих исследуемых группах обнаружить удалось.

Так, у молодых мигрантов менее выражена *этническая самоидентификация*, они хуже старшего поколения владеют *армянским языком*, но лучше – *русским*. При всех типах стратегий аккультурации молодежь успешнее проходит *социокультурную адаптацию*, у неё выше *удовлетворенность* и *собой*, и своей *жизнью*, к тому же молодые армяне меньше подвержены *депрессии*.

У молодых москвичей – представителей доминирующей группы менее выражена *позитивность* и *этнической*, и *гражданской идентичности*, что, естественно, приводит к более низким показателям по шкалам *мультикультурной идеологии* и *этнической толерантности*, и к более высоким значениям *мигрантофобии*. Соответственно, они меньше ощущают *физическую* и *интегральную безопасность*, более подвержены *депрессии* и *тревоге* при всех типах аккультурационных ожиданий.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в младшей возрастной группе (18–30-летних) московских русских социокультурная ситуация является менее благоприятной, чем среди взрослых, что не может не внушать тревогу и может стать предметом самостоятельного исследования психологического и социокультурного благополучия московской молодёжи.

Заключение

Полученные результаты в свете широкого контекста событий повседневной российской действительности выглядят нереалистично радужными: мигранты склонны интегрироваться в широкое общество, местное население вполне благосклонно воспринимает такую модель аккультурации новоприбывших. Даже с ссылкой на обстоятельство, что полученные модели описывают лишь социально желательные, а не поведенческие установки, результаты позволяют смело заключить, что крайние проявления мигрантофобии и этнической нетерпимости – удел довольно ограниченного круга социально или психологически неблагополучных групп, поведение которых не следовало бы экстраполировать на весь социум.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что сейчас в России присутствуют тенденции к формированию мультикультурного общества, но они, очевидно, будут еще долго существовать лишь в виде матрицы, на основании которой, при благоприятных обстоятельствах, могут сформироваться социальные отношения, в которых будут преобладать толерантность и консенсус относительно базовых ценностей и будет достигнута социальная стабильность в обществе.

Безусловно, проблемы межкультурных отношений могут быть решены только на основании признания культурного многообразия и права культурных групп на сохранение своих отличительных особенностей, а единственная жизнеспособная идеология доминирующего общества – мультикультурализм, который отнюдь не способствует поддержанию неадаптивных элементов и проявлений культуры меньшинств, идущих вразрез с нормами доминирующей культуры. Однако современное даже этнически однородное общество также культурно плюралистично, и сведение культурных различий к этническим, этнизация социальных противо-

речий, создает благодатную почву для категоризации различий и этнического изоляционизма.

В поликультурных обществах абсолютизация культурных различий чревата фрагментацией общественной жизни.

Дискурс этнических различий, этнизация и политизация экономических и правовых проблем блокируют проблематизацию существующих социальных противоречий и дискредитируют искаженно интерпретируемый мультикультуралистский дискурс. К тому же поддержка и культивирование различий часто могут приводить к конфликту между идеей расового и гендерного равенства и традициями этнических групп.

Конечно, реализация политики мультикультурализма сопряжена со значительными сложностями, группы мигрантов требуют адресного подхода к решению проблем включения в принимающее сообщество. Конечно, это не создание системы этнически специфицированных прав. Интеграция инокультурного населения невозможна без мобилизации ресурсов социального государства, так как продвижение в этом направлении напрямую связано с решением проблем бедности. Такая политика требует значительной адаптации социальных институтов доминирующего общества – образования, здравоохранения, государственной службы – к потребностям малых групп, она нуждается в разработке антидискриминационного законодательства, способных к созданию среды для диалога и взаимопроникновения различных жизненных стилей и культур.

Литература

1. *Берри Дж. У.* Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / Развитие личности, 2001, № 3–4.

2. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. Бюро ЮНЕСКО в Москве, <http://www.unesco.ru/rus/articles/2004/ampar0112006193900.php>
3. *Дробижьева Л.* Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России / Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. – М.: Флинта, 2005.
4. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1998.
5. *Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.
6. *Лебедева Н. М., Хотинец В.Ю., Выскочил А.А., Гаюрова Ю.А.* Психологические исследования этнической толерантности. – Екатеринбург, 2002.
7. *Лебедева Н. М.* Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // *Этнопанорама*, 2005, № 2
8. *Малахов В.* Мультикультурализм или интеграция // Журнальный зал. Неприкосновенный запас. 2002, № 5 (25).
9. *Малькова В. К., Остапенко Л. В. и Субботина И. А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (по данным опросам московских школьников) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 1998. – № 111.
<http://nationalism.org/library/science/sociology/malkova/malkova.htm>
10. *Мелконян Э.* В Армении не устранены причины эмиграции. Кавказский узел. 22.09.2006. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1058402.html>
11. Сайт национальной статистической службы Армении, <http://www.armstat.am/>
12. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Академический проект, 1999.

13. *Berry J.W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. – Potsdam, 1984.
14. *Berry J. W.* Acculturation as varieties of adaptation. In A. Padilla (ed.), *Acculturation: theory, models and findings*, 1980.
15. *Camillieri C.* La construction identitaire. *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, № 9–10, 1991.
16. *Georgas J. & Papastylianou D.* Acculturation and Ethnic Identity: The remigration of Ethnic Greeks to Greece. In H. Grand, A. Blanco & J. Georgas J. (Eds.) *Key Issues in Cross-cultural Psychology*. – Lisse, Netherlands: Sweets & Zeitlinger, 1998.
17. *Kalin R. & Berry J. W.* Ethnic and Civic Self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 National Survey. *Canadian Ethnic Studies*, 1995.
18. *Redfield R., Linton R., Herskovits M. H.* Memorandum on the Study of Acculturation // *American Anthropologist*, 38, 1936.

М.В. Ефремова

Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае¹

Современные миграционные процессы играют важную роль в формировании межэтнических отношений в поликультурном обществе. Сегодня большие города, принимая потоки мигрантов из различных стран и регионов, становятся

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг.(№ 08-04-0007)

поликультурными. В такой ситуации изучение миграционных процессов на территории бывшего СССР требует объединения усилий специалистов разных гуманитарных наук, в том числе возрастает потребность в психологических исследованиях. Особо остро встает вопрос адаптации мигрантов к особенностям новой культуры. По справедливому замечанию современных исследователей, «этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) трудной работы понимания и принятия как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования» (цит. по Лебедева, 1999, с.192). Вопрос психологической адаптации мигрантов – один из самых изучаемых в современной психологической науке (Гриценко, 1999; Лебедева, 1993, Солдатова, 2001; Стефаненко 1999, Стефаненко, Шлягина Ениколопов, 1993), тем не менее, проблема психологической адаптации мигрантов к новой культуре не достаточно изучена.

По мнению А. Фэрхема и С. Бочнера, проблемы межкультурных отношений могут быть разрешены только тогда, когда будет общепризнано, что человеческие группы различаются в своих культурных индивидуальностях, что они имеют право сохранять свои отличительные черты, если они этого желают. (Furnham, Bochner 1986.) Данный принцип лежит в основе интеграции, которая осуществляется при помощи политики мультикультурализма, направленной на развитие и сохранение культурных различий. В психологическом плане интеграция – это наиболее позитивный способ межкультурного взаимодействия, в котором члены этнических (культурных) групп полностью справляются с трудностями принятия другого образа жизни, другой «картины мира» и даже находят положительные моменты в такой разности и подобном взаимном существовании. (Лебедева, 1999; Межкультурный диалог, 2003). Этническая толерантность

способствует пониманию и принятию другой культуры, т.к. основывается на уважении к иной культуре (ее позитивном образе) при сохранении позитивного восприятия собственной культуры.

Формирующаяся гражданская идентичность, как и этническая, во многом определяет миграционное поведение граждан. В поликультурной среде рассмотрение этнической и гражданской идентичности в контексте социокультурной адаптации становится *особо актуальным*. Социальная идентичность и, в частности, такие ее составляющие как гражданская и этническая идентичность лежат в основе взаимоотношений в поликультурных обществах. На развитие и трансформацию этнического и гражданского самосознания оказывают значительное влияние миграционные процессы, характер межэтнических отношений, социально-экономическая стабильность в регионах и др.

В связи с этим анализ взаимосвязи идентичности людей, населяющих Российскую Федерацию, со стратегиями аккультурации и другими процессами, которые помогают адаптироваться и успешно социализироваться в настоящем поликультурном обществе, несомненно, актуален для решения проблем, стоящих перед современной Россией

Проявление межэтнических отношений в установках представителей разных этнических групп, ориентации на межэтнические контакты в разных сферах связаны с соответствующими стратегиями межэтнического взаимодействия.

На сегодняшний день наиболее влиятельной (и предпочитаемой) при изучении проблем психологической адаптации мигрантов считается концепция «стресса аккультурации» Дж. Берри, которая описывает ситуацию конфликта, возникающего при невозможности с легкостью изменить поведенческий репертуар при включении в новую культуру. (Berry, 1990). «Аккультурация означает феномен, проявляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт,

последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп» (Redfield, Linton, Herskovits, 1936) (цитата по: Лебедева, 1999, с. 205). Берри предположил, что сам межэтнический контакт будет преимущественно зависеть от того, какой аккультурационной стратегии придерживается мигрант. Согласно Берри, процесс аккультурации связан с двумя основными проблемами: поддержание собственной культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основные аккультурационные стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация (Berry, 1990). В более ранних исследованиях считалось, что лучший вариант культурной адаптации – ассимиляция, слияние с доминирующей культурой. Согласно поздним исследованиям Дж. Берри, наиболее адаптивной и приемлемой в поликультурном обществе является стратегия интеграции, в результате которой происходит обогащение культур группы меньшинства и принимающего большинства, повышается возможности к адаптивным изменениям в условиях меняющегося мира. (Berry. et al., 1992).

Межкультурная адаптация понимается как сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними. Обычно выделяют внутреннюю сторону адаптации (психологическую адаптацию), выражающуюся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, и ее внешнюю сторону (социально-культурную адаптацию), которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полноправном межличностном взаимодействии с ее членами.

Такие показатели психологической адаптации как удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью, уровень депрессии, уровень тревожности и социокультурной адаптации говорят о степени адаптированности мигранта, так как социально-культурная и психологическая адаптация взаимосвязаны между собой: «в то время как социальная неадекватность ведет к изоляции и вызывает психологические нарушения, имеет место и обратная связь, поскольку психологическое недомогание отражается на поведении, в том числе на различных социальных навыках» (Уорд, 2003, с. 692) (цит по: Стефаненко, 2007)

Н.М. Лебедева, основываясь на положениях концепции Дж. Берри и М. Плизента о психологической природе этнической толерантности и ее роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, приходит к выводу, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности (Лебедева Н.М., 1997). Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Г.У. Солдатова (1998) отмечает, что угроза позитивной этнической идентичности – это угроза существованию этнической общности, страх потерять привычную социокультурную нишу, утратить жизненно важное ощущение защищенности. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид повышает как собственную самооценку, так и престиж и статус своей группы.

В дальнейших исследованиях проведенных Лебедевой Н.М. и Татарко А.Н. (Лебедева, Татарко, 2002; Лебедева, Татарко, 2003; Лебедева, Татарко, 2004) было выявлено, что такие характеристики этнической идентичности, как позитивность (валентность) и четкость (выраженность), взаимосвязаны с показателями этнической толерантности, а такие

характеристики, как негативность и амбивалентность, – с показателями этнической интолерантности.

Согласно А. Тэджфелу (Tajfel, 1978), социальная идентичность определяет поведение индивидов в межгрупповых отношениях. Гражданская идентичность, являясь компонентом социальной идентичности, несет важнейшую функцию реализации базовых потребностей личности в принадлежности к группе. Чувство принадлежности, объединяющее человека с большой общностью, позволяет индивиду ощущать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью. Гражданская идентичность понимается нами как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида значимый смысл (Водолажская, 2003).

Согласно данным зарубежных исследований (Gaertner et al, 1994) ингрупповой фаворитизм снижается, когда члены разных групп формируют общую идентичность, например, гражданскую.

В современных психологических исследованиях, в частности в исследованиях Лебедевой Н.М. и Татарко А.Н. (2007) выявлено, что гражданская и религиозная идентичности являются компонентами социального капитала. Таким образом, гражданская идентичность является неким «социальным клеем», который способствует сплочению поликультурного и поликонфессионального общества

Краткий анализ исследований позволил сделать вывод о том, что изучение взаимосвязи этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками мигрантов в поликультурных регионах поможет определить, как характеристики этих двух видов идентичности обуславливают социокультурную адаптацию. В дальнейшем полученные знания можно использовать для построения межнациональной политики, формирования толерантности в межэтнических отношениях, анализа и нахождения решения межэтнических конфликтов и других проблем современности. Таким обра-

зом, изучение проблемы значимо для социальной, политической, экономической стабилизации многонационального государства и его дальнейшего развития.

В настоящем исследовании изучалось, как характеристики идентичности могут влиять на установки инокультурных мигрантов, на социокультурную адаптацию и психологическое здоровье мигрантов в поликультурных регионах.

Цель исследования: выявить взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межэтническими установками, стратегиями аккультурации и уровнем психологического благополучия инокультурных мигрантов.

Основная гипотеза исследования: характеристики идентичности (выраженность и позитивность) имеют различный характер взаимосвязи со стратегиями аккультурации и социокультурной и психологической адаптацией.

Частные гипотезы:

1. Позитивность этнической и гражданской идентичности мигрантов положительно взаимосвязана с установкой на стратегию интеграции, отрицательно – с установками на стратегии маргинализации и сепарации.

2. Позитивность этнической и гражданской идентичности положительно взаимосвязана с психологическим благополучием, хорошей социокультурной адаптацией и психологическим здоровьем мигрантов (низкими уровнями депрессии и тревожности).

Методика исследования

Методы исследования. В исследовании использовался опросник Berry (2006), разработанный для изучения межкультурных установок принимающего населения и мигрантов, переведенный на русский язык и адаптированный для России. Помимо шкал, связанных с изучением межкультурных отношений, в опросник также включены апробированные шкалы социокультурной адаптации и шкалы, измеряю-

щие психологическое благополучие: удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью, депрессия, тревога.

В данном исследовании были использованы следующие переменные: этническая и гражданская идентичность, этническая толерантность, установки на стратегии аккультурации (сепарацию, маргинализацию, интеграцию, ассимиляцию), а также показатели социокультурной и психологической адаптации: удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью, депрессия, тревога.

В качестве независимых переменных выступали характеристики этнической и гражданской идентичности: выраженность и позитивность. Выраженность этнической идентичности понимается нами как степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя некоей этнокультурной общности. Под позитивностью этнической идентичности понимается позитивное эмоциональное отношение к собственной этнической группе (Лебедева, Татарко, 2005). Под выраженностью гражданской идентичности понимается степень осознанности собственной принадлежности к своему государству. Валентность (позитивность) гражданской идентичности обозначает эмоциональное отношение к факту принадлежности к своему государству.

В качестве зависимых переменных выступали:

1. Шкала аккультурационных стратегий (16 вопросов): по 4 вопроса для стратегий

- сепарации (например: «Я считаю, что армяне, живущие в России, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские»);

- маргинализации («Я считаю, что для армян не важно как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать русские», «Иммигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими»);

- интеграции (например, «Я считаю, что армяне, живущие в России, должны как придерживаться собственных культурных традиций, так и усваивать русские традиции»,

«Я предпочитаю иметь друзей как среди армян, так и среди русских»);

- ассимиляции («Владеть в совершенстве русским языком для меня важнее, чем родным» и др.).

2. Шкалы для измерения психологических проблем: депрессии, тревоги. Шкала для измерения уровня депрессии включала в себя 8 пунктов. Например, такие как: «Я чувствую усталость», «Я чувствую себя одиноким, даже рядом с другими людьми». Шкала для измерения уровня тревоги включала в себя 7 пунктов. Например, такие как: «Я напряжен и взвинчен», «Я беспокоюсь о том, что со мной может случиться что-то плохое». Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «никогда» до 5 – «всегда».

3. Шкалы измеряющие психологические состояния: удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью.

Респонденту предлагалось отвечать на вопросы по 5-и балльной шкале: от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

Участники исследования и процедура исследования. Опрос проводился в Москве и Ставропольском крае. В выборку вошли представители четырех наиболее многочисленных этнических групп (армяне, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы) Центрального и Южного федеральных округов. Общий состав выборки по двум регионам приводится в табл. 1.

Всего в ходе исследования опрошено 548 чел. Возраст респондентов – от 25 до 55 лет, медиана – 36 лет. Выборка уравнивалась по половому составу и включала 300 женщин и 248 мужчин.

Способы обработки данных. Для анализа результатов исследования применялась математико-статистическая обработка с помощью пакета SPSS. Взаимосвязь этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками мигрантов оценивалась с помощью множественного регрессионного анализа (метод *stepwise*).

Таблица 1

Характеристики выборки

Регион	Этническая группа	Ко-во чел.	Пол	
			муж	жен
Москва (N = 231)	Армяне	181	79	102
	азербайджанцы	50	22	28
Ставрополь (N = 317)	Армяне	122	59	64
	Дагестанцы	118	54	63
	Чеченцы	77	34	43
Итого		548		

Результаты исследования

Таблица 2

Средние арифметические значения по шкалам
применяемых методик

Группа Конструкт	Армя- не Мос N=181	Азер- бай- джан- цы.Мо с N=50	Армя- не Ставр. N=122	Дагес- танцы Ставр. N=118	Чечен- цы Ставр. N=77
Выраженность этнической ид.	4,5	4,4	4,3	4,7	4,5
Позитивность этнической ид.	4,2	4,3	4,3	4,5	4,4
Выраженность гражданской (российской) ид.	3,8	4,2	4,3	4,5	4,0
Позитивность гражданской (российской) ид.	3,2	3,6	3,7	4,3	3,7
Сепарация	2,1	2,6	2,8	2,8	3,0

Продолжение таблицы 2

Группа Конструкт	Армяне Мос N=181	Азербайджанцы. Мос N=50	Армяне Ставр. N=122	Дагестанцы Ставр. N=118	Чеченцы Ставр. N=77
Маргинализация	1,7	2,0	2,5	2,1	2,2
Интеграция	4,5	4,1	4,1	4,2	3,9
Ассимиляция	1,8	1,7	2,4	2,0	2,1
Удовлетворенность собой	3,8	3,7	3,8	3,8	3,6
Удовлетворенность жизнью	3,1	2,6	3,3	3,0	3,5
Депрессия	2,1	2,2	2,1	2,0	2,0
Тревога	2,4	2,4	2,4	2,2	2,2

В группе армян и азербайджанцев г. Москвы, а также в группе дагестанцев и чеченцев г. Ставрополя этническая идентичность более выражена, чем у армян г. Ставрополя. Позитивность этнической идентичности выше у мигрантов Ставрополя.

Высокие показатели выраженности и позитивности гражданской идентичности выявлены в группе дагестанцев г. Ставрополя, тогда как низкие показатели выявились в группе армян г. Москвы, чеченцев г. Ставрополя. Средняя выраженность и низкая позитивность гражданской идентичности характерна для азербайджанцев г. Москвы и армян г. Ставрополя.

У представителей мигрантов Москвы и Ставрополя преобладают установки аккультурации по типу интеграции, которая характеризуется овладением навыков обеих культур. У мигрантов Ставропольского края (армян, дагестанцев, чеченцев), а также у азербайджанцев Москвы на втором месте

по предпочтению стоит аккультурация по типу сепарации, затем – стратегия маргинализации, и на последнем месте – стратегия ассимиляции. В группе армян г. Москвы на втором месте по предпочтению также стоит аккультурация по типу сепарации, а на третьем – стратегия ассимиляции. Менее предпочитаемой явилась стратегия маргинализации.

В табл. 2 представлены результаты многомерного регрессионного анализа, показывающие взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками в группе армян, г. Москвы

Таблица 3

Связь характеристик этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками армян г. Москвы (N = 181)

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид. β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Этническая толерантность			.22**		.05	8.50**
Удовлетворенность собой		.32***			.10	15.94***
Удовлетворенность жизнью	-.16*		.40***	-.37***	.03	8.91***
Депрессия						
Тревога						
Сепарация						
Маргинализация						
Интеграция						
Ассимиляция						

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Данные табл.3 показывают, что в группе **армян** города Москвы выраженность гражданской идентичности способствует этнической толерантности и удовлетворенностью жизни. Удовлетворенности собой способствует позитивность этнической идентичности, тогда как выраженность этнической идентичности не способствует удовлетворенности жизнью.

В табл. 4 представлены результаты многомерного регрессионного анализа, показывающие взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками в группе азербайджанцев г. Москвы

Таблица 4

Связь характеристик этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками азербайджанцев г. Москвы (N = 50)

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид. β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Этническая толерантность						
Удовлетворенность собой						
Удовлетворенность жизнью			.40*		.16	4.30*
Депрессия						
Тревога						
Сепарация		-.54**			.30	9.61*
Маргинализация		-.56**			.32	9.37**
Интеграция				.43*	.18	4.63*
Ассимиляция		-.58**			.33	11.52**

* - p <0,05, ** - p <0,01, *** - p <0,001

У представителей **азербайджанской культуры** г. Москвы наиболее позитивными факторами, влияющими на адаптацию мигрантов, является позитивность гражданской (способствует выбору стратегии интеграции и удовлетворенности жизнью) и этнической идентичности. Позитивность этнической идентичности отрицательно связана со стратегиями сепарации, маргинализации, ассимиляции. Таким образом, позитивность этнической идентичности препятствует выбору таких стратегий аккультурации как сепарация, маргинализация, ассимиляция.

Перейдем к рассмотрению результатов полученных при проведении исследования в Ставропольском крае.

В табл. 5 представлены результаты многомерного регрессионного анализа, показывающие взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками в группе армян г. Ставрополя

Таблица 5

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками армян г. Ставрополя (N = 122)

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид. β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Этническая толерантность				.31***	.09	12.14***
Удовлетворенность собой		.41***			.17	16.01***
Удовлетворенность жизнью						

Продолжение таблицы 5

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид. β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Депрессия	-.19*	.32***			.07	11.38***
Тревога		.24**			.06	9.30***
Сепарация						
Маргинализация		-.33***			.04	9.82***
Интеграция	.41***			.21*	.04	21.15***
Ассимиляция		-.34***			.11	14.88***

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Данные табл. 5 показывают, что у армян, проживающих в г. Ставрополе, выраженность этнической идентичности способствует интеграции и низкому уровню депрессии. Позитивность этнической идентичности препятствует маргинализации, ассимиляции, способствует удовлетворенностью собой, депрессии, тревожности. Позитивность гражданской идентичности способствует интеграции и этнической толерантности.

В табл. 6 представлены результаты многомерного регрессионного анализа, показывающие взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками в группе дагестанцев г. Ставрополя.

Данные табл. 6 показывают, что для дагестанцев, проживающих в Ставропольском крае, наиболее влияющими на успешную адаптацию факторами явилась выраженность гражданской идентичности, выраженность и позитивность этнической идентичности. Выраженность гражданской идентичности способствует интеграции (и неудовлетворенности

жизнью). Позитивность этнической идентичности препятствует сепарации, маргинализации, ассимиляции, депрессии, тревожности. Выраженность этнической идентичности способствует этнической толерантности, препятствует стратегии сепарации, ассимиляции, удовлетворенностью собой, жизнью.

Таблица 6

Связь характеристик этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками дагестанцев г. Ставрополя (N = 118)

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид. β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Этническая толерантность	.42**				.23	3.81**
Удовлетворенность собой	-.24*				.48	11.32***
Удовлетворенность жизнью	-.33**		-.48*	.48*	.26	4.72**
Депрессия		-.35*			.22	4.87***
Тревога		-.37*			.14	3.19*
Сепарация	-.32**	-.48***			.10	9.94***
Маргинализация		-.69***			.47	48.73***
Интеграция			.45***		.21	14.43***
Ассимиляция	-.38**	-.52***		.25*	.05	19.21***

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

В табл. 7 представлены результаты многомерного регрессионного анализа, показывающие взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с межкультурными установками в группе чеченцев г. Ставрополя.

Таблица 7

Связь характеристик этнической и гражданской идентичностей с межкультурными установками чеченцев г. Ставрополя (N = 77)

Зависимые переменные	Предикторы				R ²	F
	Выраженность этнической ид. β	Позитивность этнической ид β	Выраженность гражданской ид. β	Позитивность гражданской ид. β		
Этническая толерантность	-.37*				.14	6.59*
Удовлетворенность собой		.41**	.40**		.15	14.63***
Удовлетворенность жизнью		.39**			.15	7.74**
Депрессия						
Тревога						
Сепарация			-.43**		.19	10.19***
Маргинализация		-.64***			.41	29.75***
Интеграция			.45***		.21	11.72***
Ассимиляция		-.46***			.21	11.29***

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

В группе чеченцев г. Ставрополя выявлена отрицательная взаимосвязь выраженной этнической идентичности с этнической толерантностью. Позитивная этническая идентичность положительно связана с удовлетворенностью собой, жизнью и отрицательно со стратегиями маргинализации, ассимиляции. Выраженная гражданская идентичность способствует выбору стратегии интеграции, удовлетворенности собой и препятствует сепарации.

Обсуждение результатов

В исследовании были выявлены значимые взаимосвязи этнической идентичности и гражданской идентичности со стратегиями межкультурного взаимодействия, социокультурной адаптацией, этнической толерантностью, психологическим благополучием, показателями психологического здоровья (тревожность и депрессия). Рассмотрим полученные результаты взаимосвязи этнической и гражданской идентичности со стратегиями межкультурного взаимодействия.

Результаты исследования показывают, что на межкультурные установки, в частности на стратегии аккультурации, могут оказывать влияние выраженность и позитивность этнической и гражданской идентичности. Нами было выявлено, что идентичность – важная психологическая структура личности, связанная с выбором стратегии аккультурации. Из рис. 2 мы видим, что большинство значимых положительных связей образовано между выраженностью и позитивностью гражданской идентичности и стратегией интеграции. В группе армян г. Ставрополя (см. табл.4), обнаружено, что позитивная гражданская идентичность способствует выбору стратегии интеграции. В группах дагестанцев и чеченцев г. Ставрополя, (см. табл. 5 – 6) выбору стратегии интеграции способствует выраженная гражданская идентичность. Таким образом, выраженная и позитивная гражданская идентичность способствует в процессе адаптации поддержанию (сохранению) собственной культурной и этнической идентичности наряду с позитивными, конструктивными отношениями с новой культурой. Эта стратегия является самой оптимальной как для индивида, так и для общества в целом. Для достижения интеграции требуется взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп жить как культурно-различные народы. Эта стратегия требует от недоминантной группы адаптации к ос-

новным ценностям доминирующего общества, а доминирующая группа должна быть готова адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп поликультурного общества (Лебедева, 1997). Также интеграция способствует успешной психологической и социокультурной адаптации.

Позитивность этнической идентичности также несет важнейшую функцию в процессе межкультурного взаимодействия. В нашем исследовании подтвердилась закономерность, имеющая статус психологического закона: чем благоприятнее представление человека о собственной этнической принадлежности, тем терпимее он в отношении других этносов, и тем менее схематизированными и однозначными становятся его представления о «чужих». Позитивная этническая идентичность основной конструкт, который способствует сохранению внутри – и межгрупповой гармонии, а также – позитивного личностного самоощущения (Лебедева, 1999).

На рис.1, мы видим большое количество отрицательных связей между позитивностью этнической идентичности и стратегией аккультурации – маргинализацией. Таким образом, чем негативнее этническая идентичность, тем вероятнее выбор мигрантом стратегии маргинализации. Данная связь была обнаружена в группах азербайджанцев г. Москвы (табл. 3), армян (табл. 4), дагестанцев (табл. 5) и чеченцев (табл. 6) г. Ставрополя. Позитивность этнической идентичности снижает вероятность того, что мигрант потеряет стремление к поддержанию собственной культуры и к поддержанию отношений с принимающей культурой. Большинство исследователей пришли к выводу, что стратегия маргинализации – самая дезадаптивная, т.к. индивид не имеет ценностей, стандартов поведения, не видит уникальности собственной культуры и культуры принимающей стороны.

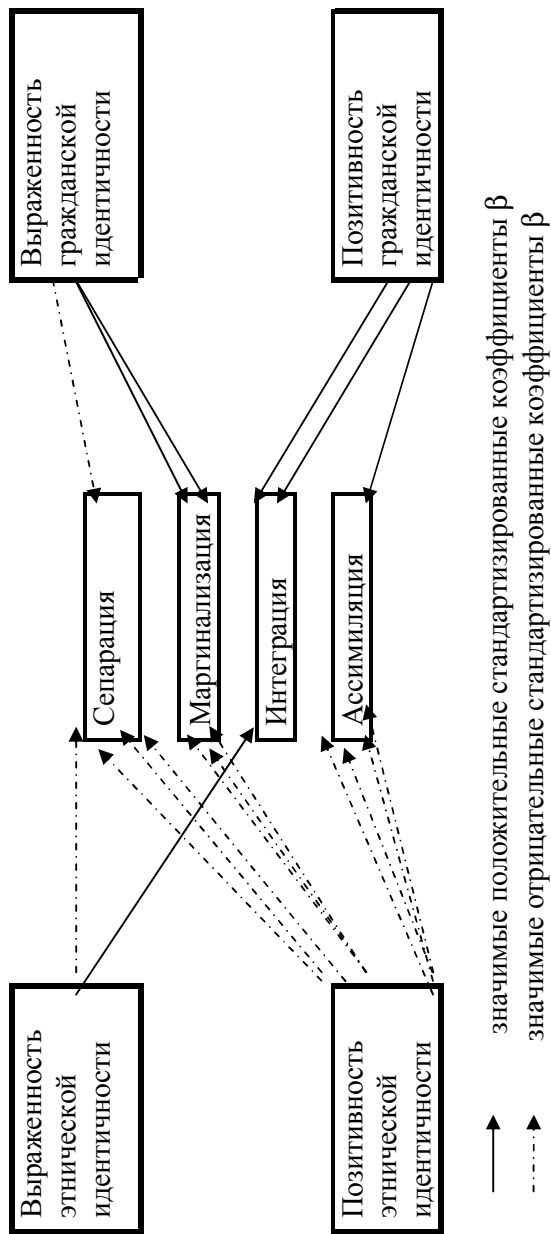

Рис. 2. Значимые β - коэффициенты связи идентичности и аккультурационных установок мигрантов (по всей выборке).

Также результаты исследования обнаружили наличие отрицательных связей между позитивностью этнической идентичности и стратегией сепарации. Этот результат был выявлен в группе азербайджанцев г. Москвы (табл. 3), дагестанцев г. Ставрополя (табл. 5). Чем негативнее этническая идентичность, тем более вероятно поведение мигрантов, в основе которого лежит стремление всячески поддерживать собственную традиционную культуру и избегать взаимоотношений с другими культурами. Недавние исследования показали, что наибольшую дискриминацию испытывают на себе индивиды, избравшие стратегии сепарации и маргинализации (Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006). Стратегия сепарации кроет в себе три опасности: возможность быть отвергнутым членами своей культурной группы; возможность быть отвергнутым членами группы большинства; вероятность испытать чрезмерный стресс при попытках одновременно приобрести новые аттитюды и паттерны поведения и избавиться от старых.

Результаты исследования позволили обнаружить преобладание значимых отрицательных связей позитивной этнической идентичности с аккультурационной стратегией ассимиляции в группах азербайджанцев г. Москвы (табл. 3), армян (табл. 4), дагестанцев (табл. 5) и чеченцев (табл. 6) г. Ставрополя. Преобладание у индивидов позитивных чувств по отношению к собственной этнической группе способствует поддержанию своей культурной и этнической идентичности.

Наряду с обнаруженными общими тенденциями результаты исследования выявили специфические взаимосвязи характеристик идентичности с межкультурными установками в зависимости от региона и этнической группы.

Перейдем к рассмотрению полученных результатов взаимосвязи этнической и гражданской идентичности с социокультурной адаптацией, этнической толерантностью, психологическим благополучием, показателями психологического здоровья (тревожность и депрессия).

Регрессионный анализ показал, что позитивная этническая идентичность связана с психологическим благополучием, а именно, – с удовлетворенностью собой (у армян Ставрополя, чеченцев Ставрополя, армян Москвы). Обнаруженная прямая связь говорит о том, что чем позитивнее этническая идентичность, тем выше удовлетворенность собой. Дж. Финни подчеркивает, что любая четкая этническая идентичность может служить основой для формирования позитивной Я-концепции члена группы меньшинства. Однако в группе дагестанцев Ставрополя выраженная этническая идентичность отрицательно связана с удовлетворенностью собой и удовлетворенностью жизнью. Обращаясь к средним показателям, мы видим, что наряду с высокой выраженностью этнической идентичности, ее позитивность сравнительно низкая. Таким образом, можно предположить, что при наличии высокой, но не позитивной этнической идентичности снижается степень адаптированности и психологического благополучия. Также было показано, что позитивность этнической идентичности у дагестанцев Ставрополя связана с показателями психологического здоровья: депрессией и тревожностью. Обнаруженная связь отрицательна. Это говорит о том, что чем негативнее этническая идентичность, тем выше уровень депрессии и тревожности у дагестанцев в этом поликультурном регионе. Противоположные данные были получены в группе армян Ставрополя, где с помощью регрессионного анализа обнаружена связь позитивной этнической идентичности с уровнем депрессии и тревожности, а также – социокультурной дезадаптацией.

Для интерпретации полученной связи стоит обратиться к средним показателям (табл. 2). Действительно, выраженность и позитивность этнической идентичности у армян, проживающих в Ставрополе, достаточно низкие, по сравнению с представителями других этнических групп, что, возможно, способствует депрессии, тревожности, социокультурной дезадаптации. Г.У. Солдатова (1998) отмечает, что

угроза позитивной этнической идентичности – это угроза существованию этнической общности, страх потерять привычную социокультурную нишу, утратить жизненно важное ощущение защищенности. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид повышает как собственную самооценку, так и статус своей группы. (Стефаненко, 1993).

Таким образом, можно предположить, что позитивность этнической идентичности способствует психологическому благополучию и улучшению таких показателей психологического здоровья как удовлетворенность собой (армяне Москвы, армяне Ставрополя, чеченцы Ставрополя), снижению уровня депрессии и тревожности (дагестанцы Ставрополя). Психологически здоровый индивид всегда должен иметь четко определенную коллективную (этническую, культурную) идентичность. Такой индивид готов к осмысленному, позитивному взаимодействию с физической и социальной средой, а также способен взаимодействовать с изменяющимся и сложным современным миром (Taylor, 2002).

Выраженная этническая идентичность в группе чеченцев способствует социокультурной дезадаптации. В исследовании Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко было выявлено, что выраженная этническая идентичность связана с интолерантными установками. Позитивная этническая идентичность в группе чеченцев отрицательно взаимосвязана с социокультурной дезадаптацией. Эта связь обозначает, что чем негативнее этническая идентичность, тем выше социокультурная дезадаптация. В исследованиях Н.М. Лебедевой (1993, 1995, 1997) было установлено, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности. Успешная социокультурная адаптация возможна при наличии этнической толерантности, т.к. она подразумевает приспособление индивида (или группы) к условиям новой социокультурной среды.

Регрессионный анализ в нашем исследовании показал, что выраженная гражданская идентичность (у армян Москвы) связана с социокультурной дезадаптацией. Обнаруженная связь оказалась отрицательной, что свидетельствует о том, что чем меньше выражена гражданская идентичность, тем выше социокультурная дезадаптация и наоборот, чем больше выражена гражданская идентичность, тем лучше социокультурная адаптация мигрантов. Обнаружена положительная связь выраженности гражданской идентичности с удовлетворенностью жизнью в группах армян и азербайджанцев Москвы. Гражданская идентичность, являясь компонентом социальной идентичности, несет важнейшую функцию реализации базовых потребностей личности в принадлежности к группе. Чувство принадлежности, объединяющее человека с большой общностью, позволяет индивиду ощущать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью (Водолажская, 2003).

Выводы

1. Выраженность и позитивность гражданской идентичности мигрантов способствует выбору наиболее адаптивной стратегии аккультурации – интеграции.

2. Позитивность этнической идентичности препятствует выбору таких аккультурационных стратегий, как ассимиляция, сепарация, маргинализация.

3. В группе армян г. Ставрополя, чеченцев г. Ставрополя, армян г. Москвы позитивность этнической идентичности способствует психологическому благополучию, а именно, - удовлетворенности собой.

4. В группе дагестанцев г. Ставрополя позитивность этнической идентичности снижает показатели депрессии и тревожности, т.о. способствуя более успешной психологической адаптации личности в поликультурном регионе.

5. В группе чеченцев г. Ставрополя позитивная этническая идентичность способствует социокультурной адаптации.

6. У армян Москвы выраженная гражданская идентичность способствует лучшей социокультурной адаптации.

Литература

1. *Водолажская Т.В.* Идентичность гражданская / Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. – (Мир энциклопедий).
2. *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 189 с.;
3. *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001.
4. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Кросскультурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 252–285.
5. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психол. журн. 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 31–45.
6. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М. 1999.

7. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М.: Изд-во ИЭиА РАН, 1993; Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2002. – 479 с.
8. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.
9. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: Изд-во «Старый сад», 1997.
10. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. – М., 2007.
11. Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межетнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
12. *Солдатова Г.У.* Психология беженцев и вынужденных переселенцев. – М.: Смысл, 2001.
13. *Солдатова Г.У.* Психология межетнической напряженности. Раздел 4: Этническая граница в психологии людей. – М.: Смысл, 1998. – С.271 – 363.
14. *Стефаненко Т. Г.* Методы подготовки к культурному взаимодействию // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С.55–78.
15. *Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.* Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 79 с.
16. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1999.
17. Толерантность в межкультурном диалоге / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005.

18. *Berry J.W. Phinney J.S, Sam D.L. & Vedder P. (Eds.) (2006b). Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 55.*
19. *Berry J.W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism / Potsdam, N.J., Wiley. 1984.*
20. *Berry J.W. The role of psychology in ethnic studies. Canadian Ethnic Studies, 1990, 22, 8–21.*
21. *Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. – L. & N.Y., 1986.*
22. *Gudykunst W. B. and Ting-Toomey S. Culture and Interpersonal Communication. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1988.*
23. *Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison//Differentiation between social groups / Ed. by H. Tajfel. – London: Academic, 1978. – P. 61–76.*
24. *Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Praeger, 2002.*

З.Х. Боттаева

Влияние стратегий адаптации трудовых мигрантов на их психологическое благополучие¹

Миграционные процессы сегодня вызывают интерес самых широких кругов общественности. В современном мире они носят разнообразный и многоаспектный характер и являются предметом изучения многих социальных наук, та-

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг.(№ 08-04-0007)

ких как социология, демография, политология, и, конечно, психология. Когда люди беспрепятственно перемещаются из одной страны в другую, большие города становятся поликультурными и заселяются людьми разных национальностей, имеющих свои культурные особенности и традиции. Эти люди могут быть представителями различных социальных категорий: мигранты (внутренние, прежде всего, трудовые и внешние), студенты, служащие совместных предприятий, участники учебных обменов, туристы, беженцы и т.д. Следовательно, межкультурное общение может протекать в разных областях, в разных видах деятельности. Общим между ними является то, что все они сталкиваются с проблемой адаптации к особенностям новой культуры.

Существует довольно много исследований, посвященных изучению стратегий адаптации мигрантов и особенностям взаимодействия мигрантов с принимающим населением. Однако до сих пор остается малоизученным, как стратегии адаптации мигрантов связаны с их психологическим здоровьем.

Также представляется интересным рассмотреть, какие именно факторы культуры обуславливают более успешную социокультурную адаптацию мигрантов, а также их психологическое благополучие и психологическое здоровье. Особенно актуальны такого рода исследования в поликультурных мегаполисах и регионах, характеризующихся высоким миграционным сальдо.

Начнем с того, что межкультурная адаптация понимается как сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает совместимости с новой культурной средой, принимая ее традиции при сохранении своих собственных и действуя в соответствии с ними (Стефанеко, 2007). Психологическая и социокультурная адаптация представляют собой взаимодополняющие сферы (домены) межкультурной адаптации (Уорд, 2003). Таким образом, обычно выделяют внутреннюю сторону адаптации (психологическую

адаптацию), выражающуюся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, и ее внешнюю сторону (социально-культурную адаптацию), которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полномправном межличностном взаимодействии с ее членами (Стефаненко, 2007). Такие показатели психологической адаптации как удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью, уровень депрессии, уровень тревожности и социокультурной адаптации в нашем исследовании служили индикаторами степени адаптированности мигранта, так как социокультурная и психологическая адаптация взаимосвязаны между собой: «в то время как социальная неадекватность ведет к изоляции и вызывает психологические нарушения, имеет место и обратная связь, поскольку психологическое недомогание отражается на поведении, в том числе на различных социальных навыках» (цит по: Стефаненко, 2007).

Также немаловажно подчеркнуть, что переживаемые мигрантами эмоциональные состояния (состояние тревоги или депрессии) могут служить важнейшими характеристиками их адаптивных возможностей, определять их поведенческую стратегию в новой социокультурной среде и выступать в качестве субъективных индикаторов успешности или, наоборот, затрудненности адаптации.

Психологическое благополучие мигрантов характеризуется широким спектром проблем, среди которых могут быть такие факторы как расставание с близким людьми из-за переезда на новое место жительства, изменение собственного статуса, изменение материального положения, изменение качества жизни и т. д. Ситуация «аккультурационного стресса» может вызвать затруднения в адаптации мигранта, так как его чувство собственного благополучия будет потеряно.

В основу нашего исследования легла модель «аккультурационных стратегий» Дж. Берри. Автор данной модели в основу стратегий аккультурации мигранта кладет два измерения – стремление мигранта поддерживать свою прежнюю

культуру и стремление принимать новую. В исследовании мы придерживаемся точки зрения Дж. Берри на состав стратегий, которые состоят из двух (обычно связанных) компонентов: установок и поведения, проявляющихся в повседневном межкультурном взаимодействии. Разумеется, не всегда бывает полное совпадение между тем, что человек предпочитает (установки) и тем, что он делает (поведение). Это несоответствие широко исследуется в социальной психологии и обычно объясняется как результат социальных ограничений поведения (нормы, возможности и т.д.). Однако существует положительная корреляция между установками и поведением, что позволяет использовать общую концепцию индивидуальных стратегий (Берри, 2007).

Наше исследование проводилось в центральной России (г. Москва), Кабардино-Балкарии и Чечне, поэтому рассмотрим характеристики межкультурного взаимодействия в этих регионах.

Характеристика межкультурного взаимодействия в Москве, Кабардино-Балкарской и Чеченской республиках

Город Москва характеризуется высокой степенью поликультурности, образованной как коренным, так и прибывшим в результате интенсивных миграций населением. Москва всегда была центром притяжения миграционных потоков (не случайно ее населяют люди более 150 национальностей), но такого миграционного «бума», который наблюдается в последнее десятилетие, ее история не знала. Этнические группы, проживающие в данном регионе, значительно отличаются между собой своими этнокультурными нормами, ценностями, традициями, т.е. имеют значительную культурную дистанцию. С нашей точки зрения, анализ результатов эмпирического исследования будет неполным, если не рассмотреть реальную обстановку, складывающуюся в настоя-

щее время в сфере межкультурного взаимодействия в данном регионе. Поэтому, прежде чем переходить к обсуждению результатов исследования, необходимо кратко охарактеризовать этнополитическую ситуацию в Москве, городе, в котором проводился опрос.

Обстановка в сфере межэтнических отношений в Москве относится к категории «проблемных», для которых характерна возможность межэтнических столкновений. Массовое прибытие в Москву инокультурного населения, наряду с позитивными моментами (приток капиталов, трудовых ресурсов), вызывает и ряд острых проблем, иногда взрывоопасных, в разных сферах жизни городского сообщества, в том числе связанных со сложностями взаимоотношений людей разных национальностей, отличающихся особенностями языка, культуры, образа жизни, психологии и т.п. Кардинальные перемены в социально-экономических и этнополитических условиях жизни различных регионов бывшего СССР в постсоветский период значительно обострили проблемы миграции населения и адаптации его на новых местах жительства. За последние годы на территории бывшего СССР миграционный поток существенно расширился, изменились его направления. Но, как и прежде, особенно привлекательными для мигрантов остаются крупные города, среди которых одно из первых мест занимает Москва.

Москва – это город с уникальными политическими, социально-экономическими и культурными условиями, в котором наиболее активно осуществляется реформирование во многих сферах общественной жизни. Оставаясь в основном русским городом (по данным переписи населения 2002 года русские составляли в нем около 85 % населения), Москва, как уже указывалось выше, одновременно является и огромным полиэтничным мегаполисом, издавна заселенным представителями разных национальностей. До сих пор в московской топонимике сохраняются некоторые старинные немецкие, татарские, армянские, грузинские и другие названия,

свидетельствующие, в том числе и о долгой совместной мирной жизни в Москве людей разной национальной принадлежности.

Распад Советского Союза в начале 90-х годов дал сильный дополнительный импульс к увеличению многонациональности столицы России. Массы мигрантов из бывших братских республик устремились из своих новых стран, оказавшихся в тяжелом экономическом и социальном кризисе, в более благополучный в экономическом отношении город с быстро развивающимися рыночными структурами, с широкими возможностями для предпринимательской деятельности (в самых разных ее проявлениях), и с более высоким уровнем жизни местного населения. Почти то же самое можно сказать о мигрантах, прибывающих из различных субъектов РФ. Итак, положение Москвы как столицы Российской Федерации сопряжено с активной миграцией, которая приводит к изменению этнического состава населения, о чем свидетельствуют данные всероссийской переписи населения за 2002 год.

Таблица 1
Национальный состав населения Москвы

Народы	По итогам переписи 1989 г.	По итогам переписи 2002 г.
	Кол-во человек	Кол-во человек
Русские	7963246	8808009
Украинцы	252670	253644
Татары	157376	166083
Армяне	43989	124425
Азербайджанцы	20727	95563
Евреи	174728	79359
Белорусы	73005	59353

Продолжение таблицы 1

Народы	По итогам переписи 1989 г.	
	Кол-во человек	Кол-во человек
Грузины	19608	54387
Таджики	2893	35385
Чеченцы	2101	14465
Карачаевцы	624	823
Балкарцы	309	354
Другие	263125	705369
Всего	8972900	10382754

(Источник: данные с сайта <http://www.perepis2002.ru>)

Поскольку участниками нашего исследования являлись чеченцы, балкарцы и русские, переехавшие в КБР, необходимо немного затронуть этнополитическую ситуацию в Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках.

Современная этнополитическая ситуация в Чеченской Республике определяется многими взаимосвязанными и взаимодействующими факторами, в которых доминирующая роль отводится прошлому и настоящему чеченского народа, его национальному самосознанию. В силу стечения обстоятельств и взаимодействия целого комплекса объективных и субъективных факторов республиканского и федерального уровня в конце XX в. многонациональный народ Чеченской Республики был насильно выведен из экономического, политико-правового и информационного поля России. Он стал жертвой широкомасштабных военных действий, унесших тысячи жизней, подвергших почти полному уничтожению экономику и социальную инфраструктуру республики, лишивших сотни тысяч граждан жилья и имущества, вынудив многих переселиться в другие регионы России, ближнее и дальнее зарубежье. Одним из тяжелых последствий вооруженного конфликта и предшествовавших ему процессов, свя-

занных с политикой сепаратистов, явилось резкое нарушение исторически сложившейся национальной структуры населения республики, утрата его полнокровной полиэтничности. Если в 1989 году в ЧИАССР проживали 734 тысячи чеченцев, 163,8 тысяч ингушей, 294 тысячи русских, более 60 тысяч русскоязычных (армян, украинцев, кумыков, ногайцев, аварцев и др.), то, по переписи 2002 года, общая численность населения Чеченской Республики составляет 1 млн. 103,7 тыс. человек, из них: 1 млн. 31, 6 тыс. чеченцев, 40,6 тыс. русских и 31,4 тыс. русскоязычные (Источник: данные с сайта <http://chechnya.gov.ru>)

Важную роль в развитии этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии играет полиэтничность республики. На территории Кабардино-Балкарии проживает более 20 основных национальностей. В этническом составе населения на титульные этносы приходится более 2/3 жителей – 67 %, при этом кабардинцы многочисленнее балкарцев (55 и 12 % соответственно). Кабардинцы и балкарцы получили единую экстерриториальную автономию в советское время, хотя и не являются родственными народами, т.к. принадлежат к различным языковым группам (соответственно адыго-абхазской и тюркской). Кабардинцы (самоназвание – «адыге») – коренное население КБР, по последней переписи их насчитывалось 499 тыс. чел. Балкарцы (самоназвание – «таулула») в пределах территории КБР имеют численность примерно 105 тыс. чел. Второй по численности этнос – русские (25 %). В республике проживают также украинцы, азербайджанцы, армяне, чеченцы, белорусы, грузины, осетины, армяне, таты и др.

Таблица 2

Национальный состав Кабардино-Балкарии

Народы	По итогам переписи 1989 г.	По итогам переписи 2002 г.
	Кол-во человек	Кол-во человек
Кабардинцы	363494	498702
Балкарцы	70793	104951
Русские	240750	226620
Осетины	9996	9845
Турки	4162	8770
Украинцы	12856	7592
Армяне	3512	5342
Другие	14342	11591
Всего	753531	901494

(Источник: данные с сайта <http://www.kbr-invest.ru>)

Цель исследования – изучение взаимосвязи стратегий адаптации трудовых мигрантов с их психологическим благополучием и психологической адаптацией.

Объект исследования – психологическое благополучие мигрантов.

Предмет исследования – взаимосвязь стратегий адаптации трудовых мигрантов с их психологическим благополучием и психологической адаптацией.

Теоретическая гипотеза исследования: стратегии аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация), предпочитаемые группой мигрантов, имеют различный характер взаимосвязи с психологическим благополучием и психологической адаптацией.

Методика исследования

Участники исследования: 236 респондентов; из них 50 – представителей чеченской культуры, 100 – представителей балкарской культуры, проживающих и работающих в Москве и 86 – русских мигрантов, переехавших жить и работать в Кабардино-Балкарскую республику (табл. 3).

Таблица 3

Состав выборки

Этническая группа	Кол-во респондентов	Возраст (среднее)	σ
Чеченцы, г. Москва	50	35 лет	11 лет
Балкарцы, г. Москва	100	30 лет	12 лет
Русские, КБР	86	36 лет	13 лет
N	236	30 лет	11 лет

Процедура исследования: Участникам предъявлялся для заполнения опросник Дж. Берри (см. статью «Методология и методика исследования аккультурации и межкультурного взаимодействия» в данном сборнике), в который входил набор методик, позволяющих оценить культурно–специфические, социокультурные и социально–психологические характеристики респондентов, а также их установки по отношению к психологическому здоровью и психологическому благополучию. В данной статье рассматриваются результаты, выполненные с помощью следующих ниже представленных методик, входящих в опросник.

1. Шкалы для измерения этнической, гражданской идентичности:

Шкала для измерения этнической идентичности включала в себя 8 пунктов (из них 2 обратных и 6 прямых). Оценивались выраженность и позитивность этнической самоидентификации с помощью следующих вопросов «Я ощущаю себя частью карачаево-балкарской культуры (чеченской или русской)», «Я горжусь тем, что я балкарец (чеченец или русский)» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

Шкала для измерения гражданской идентичности включала в себя 4 пункта (все прямые). В этом случае оценивались выраженность и позитивность гражданской (русской) самоидентификации с помощью следующих вопросов «Я чувствую себя частью российской культуры», «Я счастлив, быть россиянином» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

2. Шкалы для измерения установок на аккультурацию:

Шкала для измерения установки на сепарацию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы как: «Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только балкарцы (чеченцы или русские)», «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только балкарцев (чеченцев или русских)» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

Шкала для измерения установки на маргинализацию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы как: «Для меня не важно владеть в совершенстве ни карачаево-балкарским, ни русским языками (ни чеченским)», «Я предпочитаю не иметь ни балкарских, ни русских друзей (ни чеченских)» и др. Оценка проводилась с помощью пяти-

балльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

Шкала для измерения установки на интеграцию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы как: «Для меня важно владеть в совершенстве и карачаево-балкарским, и русским языками (чеченским)», «Я считаю, что балкарцы (чеченцы), живущие в России, должны как придерживаться собственных культурных традиций, так и усваивать русские традиции» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

Шкала для измерения установки на ассимиляцию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы как: «Я предпочитаю виды деятельности, в которые включены только русские», «Владеть в совершенстве русским языком для меня важнее, чем карачаево-балкарским (чеченским)» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

3. Шкала для измерения удовлетворенности собой включала в себя 10 пунктов (из них 5 обратных и 5 прямых). Пример прямого пункта: «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей», пример обратного пункта: «Я чувствую, что мне особо нечем гордиться». Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

4. Шкала для измерения удовлетворенности жизнью включала в себя 4 пункта. Например, «Во многом, моя жизнь близка к идеалу». Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен».

5. Шкалы для измерения психологических проблем:

Шкала для измерения уровня депрессии включала в себя 8 пунктов. Например, такие как: «Я чувствую усталость», «Я чувствую себя одиноким, даже рядом с другими

людьми». Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «никогда» до 5 – «всегда».

Шкала для измерения уровня тревоги включала в себя 7 пунктов. Например, такие как: «Я напряжен и взвинчен», «Я беспокоюсь о том, что со мной может случиться что-то плохое». Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «никогда» до 5 – «всегда».

6. Шкала для измерения социокультурной дезадаптации включала в себя 20 пунктов. Например, такие как: «Иметь дело с представителями власти», «Находить жилье», «Соблюдать свою религию» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «никаких трудностей» до 5 – «чрезвычайные трудности». То есть фактически данная шкала позволяла оценить *уровень трудностей* в адаптации респондента.

Переменные, использованные в исследовании:

Независимые переменные:

- Выраженность этнической идентичности.
- Позитивность этнической идентичности.
- Выраженность гражданской идентичности.
- Позитивность гражданской идентичности.
- Установка на сепарацию.
- Установка на маргинализацию.
- Установка на ассимиляцию.
- Установка на интеграцию.

Зависимые переменные:

- Удовлетворенность собой.
- Удовлетворенность жизнью.
- Тревожность.
- Депрессия.
- Социокультурная дезадаптация.

Способы обработки данных. Для выявления значимых различий между средними показателями в группах использовался t-критерий Стьюдента. Для выявления взаимо-

связей использовался множественный и пошаговый (step-wise) регрессионный анализ. Для обработки данных был использован стандартный пакет SPSS 12.0 for Windows.

Результаты исследования социально-психологической адаптации мигрантов в г. Москве и Кабардино-Балкарской республике

Рассмотрим средние значения по всем описанным выше переменным у всех групп мигрантов – чеченцы и балкарцы в Москве и русские, прибывшие в КБР.

Таблица 4

Средние значения шкал

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Выраженность этнической идентичности	4,7	0,5
Позитивность этнической идентичности	4,6	0,5
Выраженность гражданской идентичности	4,3	0,8
Позитивность гражданской идентичности	3,9	1,2
Стратегия сепарации	2,9	0,9
Стратегия маргинализации	1,7	0,7
Стратегия интеграции	4,0	0,7
Стратегия ассимиляции	1,7	0,7
Мультикультурализм	3,6	0,5
Этническая толерантность	3,5	0,7
Установки на социальное равенство	3,7	0,7
Удовлетворенность собой	3,9	0,6
Удовлетворенность жизнью	3,4	0,9
Депрессия	1,9	0,7
Тревожность	2,0	0,8
Уровень социокультурной дезадаптации	2,1	0,7

Исходя из данных, приведенных в таблице, можно сказать, что респонденты-мигранты имеют позитивную и ясную идентичность, стратегия интеграции наиболее предпочитаема респондентами, стратегия сепарации находится на среднем уровне, а стратегии маргинализации и ассимиляции практически не предпочитаются респондентами данной выборки. Ориентация на идеологию мультикультурализма, этническая толерантность, установки на социальное равенство выше среднего значения, то есть доминируют у респондентов данных выборок. Удовлетворенность собой и удовлетворенность жизнью выше среднего; депрессия, тревожность и социокультурная адаптация ниже среднего по шкале, что в целом свидетельствует о хорошей психологической и социокультурной адаптации респондентов.

С целью сравнения были произведены расчеты средних показателей для группы чеченских мигрантов и группы балкарских мигрантов по отдельности. Затем с использованием статистического критерия Стьюдента была проведена проверка данных по средним показателям на наличие значимых различий между этими группами. В приведенных ниже таблицах представлены значения средних, между которыми обнаружены статистически значимые различия.

Таблица 5

Различия в предпочтении стратегий адаптации и показателей психологического здоровья чеченских и балкарских мигрантов в Москве

Переменные	Чеченцы	Балкарцы
Стратегия сепарации	3,7***	2,9***
Стратегия маргинализации	1,6*	1,4*
Депрессия	2,4***	1,8***
Тревожность	2,4***	2,0***

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Согласно полученным данным у мигрантов из Чечни статистически значимо выше частота предпочтения стратегии сепарации, но одновременно и выше уровень депрессии и тревожности. Предпочтение стратегии маргинализации выше у представителей чеченской культуры, чем у представителей балкарской культуры.

Далее были рассмотрены статистически значимые различия между чеченскими и русскими мигрантами (табл.6).

Таблица 6

Различия в показателях характеристик идентичности, в предпочтении стратегий адаптации, в показателях психологического здоровья и социокультурной дезадаптации у чеченских и русских мигрантов

Переменные	Чеченцы в Москве	Русские в КБР
Выраженность гражданской идентичности	3,9***	4,1***
Позитивность гражданской идентичности	3,3***	3,6***
Стратегия сепарации	3,7***	2,9***
Стратегия маргинализации	1,6*	1,4*
Депрессия	2,4***	1,8***
Тревожность	2,4***	2,0***
Социокультурная дезадаптация	2,3*	2,1*

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Из данных, приведенных в таблице, видно, что респонденты имеют вполне определенную ясную и позитивную гражданскую идентичность, однако у русских, переехавших в КБР выраженность и позитивность гражданской идентичности выше, одновременно с этим в русской выборке и ниже уровень депрессии, тревожности и социокультурной дезадаптации, чем в чеченской. Предпочтение стратегии сепарации выше в чеченской выборке.

Наконец были рассмотрены статистически значимые различия в показателях характеристик идентичности, в предпочтении стратегий адаптации, в показателях психологического здоровья и психологического благополучия между группами мигрантов балкарцев в г. Москве и русских в КБР.

Таблица 7

Различия в показателях характеристик идентичности, в предпочтении стратегий адаптации, в показателях психологического здоровья и психологического благополучия у балкарских и русских мигрантов

Переменные	Балкарцы в Москве	Русские в КБР
Позитивность этнической идентичности	4,7***	4,4***
Выраженность гражданской идентичности	4,1***	4,6***
Позитивность гражданской идентичности	3,6***	4,5***
Стратегия сепарации	2,9***	2,4***
Стратегия маргинализации	1,4***	2,0***
Удовлетворенность собой	4,0***	3,8***
Удовлетворенность жизнью	3,5**	3,2**
Тревожность	2,0*	1,8*

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Как видно из таблицы, позитивность этнической идентичности выше в балкарской выборке, одновременно и выше удовлетворенность собой и жизнью в данной выборке. А такие показатели характеристик гражданской идентичности как выраженность и позитивность выше в русской выборке. Предпочтение стратегии сепарации выше в балкарской выборке, одновременно и выше уровень тревожности. А

предпочтение стратегии маргинализации выше в русской выборке.

Далее, при помощи множественного регрессионного анализа оценивалась взаимосвязь стратегий аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией на общей выборке мигрантов.

Таблица 8

Связь аккультурационных стратегий с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией (N = 236)

Показатели психологич. благополучия, здоровья и социокультурной дезадаптации	Стратегии				R ²
	Стратегия интеграции β	Стратегия маргинализации β	Стратегия сепарации β	Стратегия ассимиляции β	
Удовлетворенность собой		-.26**		-.17*	.07
Удовлетворенность жизнью		-.23***			.04
Депрессия				.30***	.09
Тревожность				.30***	.09
Уровень социокультурной дезадаптации				.30***	.09

Примечание: *p < 0.05; **p < 0.01; ***p < 0.001;
β – стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; R² – доля дисперсии.

У мигрантов стратегия маргинализации негативно связана с удовлетворенностью собой и удовлетворенностью жизнью. Стратегия ассимиляции негативно связана с удовле-

творенностью собой и положительно связана с уровнем депрессии, уровнем тревожности и социокультурной дезадаптацией.

Далее представлены результаты множественного регрессионного анализа ответов каждой группы мигрантов по отдельности для выявления культурно-специфических взаимосвязей. Так, ниже представлена взаимосвязь стратегий аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией на чеченской выборке.

Таблица 9

Связь аккультурационных стратегий с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией в чеченской выборке (N = 50)

Показатели психологич. благополучия, здоровья и социокультурной дезадаптации	Стратегии				R ²
	Стратегия интеграции β	Стратегия маргинализации β	Стратегия сепарации β	Стратегия ассимиляции β	
Удовлетворенность собой			.33*		.07
Удовлетворенность жизнью				-.43***	.20
Депрессия				.32*	.10
Тревожность				.70***	.10
Уровень социокультурной дезадаптации		.54***			.09

Примечание: *p < 0.05; **p < 0.01; ***p < 0.001;
β – стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; R² – доля дисперсии.

У мигрантов из Чечни стратегия сепарации положительно связана с удовлетворенностью собой. Стратегия ассимиляции негативно связана с удовлетворенностью жизнью и положительно связана с уровнем депрессии и уровнем тревожности. Стратегия маргинализации положительно связана с уровнем социокультурной дезадаптации.

Далее представлена взаимосвязь стратегий аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией на балкарской выборке.

Таблица 10

Связь аккультурационных стратегий с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией в балкарской выборке (N = 100)

Показатели психологич. благополучия, здоровья и социокультурной дезадаптации	Стратегии				R ²
	Стратегия интеграции β	Стратегия маргинализации β	Стратегия сепарации β	Стратегия ассимиляции β	
Удовлетворенность собой		-.40***		-.19*	.20
Депрессия		.34***		.40** *	.30
Тревожность		.28**		.37** *	.20
Уровень социокультурной дезадаптации		.22*		.39** *	.20

Примечание: *p < 0.05; **p < 0.01; ***p < 0.001;

β – стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; R² – доля дисперсии.

У балкарских мигрантов стратегия маргинализации и стратегия ассимиляции негативно связаны с удовлетворенностью собой, положительно с уровнем депрессии, уровнем тревожности и уровнем социокультурной дезадаптации.

Далее представлена взаимосвязь стратегий аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией на выборке русских в КБР.

Таблица 11

Связь аккультурационных стратегий с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией в русской выборке (N = 86)

Показатели психологич. благополучия, здоровья и социокультурной дезадаптации	Стратегии				R ²
	Стратегия интеграции β	Стратегия маргинализации β	Стратегия сепарации β	Стратегия ассимиляции β	
Удовлетворенность собой	.30**			-.34**	.20
Удовлетворенность жизнью				-.35***	.10
Депрессия		.26**			.05
Тревожность		.24**			.05

Примечание: *p < 0.05; **p < 0.01; ***p < 0.001;

β – стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; R² – доля дисперсии.

У русских мигрантов стратегия интеграции положительно связана с удовлетворенностью собой. Стратегия маргинализации связана положительно с такими показателями психологического здоровья как депрессия и тревожность. Стратегия ассимиляции негативно связана с удовлетворенностью с собой и удовлетворенностью жизнью.

Далее представлены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязи показателей характеристик этнической и гражданской идентичностей с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией у всех групп мигрантов.

Таблица 12

Связь выраженности и позитивности этнической и гражданской идентичности с показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией (вся выборка, N = 236)

Показатели психологич. благополучия, здоровья и социокультурной дезадаптации	Показатели характеристик этнической и гражданской идентичностей				R ²
	Выраженность этнической идентичности β	Позитивность этнической идентичности β	Выраженность гражданской идентичности β	Позитивность гражданской идентичности β	
Депрессия		-.17*			.03
Тревожность		-.15*		-.13*	.05
Уровень социокультурной дезадаптации		-.13*			.02

Примечание: * p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001;

β – стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; R² – доля дисперсии.

У мигрантов позитивность этнической идентичности негативно связана с депрессией, тревожностью и социокультурной дезадаптацией. Позитивность гражданской идентичности отрицательно связана с уровнем тревожности.

Теперь перейдем к обсуждению результатов исследования.

Обсуждение результатов исследования взаимосвязи стратегий адаптации трудовых мигрантов с их психологическим благополучием

В исследовании выявлены значимые различия в социокультурных и психологических характеристиках чеченских, балкарских и русских мигрантов, а также различия в показателях их психологического благополучия и здоровья.

В целом такие показатели характеристик идентичности как выраженность и позитивность этнической и гражданской идентичности в общей выборке мигрантов характеризуются вполне приемлемыми значениями.

В основном мигранты отдают свое предпочтение стратегии интеграции, затем по предпочтительности идет стратегия сепарации, что же касается стратегий ассимиляции и маргинализации, то они одинаково непопулярны среди мигрантов, как в Москве, так и в Кабардино-Балкарской республике.

В отношении психологического благополучия можно отметить, что мигранты испытывают удовлетворенность собой и удовлетворенность жизнью, но собой они удовлетворены в большей степени, чем жизнью, что и неудивительно для мигрантов. Жизненный уровень мигрантов часто бывает ниже по сравнению с жизненным уровнем принимающего населения. В отношении психологического здоровья можно констатировать, что уровень депрессии и уровень тревожности невысоки в общей выборке мигрантов. Также достаточно

высок уровень социокультурной адаптации, которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полноправном межличностном взаимодействии с ее членами.

Перейдем к более детальному анализу, а именно к рассмотрению различий в социально-психологических характеристиках чеченцев и балкарцев, переехавших в г. Москву, а также русских, переехавших жить и работать в Кабардино-Балкарскую республику.

Стратегии межкультурного взаимодействия являются центральным понятием и лежат в основе феномена этнических взаимоотношений и процесса аккультурации. Стратегия сепарации, которая характеризуется тем, что индивид стремится всячески поддерживать собственную традиционную культуру и избегает взаимоотношений с другими культурами, наиболее предпочитаема чеченскими мигрантами, чем балкарскими и русскими, но одновременно и хуже показатели психологического здоровья в данной выборке: выше уровень депрессии и тревожности (табл. 5, 6). Возможно такой расклад, является одним из последствий не так давно прошедшей войны в Чечне. Также, исходя из данных таблицы 7, видно, что представители балкарской культуры в Москве, гораздо чаще используют стратегию сепарации, чем русские, переехавшие в Кабардино-Балкарскую республику. Одновременно выше и уровень тревожности у представителей балкарской выборки, возможно, это объясняется более позитивной этнической идентичностью балкарских мигрантов, чем русских (табл. 7). Позитивность этнической идентичности может выражаться и в стремлении поддерживать только собственную культурную идентичность, а в условиях миграции это может также повышать уровень тревожности. Этническая идентичность у балкарцев позитивнее, чем у русских. Одним из объяснений может быть стремление к поиску ориентиров и стабильности в перенасыщенной информацией новой культурной среде, когда одним из таких ориентиров яв-

ляется этничность. Также значимости позитивности этнической идентичности способствует интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных (трудова миграция, студенческие обмены, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации от спутникового телевидения до сети Интернета (Стефаненко, 2007).

Самый низкий уровень депрессии и тревожности демонстрируют русские, переехавшие в Кабардино-Балкарскую республику, возможно, этому способствует социально-бытовая обустроенность, наличие собственного жилья, стабильной работы, наличие мест в детских садах и т.д. в то время как у чеченцев и балкарцев в г. Москве ситуация в социально-бытовой сфере противоположная. Но, между тем, исходя из данных таблицы 7, видно, что удовлетворенность собой и жизнью выше в балкарской выборке, чем в русской, возможно, потому что переезд в столицу у представителей балкарской культуры связан с возможностями самореализации, ведь Москва – это город с уникальными социально-экономическими, политическими и культурными условиями. Город более благополучный в экономическом отношении, с быстро развивающимися рыночными структурами, с широкими возможностями для предпринимательской деятельности (в самых разных ее проявлениях), для творческой деятельности и с более высоким уровнем жизни местного населения.

Обращает на себя внимание наиболее позитивная и ясная гражданская идентичность у русских мигрантов, чем у чеченских и балкарских (табл. 6, 7), наверняка это связано с тем, что у русских этническая (русская) и гражданская (российская) идентичности в определенной мере совпадают. Позитивная и сильная гражданская идентичность способна помочь в формировании конструктивного диалога общества с властью (Татарко, Лебедева, 2009).

Перейдем к рассмотрению доказательства одной из гипотез нашего исследования, которая гласит, что аккультурационные стратегии, используемые мигрантами взаимосвязаны с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией.

Регрессионный анализ показал, что стратегия **маргинализации** негативно связана с такими показателями психологического благополучия как **удовлетворенность собой** и **удовлетворенность жизнью**. Это говорит о том, что чем меньше выражена стратегия маргинализации у мигрантов, тем выше их удовлетворенность собой и жизнью. Большинство исследователей пришли к выводу, что стратегия маргинализации – самая дезадаптивная. Она заключается в том, что у группы нет стремления ни к поддержанию собственной культуры, ни к поддержанию отношений с принимающей культурой. Индивид, придерживающийся данной стратегии дезадаптивен, не знает каких ценностей и стандартов ему придерживаться в своем поведении, он недоумевает, в чем уникальность как его культуры, так и культуры принимающей стороны. В связи с этим его представления и отношение к себе и цели его существования также размыты, и такой человек менее удовлетворен собой и своей жизнью. Стратегия **ассимиляции** отрицательно связана с **удовлетворенностью собой**. Данная стратегия характеризуется тем, что мигранты не хотят поддерживать свою культурную и этническую идентичность и постоянно стремятся к контакту с представителями других культур. Поэтому обнаруженная связь может свидетельствовать о том, что потеря своих культурных «корней», своей этнической идентичности ведет к разрушению целостности Я-концепции, тем самым это отражается на неудовлетворенности собой. Важно заметить, что мы не получили негативной связи стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью на общей выборке мигрантов, то есть получается, что заключающееся в данной стратегии отречение от своей культуры и полное принятие культуры большинства

не несет в себе неудовлетворенности жизнью, как это происходит в случае использования стратегии маргинализации, которую, исходя из полученных результатов, по праву можно назвать самой дезадаптивной.

Также регрессионный анализ показал, что стратегия **ассимиляции** связана с показателями психологического здоровья: **депрессией и тревожностью**. Обнаруженные прямые связи говорят о том, что чем больше выражена стратегия ассимиляции, тем больше уровень депрессии и тревожности, то есть тем хуже показатели психологического здоровья. Такое положение дел в очередной раз ставит под сомнение позицию тех ученых, которые придерживаются ассимиляционистских моделей. И Берри, и Бокнер единодушны в том, что успешная адаптация представляет собой не ассимиляцию с чужой культурой (Стефаненко, 2007), обнаруженная нами связь данной стратегии с ухудшающимися показателями психологического здоровья, является подтверждением данной позиции. Также эта аккультурационная стратегия связана с **социокультурной дезадаптацией**. Обнаруженная прямая связь говорит о том, что чем больше выражена стратегия ассимиляции, тем больше социокультурная дезадаптация, то есть тем хуже внешнее взаимодействие индивида с новой средой (способность решать ежедневные социально-культурные проблемы в семье, в быту, на работе и т.д.) (Аусан, Вергу, 1994). Исходя из обнаруженных связей, можно предположить, что стратегия ассимиляции негативно сказывается на психологической адаптации, то есть на внутренней стороне процесса адаптации, но также отрицательно сказывается и на его внешней стороне, то есть на социокультурной адаптации.

Мы рассмотрели то, что касается взаимосвязи аккультурационных стратегий, используемых мигрантами с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией. Теперь же перейдем к более детальному анализу, рассмотрим проявление данной взаимосвязи во всех трех выборках мигрантов: че-

ченцев и балкарцев, переехавших в г. Москву, а также – русских, переехавших жить и работать в Кабардино-Балкарскую республику. Таким образом, попытаемся выявить культурно-специфические связи.

Итак, начнем с взаимосвязи аккультурационных стратегий, используемых представителями чеченской культуры с их психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной дезадаптацией.

В данной выборке стратегия **маргинализации** связана с **социокультурной дезадаптацией**. Как отмечалось выше, большинство исследователей пришли к выводу, что стратегия маргинализации – самая дезадаптивная. Обнаруженная нами прямая связь данной стратегии с социокультурной дезадаптацией является подтверждением данного вывода. Также обнаружена прямая связь между стратегией **сепарации** и **удовлетворенностью собой**. Это говорит о том, что мигранты, выбирающие стратегию сепарации, удовлетворены собой, вероятно из-за того, что выбором данной стратегии они сохраняют целостность своей Я-концепции. У мигрантов из Чечни также выявилась негативная связь стратегии **ассимиляции** с **удовлетворенностью жизнью**, возможно, потому, что данная стратегия таит в себе три опасности: возможность быть отвергнутым членами своей культурной группы; возможность быть отвергнутым членами группы большинства; вероятность испытать чрезмерный стресс при попытках одновременно приобрести новые паттерны поведения и избавиться от старых (Лебедева, 1997). Также регрессионный анализ показал на данной выборке, что мигранты, предпочитающие стратегию **ассимиляции**, более подвержены **депрессии** и **тревожности**.

Исследование взаимосвязи аккультурационных стратегий, используемых представителями балкарской культуры с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной адаптацией выявило в целом положительную взаимосвязь стратегий **ассимиля-**

ции и маргинализации с высоким уровнем депрессии, тревожности и социокультурной дезадаптацией, что в очередной раз подтверждает дезадаптивность данных стратегий. Недавние исследования показали, что наибольшую дискриминацию испытывают на себе индивиды, избравшие стратегию маргинализации (Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006). Также выбор этих стратегий не способствуют психологическому благополучию в данной выборке, а именно – **удовлетворенности собой**.

Исследование же взаимосвязи аккультурационных стратегий, используемых русскими, переехавшими в Кабардино-Балкарскую республику, с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной адаптацией выявило связь стратегии **интеграции** с удовлетворенностью собой. Вообще эта стратегия требует от недоминантной группы адаптации к основным ценностям доминирующего общества, а доминирующая группа должна быть готова адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп мультикультурного общества (Лебедева, 1997). Оптимальность выбора данной стратегии подтверждается исследованием Шмица, в котором говорится, что интеграция снижает вероятность невротических и психотических состояний (Schmitz, 1992).

Недавние исследования (Berry, 1997; Berry et al 2006a,b; Sam & Berry, 2006) показали, что когда индивид стремится к интеграции и добивается ее, тогда его психологическая и социокультурная адаптация, по сути, более позитивны, нежели в случае ассимиляции, сепарации или маргинализации. Такие индивиды склонны быть компетентными в обеих культурах. Более того, есть основания считать, что те, кто склонны использовать интеграционную стратегию, испытывают меньшую дискриминацию (Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006b). Существует статистическая взаимосвязь между использованием интегративной стратегии адаптации и общим благополучием: те, кто вовлечены в мир ценностей

обоих культур, имеют более высокое самоуважение и демонстрируют взаимные положительные отношения с другими членами своего общества.

Немаловажно обратить внимание на связь выраженности и позитивности этнической и гражданской идентичности с показателями психологического здоровья и социокультурной адаптацией. Позитивность этнической и гражданской идентичности отрицательно связаны с уровнем тревожности, таким образом, мигранты с позитивной этнической и гражданской идентичностью менее тревожны. Также позитивность этнической идентичности связана с низким уровнем депрессии. Психологически здоровый индивид всегда должен иметь четко определенную коллективную (этническую, культурную) идентичность. Такой индивид готов к осмысленному, позитивному взаимодействию с физической и социальной средой, а также способен взаимодействовать с изменяющимся и сложным современным миром (Taylor, 2002).

Также позитивная этническая идентичность связана с социокультурной адаптацией. Обнаруженная связь оказалась отрицательной, что свидетельствует о том, что чем меньше выражена позитивность этнической идентичности, тем выше социокультурная дезадаптация. Можно предположить, что позитивная этническая идентичность способствует уменьшению уровня депрессии и тревожности у мигрантов, и способствует социокультурной адаптации.

Выводы

1. На общей выборке мигрантов обнаружилось, что в основном мигранты отдают свое предпочтение стратегии интеграции.

2. Результаты исследования различий в социально-психологических характеристиках чеченцев и балкарцев, переехавших в г. Москву, а также русских, переехавших жить и работать в Кабардино-Балкарскую республику, показали, что

в настоящее время стратегия сепарации наиболее предпочитаема чеченскими мигрантами, чем балкарскими и русскими, но одновременно в данной выборке хуже показатели психологического здоровья: у чеченцев выше уровень депрессии и тревожности, чем у русских и балкарцев.

3. Выяснилось, что представители балкарской культуры в г. Москве, гораздо чаще используют стратегию сепарации, чем русские переехавшие в Кабардино-Балкарскую республику, одновременно уровень тревожности выше в балкарской выборке. Самый низкий уровень депрессии и тревожности демонстрируют русские, переехавшие в Кабардино-Балкарскую республику.

4. Удовлетворенность собой и жизнью выше в балкарской выборке, чем в русской, возможно, это потому что переезд в столицу у представителей балкарской культуры связан с возможностями в самореализации, также этому может способствовать и более позитивная этническая идентичность.

5. С помощью регрессионного анализа выявлены взаимосвязи аккультурационных стратегий мигрантов с их психологическим благополучием, психологическим здоровьем и социокультурной адаптацией.

5.1. Мигранты, предпочитающие стратегию маргинализации, менее удовлетворены собой и жизнью, одновременно обнаружилось, что стратегия ассимиляции негативно сказывается на психологическом благополучии, а именно - на удовлетворенности собой и психологическом здоровье: повышается уровень депрессии, тревожности, а также отрицательно сказывается и на внешней стороне процесса адаптации, то есть на социокультурной адаптации.

5.2. Мигранты из Чечни в г. Москве выбирающие стратегию сепарации более удовлетворены собой, вероятно, из-за того, что выбором данной стратегии они сохраняют целостность своей Я-концепции, а чеченцы, предпочитающие

стратегию ассимиляции, более подвержены депрессии, тревожности и менее удовлетворены жизнью.

5.3. У представителей балкарской культуры выявлена положительная взаимосвязь стратегий ассимиляции и маргинализации с высоким уровнем депрессии, тревожности и социокультурной дезадаптацией, также данные стратегии не способствуют психологическому благополучию, а именно, удовлетворенности собой.

5.4. В русской выборке выявлено, что мигранты, предпочитающие стратегию интеграции, более удовлетворены собой.

6. Выяснилось, что позитивная этническая идентичность способствует уменьшению уровня депрессии и тревожности у мигрантов, и способствует социокультурной адаптации.

Литература

1. *Берри Дж., Пуртинг Айн Х., Сигалл Маршалл Х., Дасен Пьер Р.* Кросскультурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.
2. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во «Старый сад», 1997.
3. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М., 2007.
4. *Татарко А.Н.* Взаимосвязь психологических стратегий межкультурного взаимодействия и этнической идентичности. Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004.
5. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования: Монография. – М.: РУДН, 2009.

6. Уорд К. Албука аккультурацн // Психология и культура/Под ред. Д. Мацумото. – СПб., 2003. – С. 657–709.
7. Aycan Z. & Berry J.W. The influences of economic adjustment of immigrants on their psychological wellbeing and adaptation. Paper presented at the Twelfth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. – Pamplona, Spain, 1994
8. Berry J.W. Acculturative Stress // Psychology and Culture / Ed. by. W.J. Lonner, R.S. Malpass. – N.Y., 1994.
9. Berry J.W., Sam D. Acculturation and adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Vol. 3. Social behaviour and applications / Ed. by. J.W. Berry, M.H. Segall, Kagitcbasi. – Boston: Allyn & Bacon, 1997.
10. Berry J.W. Phinney J.S., Sam D.L. & Vedder P. (Eds.) (2006a). Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
11. Berry J.W. Phinney J.S., Sam D.L. & Vedder P. (Eds.) (2006b). Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 55.
12. Sam D.L. & Berry J.W. (Eds). The Cambridge handbook of acculturation psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
13. Schmitz P.G. Immigrant mental and physical health. Psychology and Developing Societies, 4. 1992.
14. Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Praeger, 2002.
15. www.perepis2002.ru
16. www.chechnya.gov.ru

**Социально-психологические факторы этнической
толерантности мигрантов и принимающего населения
в Пензе и Ставропольском крае¹**

Современное общество — это сложная динамичная система. Одной из доминирующих тенденций изменения общественных отношений должно быть совершенствование отношений мигрантов и принимающего населения. Миграция является одной из важнейших проблем многих современных обществ и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни. Миграции сыграли значительную роль в истории человечества, с ними связаны процессы заселения, хозяйственного освоения земель, развития производительных сил, образования и смешения рас, языков и народов.

Миграция имеет разнообразные аспекты: характер, структуру, последствия, которые она вызывает. Проблемы миграции исследует ряд наук — демография, экономика, социология, статистика, этнография. Современное рассмотрение проблемы миграции актуально по следующим обстоятельствам: общественные перемены последнего десятилетия кардинально изменили политическую и социальную ситуацию на постсоветском пространстве, и миллионы людей стали вынужденными мигрантами. В отличие от развитых стран, переживших миграционный бум, таких, как Канада, США, страны Западной Европы, Россия столкнулась с интенсивными миграционными потоками в условиях, когда ее

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг.(№ 08-04-0007)

экономика была в трудном и нестабильном состоянии. Экономические факторы, безусловно, оказывали негативное воздействие, как на адаптацию мигрантов, так и на отношение к мигрантам принимающего населения.

Таким образом, главная проблема представленного ниже исследования состоит в изучении отношений между принимающим населением и мигрантами в различных регионах России.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости анализа миграции с учетом ее целей, задач и содержания в конкретных регионах Российской Федерации и степени ее воздействия на другие сферы общественных отношений, а также в необходимости научного осмысления и понимания отношений между самими мигрантами, а также между мигрантами и местным населением.

Последствия миграции проявляются в различных сферах: политической, социальной, экономической и других. Более того, эти последствия имеют и позитивный, и негативный характер, становясь, временами, источником конфликтов.

Применительно к библиографии, посвященной проблеме миграции, можно отметить следующее. С начала 90-х годов вышло много специализированных работ, посвященных данной проблематике, отражавших кардинальные социальные и политические изменения, которые имели место до и после распада Советского Союза. В научных работах последнего десятилетия значительное место также было уделено проблеме социокультурной адаптации в инокультурной среде. Кроме того, проблема миграции широко освещается и в периодической литературе.

Цель исследования – изучение социально-психологических факторов этнической толерантности мигрантов и принимающего населения в Пензе и Ставропольском крае.

Объект исследования – взаимные межгрупповые установивки мигрантов и принимающего населения.

Предмет исследования – социально-психологические факторы этнической толерантности мигрантов и принимающего населения

Нами была выдвинута следующая **гипотеза**: этническая толерантность мигрантов и принимающего населения связаны с позитивностью их идентичности, с ощущением безопасности и с поддержанием мультикультурной идеологии.

Частные гипотезы:

1. Существуют различия между мигрантами и русскими (принимающим населением) в уровне этнической толерантности, ощущении безопасности, позитивности и выраженности гражданской идентичности.
2. Выраженность мультикультурной идеологии и ощущение безопасности (культурной, физической, экономической) в группах мигрантов и принимающего населения связаны с толерантными межэтническими установками.
3. У мигрантов (в отличие от принимающего населения) позитивность гражданской идентичности связана с толерантными межэтническими установками.

Теоретико-методологической базой исследования явились следующие научные направления и теории:

- теория социальной идентичности А. Теджфела и Дж. Тернера;
- теория аккультурации Дж. Берри;
- теория воспринимаемой угрозы У. и К. Стефанов.

Методика исследования

Участники исследования: 374 респондента; из них 35 русских и 33 армянина (Пенза), 184 русских и 122 армянина (Ставропольский край) (табл. 1).

Таблица 1

Состав выборки

Группы	Кол-во респондентов	Возраст	Пол, чел.
Русские	219	$Me = 37$	Муж. – 62 Жен. – 157
Армяне	155	$Me = 38$	Муж. – 68 Жен. – 87

Инструментарий и процедура опроса. Респондентам предлагалось заполнить анкету, которая содержала разработанные в соответствии с целями исследования шкалы и методики Дж. Берри. Ниже дается краткое описание показателей и основных методик, использованных в исследовании.

Процедура исследования. Участникам предъявлялась для заполнения анкета (Приложение 1), в которую входил набор методик, позволяющих оценить аккультурацию и адаптацию респондентов, а также их установки по отношению к мигрантам, к принимающему населению. Бланки анкеты предъявлялись исследователем очно группе респондентов (15-20 человек), и каждый респондент заполнял анкету индивидуально. Таким образом, порядок предъявления методик для обеих выборок был одинаковым.

В исследовании использованы нижепредставленные шкалы опросника.

1. Шкала выраженности мультикультурной идеологии. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,50$.

2. Шкала воспринимаемой дискриминации. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,75$.

3. Шкала этнической толерантности. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,63$.

4. Шкала мигрантофобии Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,77$.

5. Шкала оценки интегральной безопасности, которая состоит из 3-х субшкал:

- культурная безопасность;
- экономическая безопасность;
- физическая безопасность.

Важно заметить, что данная шкала «обратная» – то есть, чем выше по ней балл, тем ниже субъективно ощущаемая безопасность у респондента.

6. Выраженность этнической идентичности. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,70$.

7. Позитивность этнической идентичности. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,40$.

8. Выраженность гражданской (русской) идентичности. Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,72$.

9. Позитивность гражданской (русской) идентичности Надежность–согласованность шкалы $\alpha = 0,85$.

Обработка данных осуществлялась при помощи статпакета SPSS 12.0. Достоверность различий между группами определялась при помощи t-критерия Стьюдента. Для определения взаимосвязей подсчитывался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования социально-психологических факторов этнической толерантности мигрантов и принимающего населения

В результате обработки данных, были получены достоверные различия в показателях у русских и мигрантов в г. Пензе (табл. 2). В таблице 2 можно видеть, что у русских и армян, проживающих в Пензе, существуют достоверные различия в следующих показателях: этническая толерантность, физическая безопасность, интегральная безопас-

ность, выраженность гражданской (русской) идентичности.

Позитивность и выраженность гражданской (русской) идентичности у русских выше, чем у армян. Этническая толерантность, физическая безопасность, интегральная безопасность у армян выше, чем у русских. Вероятно, это связано с тем, что армяне, как инокультурные мигранты, испытывают несколько большую тревожность в новой среде, опасаются за свою физическую безопасность. Их толерантность – своего рода психологическая компенсация, стремление встроиться в новую культурную среду.

Таблица 2

Достоверные различия в показателях у русских
и мигрантов (Пенза)

Группы	Русские		Армяне	
	М	σ	М	σ
Выраженность мультикультурной идеологии	3,65	1,14	3,78	0,43
Воспринимаемая угроза /дискриминация			1,72	0,53
Этническая толерантность	3,40**	0,78	3,91**	0,70
Мигрантофобия	3,16	0,85		
Культурная безопасность	3,00	0,66	3,08	0,54
Экономическая безопасность	2,76	0,68	2,96	0,51
Физическая безопасность	2,45*	0,80	2,81*	0,62
Интегральная безопасность	2,70*	0,47	2,95*	0,35
Позитивность этнической идентичности	4,41	0,66	4,46	0,51
Позитивность гражданской (русской) идентичности	4,08	0,78	3,82	0,77

Продолжение таблицы 2

Группы	Русские		Армяне	
	М	σ	М	σ
Переменные				
Выраженность гражданской (российской) идентичности	4,64*	0,62	4,30*	0,48
Выраженность этнической идентичности	4,67	0,69	4,39	0,54

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; σ – стандартное отклонение

Также были получены достоверные различия в показателях у русских и мигрантов в Ставропольском крае (табл. 3). В таблице 3 можно видеть, что у респондентов Ставропольского края существуют достоверные различия в следующих показателях: выраженность мультикультурной идеологии, этническая толерантность, мигрантофобия, экономическая безопасность, физическая безопасность, интегральная безопасность, позитивность гражданской (российской) идентичности, выраженность гражданской (российской) идентичности, выраженность этнической идентичности. Результаты, представленные в таблице 3, указывают на то, что выраженность этнической идентичности, позитивность и выраженность гражданской (российской) идентичности у русских статистически значимо выше, чем у армян. Этническая толерантность, экономическая безопасность, физическая безопасность, интегральная безопасность у армян статистически значимо выше, чем у русских.

Таблица 3

Достоверные различия в показателях у русских и мигрантов
(Ставропольский край)

Группы Переменные	Русские		Армяне	
	М	σ	М	σ
Выраженность мультикультурной идеологии	3,50***	0,57	3,28***	0,53
Этническая толерантность	3,34*	0,79	3,53*	0,70
Культурная безопасность	3,07	0,54	3,16	0,50
Экономическая безопасность	2,56***	0,68	2,96***	0,62
Физическая безопасность	2,49***	0,68	2,83***	0,63
Интегральная безопасность	2,71***	0,43	2,99***	0,34
Позитивность этнической идентичности	4,47	0,69	4,34	0,63
Позитивность гражданской (российской) идентичности	4,41***	0,83	3,72***	1,04
Выраженность гражданской (российской) идентичности	4,69***	0,52	4,34***	0,73
Выраженность этнической идентичности	4,67***	0,68	4,33***	0,82

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;

М – среднее; σ – стандартное отклонение

Далее, для выявления универсальных различий по обоим регионам, русские и мигранты по двум регионам были объединены в две группы – принимающего населения (русских) и мигрантов (армян). Эти две группы были сопоставлены по всем показателям. В результате были получены достоверные различия в показателях у принимающего населения (русских) и мигрантов (армян) по 2 регионам (табл. 4). Выраженность мультикультурной идеологии, позитивность и выраженность гражданской (российской) идентичности у

русских выше, чем у армян. Этническая толерантность, экономическая безопасность, физическая безопасность, интегральная безопасность у армян выше, чем у русских.

Таблица 4

Достоверные различия в показателях у принимающего населения (русских) и мигрантов (армян) в двух регионах

Группы Переменные	Русские		Армяне	
	М	σ	М	σ
Выраженность мультикультурной идеологии	3,6*	,70	3,4*	,55
Воспринимаемая угроза/ дискриминация			2,2	,86
Этническая толерантность	3,4**	,78	3,6**	,72
Мигрантофобия	3,3	,77		
Культурная безопасность	3,1	,56	3,2	,50
Экономическая безопасность	2,6***	,68	3,0***	,59
Физическая безопасность	2,5***	,70	2,8***	,63
Интегральная безопасность	2,7***	,44	3,0***	,34
Позитивность этнической идентичности	4,5	,69	4,4	,60
Позитивность гражданской (российской) идентичности	4,4***	,83	3,7***	,73
Выраженность гражданской (российской) идентичности	4,7***	,54	4,3***	,68
Выраженность этнической идентичности	4,7	,67	4,6	,99

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$;
 М – среднее ; σ – стандартное отклонение

Далее оценивалась взаимосвязь показателей толерантности с другими социально-психологическими показателями групп, принимавших участие в исследовании.

Результаты корреляционного анализа эмпирических данных русских приведены в таблице 5. Как видно из таблицы, этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии. Показатель мигрантофобии у русских Пензы отрицательно связан с выраженностью мультикультурной идеологии и с интегральной безопасностью.

Таблица 5

Корреляционный анализ показателей русских (Пенза)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Интегральная безопасность
Этническая толерантность	,75**	
Мигрантофобия	-,56**	-,44*

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

Сходные данные получены по русским Ставропольского края (табл. 6). Как видно из таблицы, этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии. Показатель мигрантофобии у русских отрицательно связан с культурной безопасностью и с интегральной безопасностью.

Далее мы объединили русских двух регионов в одну группу и провели корреляционный анализ по этой группе (табл. 7). Как видно из таблицы, этническая толерантность русских положительно связана с выраженностью мульти-

культурной идеологии. Показатель мигрантофобии у русских отрицательно связан с выраженностью мультикультурной идеологии, с культурной безопасностью и с интегральной безопасностью. Мы полагаем, что данные связи могут носить универсальный характер у принимающего населения.

Таблица 6

Корреляционный анализ показателей русских
(Ставропольский край)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Культурная безопасность	Интегральная безопасность
Этническая толерантность	,42**		
Мигрантофобия		-,23*	-,23**

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

Таблица 7

Корреляционный анализ показателей русских
(общая выборка)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Культурная безопасность	Интегральная безопасность
Этническая толерантность	,44**		
Мигрантофобия	-,21**	-,26**	-,22**

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

Рассмотрим результаты корреляционного анализа эмпирических данных армян Пензы (табл. 8). Из таблицы видно, что у армян этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии и отрицательно – с одним из компонентов интегральной безопасности – физической безопасностью.

Таблица 8

Корреляционный анализ показателей армян (Пенза)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Физическая безопасность	Воспринимаемая дискриминация	Позитив. гражд. идентичности
Этническая толерантность	,49**	-,31*	,03	-,05

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

В таблице 9 можно видеть корреляционный анализ эмпирических данных армян, проживающих в Ставропольском крае. Корреляционный анализ показал, что у армян Ставропольского края этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии и отрицательно связана с воспринимаемой дискриминацией.

Далее мы объединили обе выборки армян и снова провели корреляционный анализ с целью выявления универсальных взаимосвязей, которые могут воспроизводиться у представителей одной этнической группы, проходящих адаптацию в различных регионах. В табл. 10 представлены результаты корреляционного анализа эмпирических данных общей выборки армян. Коэффициенты корреляции, приве-

денные в таблице, показывают, что у армян этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии и с позитивной гражданской идентичностью, и отрицательно – с физической безопасностью и с воспринимаемой дискриминацией.

Таблица 9

Корреляционный анализ показателей армян
(Ставропольский край)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Физическая безопасность	Воспринимаемая дискриминация	Позитив. гражд. идентичности
Этническая толерантность	,42**	,02	-,24*	,05

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

Таблица 10

Корреляционный анализ показателей армян
(общая выборка)

	Выраженность мультикультурной идеологии	Физическая безопасность	Воспринимаемая дискриминация	Позитив. гражд. идентичности
Этническая толерантность	,46**	-,18*	-,28**	,28**

** Корреляция значима на уровне 0.01

* Корреляция значима на уровне 0.05

Как показали результаты исследования, уровень этнической толерантности принимающего населения по отношению к мигрантам во всех исследуемых группах достаточно невысок. Были выявлены статистически значимые различия между ответами русских и армян в обоих регионах. Однако мигранты имеют более высокий уровень этнической толерантности. Мы полагаем, что это – своего рода стратегия, целью которой является стремление встроиться в иную культурную среду. Этот феномен был выявлен в обоих регионах.

У русских, как принимающего населения, в обоих регионах выше выражена ориентация на мультикультурную идеологию, чем у мигрантов. Мы полагаем, что принятие мультикультурной идеологии русскими, хотя бы на когнитивном уровне, является одним из факторов, способствующих более успешной адаптации мигрантов в регионах России.

В обоих регионах мигранты более озабочены своей безопасностью, особенно физической. Этот факт указывает на то, что адаптация мигрантов протекает в рассматриваемых регионах далеко не гладко. Видимо, существовали прецеденты, заставляющие мигрантов тревожиться за свою безопасность.

Нужно отметить, что нетерпимость к мигрантам, особенно с этнической окраской, ставит под угрозу стабильность, безопасность существования всего социума. Возникновение данного явления в полиэтническом, поликонфессиональном обществе, где веками жили люди самых разных национальностей и вероисповеданий – тревожный факт. В конечном итоге подобное отношение принимающего населения свидетельствует о низком уровне его адаптированности к мигрантам. Данная проблема должна находиться на особом

контроле у местной власти наряду с другими социально-экономическими проблемами, связанными с миграцией.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что с этнической толерантностью мигрантов и принимающего населения связаны различные факторы. С этнической толерантностью у русских оказалась связанной ориентация на мультикультурную идеологию. Особое значение имеет негативная связь культурной безопасности с мигрантофобией, то есть русские в наплыве мигрантов видят, прежде всего, угрозу их собственной культуре.

У мигрантов, с одной стороны, с этнической толерантностью негативно связана воспринимаемая дискриминация. Однако, нами был обнаружен еще один интересный феномен – с этнической толерантностью мигрантов связана позитивность их гражданской идентичности. То есть чем более позитивные чувства испытывают мигранты от того, что они являются гражданами России, тем выше вероятность того, что они будут вести себя толерантно по отношению к представителям иноэтнических групп.

ВЫВОДЫ

1. Выявлены достоверные различия в ответах русских и армян по таким показателям, как ориентация на мультикультурную идеологию, этническая толерантность, позитивность гражданской (российской) идентичности, выраженность гражданской (российской) идентичности.

1.1. У русских, по сравнению с мигрантами, выше значения таких показателей, как ориентация на мультикультурную идеологию, позитивность и выраженность гражданской идентичности.

1.2. У армян выше, по сравнению с русскими, этническая толерантность и все компоненты интегральной безопасности.

2. У русских этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии. Показатель мигрантофобии у русских отрицательно связан с выраженностью мультикультурной идеологии, с культурной и интегральной безопасностью.

3. У армян этническая толерантность положительно связана с выраженностью мультикультурной идеологии и с позитивной гражданской идентичностью, отрицательно – с физической безопасностью и с воспринимаемой дискриминацией.

4. Возможно, в основе этнической толерантности русских лежит приверженность мультикультурной идеологии и базовое ощущение безопасности, особенно безопасности в отношении собственной культуры.

5. Для этнической толерантности мигрантов и их стремления к включению в социум имеет большое значение позитивность их гражданской (российской) идентичности, ощущение физической безопасности и отсутствие воспринимаемой дискриминации.

Литература

1. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999.
2. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
3. *Berry J.W.* Acculturative Stress//Psychology and Culture / W.J. Lonner, R.S. Malpass (Eds.). – N.Y., 1994.
4. *Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction / S. Bochner (Ed.). – Oxford, 1982.

5. *Stephan W.G., Stephan C.W.* Improving intergroup relations. Sage Publications, 2001.
6. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. – Cambridge and Paris, 1982.
7. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by. S. Worchel, W.G. Austin. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P. 7–24.

В.Н. Галяпина

Ценности как фактор социокультурной адаптации беженцев из Южной Осетии¹

ВВЕДЕНИЕ

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались не только распадом СССР, но и обострением межэтнических противоречий. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась на Южном Кавказе, где спорадические вспышки межэтнического насилия переросли в вооруженное противостояние между Карабахом и Азербайджаном, Абхазией и Грузией, Южной Осетией и Грузией.

В результате конфликта 1989–1992 гг. между Грузией и Южной Осетией образовались три группы беженцев. Значительное число осетин бежало из Южной Осетии на территорию Северной Осетии (впоследствии, после установления перемирия, большая часть из них вернулась домой). Вторая группа беженцев – около ста тысяч (по данным Министерства по делам национальностей РСО – Алания) осетин, вынужденных бежать из внутренних районов Грузии, не входящих в состав Южной Осетии. Они поселились на территории как

---

¹ Исследование поддержано РГНФ, грант № 08-06-00702а.

Южной, так и Северной Осетии. Наконец, в Грузию была вынуждена бежать часть грузинского населения Южной Осетии. По статистическим данным, в 1991 году число беженцев в Северной Осетии из Южной Осетии и внутренних районов Грузии превысило 85 тыс. человек, что составило более половины всех проживающих в Грузии осетин.

Осетино-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года явился продолжением неразрешенных противоречий. По данным Министерства по делам национальностей РСО – Алания 7–15 августа 2008 г. временно покинули места постоянного проживания в Республике Южная Осетия около 35 тыс. человек. По предварительным данным, в частном секторе на территории Республики Северная Осетия – Алания было размещено примерно 13,3 тыс. человек, в специальных местах и учреждениях были размещены в РСО – Алания 3868 вынужденных переселенцев, в субъектах Южного Федерального Округа – 3516 человек (Осетинский август – печаль и радость, 2008).

В качестве одной из причин, приведших к данной ситуации, выделяется конфликтное взаимодействие двух народов – осетинского и грузинского. В научной литературе существует опыт изучения исторических взаимоотношений грузинского и осетинского народов с попыткой осмыслить причины возникающих противоречий (Абаев, 1990; Андроникашвили, 1966; Робакидзе, 1975 и др.).

В ряде работ авторы пытаются найти корни межэтнической неприязни в историческом прошлом. Так, особое внимание уделяется историческому явлению эпохи позднего средневековья – именуемому в этнографической литературе термином «особа».

При анализе данного конфликта, как отмечают исследователи, важно учитывать не только исторические, экономические и политические противоречия, но социальные и психологические (Блиев, 2006; История южных осетин, 1990; Кочиев, 2000; Кумсиев, 2002; Тедеева, 2006 и др.).

В рамках данного исследования важным является понимание особенностей складывания такой общности как «южные осетины». Южная Осетия – понятие не этническое, «южных осетин» в качестве отдельного сообщества не существует (хотя некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения) (Калоев, 2004). Однако необходимо указать, что в обыденном сознании осетины – уроженцы Южной Осетии и их потомки – объединяются в южно–осетинское общество называемое «кударцы» или «кудайраг». На самом деле этот термин в Южной Осетии используется для обозначения территориальной общности жителей пос. Кваиса и сел Кударского ущелья (10 % территории и 5 % населения Южной Осетии) – аналог терминов «сибиряки», «краснодарцы», «сахалинцы», «петербуржцы» и т. д.

В своем исследовании при анализе объекта мы понимали, что осетины, выходцы из Южной Осетии, отличаются от осетин, выходцев из Северной Осетии – Алании (к сожалению, специальных исследований в данном направлении не проводилось, есть несколько работ, посвященных изучению взаимовосприятия вынужденными переселенцами из Южной Осетии и Северной Осетии – Алании друг друга (Павловец, 2004; Дулаев, 2004). Вероятность того, что эти отличия существуют не только благодаря Кавказскому хребту (долгие годы он считался одной из основных причин невозможности объединения Осетии), очень велика. Особенности политического, экономического, социокультурного развития Южной и Северной Осетии обусловили специфику осетин, живущих на этих территориях. Эти же причины обусловили отличие осетин – выходцев из Южной Осетии от осетин – выходцев из Грузии.

Общая численность осетин в настоящее время составляет около 700 тыс. человек, из них в Российской Федерации по Всероссийской переписи населения 2002 г. проживает 515 тыс.: Северная Осетия – Алания – 445,3 тыс., Москва – 10,5 тыс., Кабардино-Балкария – 9,8 тыс., Ставропольский край –

7,7 тыс., Краснодарский край – 4,1 тыс., Карачаево-Черкесия – 3,2 тыс., Санкт-Петербург – 2,8 тыс., Ростовская область – 2,6 тыс., Московская область – 2,4 тыс. (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, 2003).

В Южной Осетии по официальным источникам проживают 65 тыс. осетин (есть данные, что таковых намного меньше, около 40 тыс. человек). В Грузии – 38 тыс. осетин (данные на 2002 г.). Диаспоры осетин есть в Турции, Франции, Канаде, США.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Российской Федерации, осетин, выходцев из Южной Осетии и их потомков насчитывается около 150 тысяч (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, 2003).

Осетины (осет. Ирæттæ) – это кавказский народ, практически все осетины двуязычны (двуязычие – осетинско-русское, реже – осетинско-грузинское). Большинство верующих осетин исповедуют православие.

Осетин, живущих в Южной Осетии (ЮО), и выходцев из ЮО обычно называют кударцами (къуыдайраг), по названию Кударского ущелья. Фактически же население Южной Осетии можно делить на несколько этнических групп, говорящих на разных говорах иронского диалекта осетинского языка.

Первыми подробно описали хозяйственную жизнь, традиционный быт и культуру осетин экспедиции С. Ванявина (1768), А. Батырева (1771, 1774) и И.-А. Гюльденштедта (1770–1772). Уже тогда учеными были отмечены как «кавказские черты» осетин, так и явное несходство их с соседними народами. Этим объясняется особый интерес к научному изучению Осетии. Важный вклад в изучение осетинского народа внесли П.С. Паллас, Жорж Дюмезиль (1898–1986). Работы русских и иностранных ученых наряду с научными экспедициями послужили началом всестороннего изучения Осетии и осетинского народа.

Поскольку объектом данного исследования являлись осетины, вынужденно покинувшие Южную Осетию, важными являлись этнопсихологические и кросскультурные подходы, объясняющие различные аспекты и стороны процесса адаптации вынужденных переселенцев к новым условиям жизни (Лебедева, 1993; Солдатова, 1998; Шлягина, Бардина, Шайгерова, Щербакова, 1997; Гриценко, 2002 и др.). Также в данной работе были использованы результаты изучения вынужденной миграции осетин – выходцев из Южной Осетии (Павловец, 2004; Дулаев, 2004).

Теоретические концепции, лежащие в основе исследования, опираются на достижения зарубежной психологии, развиваемые в русле теорий культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца, аккультурации Дж. Берри.

Целью исследования является выявление взаимосвязи между ценностными ориентациями осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию, и их социокультурной адаптацией на территории Северной Осетии – Алании.

Задачи исследования.

1. Выявить ценностные ориентации осетин, вынужденных переселенцев из Южной Осетии.
2. Определить социокультурную адаптацию осетин, вынужденных переселенцев из Южной Осетии.
3. Выявить взаимосвязь ценностей и этнокультурных норм с социально-культурной адаптацией осетин – вынужденных переселенцев из Южной Осетии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка. В 2009 году проведен опрос (анкетирование) осетин, вынужденных переселенцев из Южной Осетии, проживающих на территории республики Северная Осетия – Алания. Общая численность выборки – 200 респондентов. Также были проведены экспертные интервью (25) на основе специально разработанного топик-гайда.

Методический инструментарий состоял из трех основных блоков методов:

- 1) первый блок направлен на изучение ценностных ориентаций, этнокультурной девиации;
- 2) второй блок направлен на изучение социально-культурной адаптации (выраженность и позитивность–негативность этнической, региональной и российской идентичностей, уровень доверия, субъективной удовлетворенности жизнью и собой, уровень тревожности, уровень депрессии, этническая толерантность, установки на социальное равенство, временная перспектива, склонность к нарушению социальных норм и правил на индивидуальном уровне, интерес к общественной и политической жизни),
- 3) третий блок включал вопросы, направленные на получение персональной информации о респонденте (пол, возраст, уровень образования, религиозность, исповедуемая религия и пр.).

При разработке анкеты были использованы: методика Ш. Шварца (культурный уровень), анкета Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко (Лебедева, Татарко, 2007), опросник Дж. Берри, а также модифицированный вариант шкалы склонности к нарушению социальных норм и правил А.Н. Орла (Фетискин, Миронова, 2001), а также разработанная нами шкала этнокультурной девиации, которая состоит из десяти суждений, описывающих различные типы этнокультурных норм. За основу были взяты материалы, представленные в работе Гарри К. Триандиса (Триандис, 2007). Респонденту необходимо было определить серьезность нарушения описанной нормы с помощью нормативного дифференциала (следует так себя вести, соответственно, 9 баллов; не следует так себя вести, соответственно, 1 балл). Например, «Допустим, подавляющее большинство людей в Южной Осетии захотели бы изменить существующее в традиции правило проведения похорон – за-

писывать размер оказания материальной помощи семье умершего. Согласились бы Вы на это?», «Я считаю правильным, что на современные свадьбы не приглашают большое количество родственников, соседей, сослуживцев, знакомых».

Для обработки результатов использовалась система SPSS.

В своем исследовании мы используем понятия: вынужденные переселенцы, беженцы. В соответствии с Законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» беженцем, т.е. лицом, не имеющим российской гражданства, или вынужденным переселенцем, гражданином России, признается лицо, «покинувшее место жительства вследствие, совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» (ФЗ «О беженцах». Закон РФ «О вынужденных переселенцах», 2007).

Согласно законодательно принятым определениям беженца и вынужденного переселенца, основное различие между ними заключается лишь в наличии (отсутствии) гражданства РФ. Поскольку многие жители Южной Осетии являются гражданами России, имеют российские паспорта – их можно назвать вынужденными переселенцами, а тех, кто не имеет российского гражданства – беженцами.

Исходя из этого, мы в нашем исследовании категории беженцев и вынужденных переселенцев не разделяем и различий между ними не проводим.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Особенности объекта данного исследования определили необходимость изучения этнической, региональной и российской идентичностей осетин, выходцев из Южной Осетии. На гистограмме 1 представлены результаты сравнения выраженности этнической, региональной и российской идентичностей и их позитивность–негативность. Достоверность различий оценивалась по критерию Уилкоксона.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что у осетин, выходцев из Южной Осетии, наиболее выражена региональная идентичность, она значимо выше, чем этническая и российская идентичности ($p \leq 0,05$). То есть, осетины в большей степени ощущают себя представителями своей республики, нежели осетинами или гражданами России. На это также указывают ответы на вопрос: «Кто Я?». 9 % опрошенных респондентов указывали «кударец», «южный осетин», «гражданин Южной Осетии» и только 2 % опрошенных указали «осетин», «гражданин России».

Несмотря на то, что социальная дистанция с осетинами, выходцами из Северной Осетии (1,7 баллов, при максимальном значении 7 баллов), и осетинами, выходцами из Грузии (3,6 балла), была небольшая и эмоциональное отношение к представителям этих групп положительное (к осетинам, выходцам из Северной Осетии – Алании, 85,4; к осетинам, выходцам из Грузии – 60,3, по 100-балльной шкале), респонденты указывали на различия между осетинами всех этих групп. Например, при описании качеств, присущих представителям этнических групп, респонденты отмечали, что осетины, выходцы из Южной Осетии, «...терпеливые, дружелюбные, щедрые, трудолюбивые»; осетины, выходцы из Северной Осетии, «...гордые, подозрительные, гостеприимные, аккуратные, интеллигентные»; осетины, выходцы из Грузии, «...нагловатые, мудрые, предприимчивые».

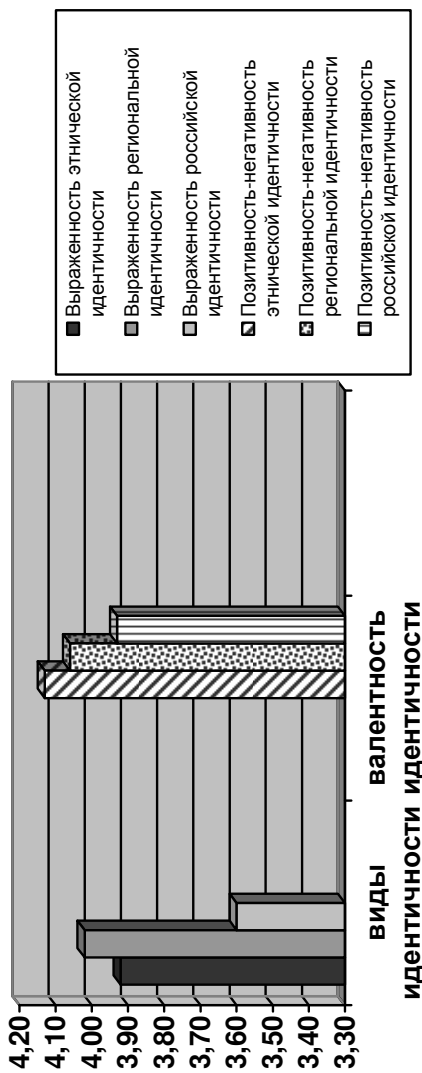

Рис. 1. Гистограмма сравнительных результатов изучения выраженности этнической, региональной, российской идентичности и их валентности

Значимых различий между позитивностью этнической и региональной идентичностей выявлено не было, однако установлено, что и этническая и региональная идентичности более позитивны, чем российская (соответственно $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$).

Таким образом, можно сказать, что осетины, вынужденные переселенцы из Южной Осетии, проживающие в РСО – Алания, ощущают себя, прежде всего, гражданами Южной Осетии, то есть, «южными осетинами». Эта принадлежность, а также принадлежность к осетинскому этносу вызывает у них наиболее позитивные чувства; российская идентичность менее значима и менее позитивна.

Результаты изучения культурных ценностных ориентаций (по Ш. Шварцу)

Использование подхода Шварца предполагает, что культурные ценности отражают альтернативные решения группами основных проблем. Культурные варианты решения проблемы природы отношений между личностью и группой располагается вдоль биполярной оси «Принадлежность – Автономия», решение проблемы обеспечения социально-ответственного поведения вдоль биполярной оси «Иерархия – Равноправие»; решение проблемы регуляции отношения людей к природному и социальному окружению вдоль биполярной оси «Гармония – Мастерство».

В ходе исследования нами были выявлены значения ценностей осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и проживающих на территории РСО – Алания (опрос осуществлялся в местах их проживания в РСО – Алания). Более того, мы имели возможность сопоставить эти результаты с данными, полученными при изучении ценностных ориентаций осетин, проживающих в Южной Осетии (выборка также составила 200 человек). Результаты представлены в таблице 1

(значимость различий средних значений определялась по критерию Колмогорова-Смирнова).

Таблица 1

Сопоставление культурных ценностей осетин,
выходцев из Южной Осетии

Культурные ценности	Осетины, беженцы из Южной Осетии (средние значения)	Осетины, проживающие в Южной Осетии (среднее значение)
Принадлежность	3,90**	4,03**
Иерархия	3,88	3,86
Гармония	4,09*	4,01*
Равноправие	3,74	3,73
Интеллектуальная автономия	4,25***	4,49***
Аффективная автономия	3,80*	3,85*
Мастерство	3,93***	3,70***

Примечание: *- $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Результаты, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что наибольшее значение для осетин, вынужденно переселившихся на территорию РСО – Алании в ходе вооруженного конфликта, имеют ценности «Интеллектуальной автономии» (свобода, творчество, широта взглядов, любознательность). Далее по значимости идут ценности «Гармонии» (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды). На третьем месте находятся ценности «Мастерства» (амбиции, успех, социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, дерзость, влияние, выбор собственных целей, умелость и компетентность). Эти особенности, скорее всего, связаны с необходимостью адаптации в трудных жизненных си-

туациях (сначала это вооруженный конфликт, затем устройство на новом месте)

Далее идут ценности «Принадлежности» (социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, вежливость, национальная безопасность, взаимоуважительность, долг, мудрость, уважение старших, сохранение своего публичного образа, умение прощать, чистоплотность, благочестие).

Пятую позицию занимают ценности «Иерархии» (социальная власть, благосостояние, авторитетность, подчинение, скромность).

На шестом месте находятся ценности «Аффективной автономии» (удовольствие, разнообразная интересная жизнь, наслаждение жизнью, потакание себе).

На последнем месте по значимости находятся ценности «Равноправия» (равенство, социальная справедливость, верность, честность, полезность, ответственность).

Если попытаться представить образ осетина, вынужденного переселенца из Южной Осетии, то это человек, который ценит автономию, независимость и самостоятельность, стремится проявить собственную уникальность посредством творчества, проявляет любознательность, ценит широту взглядов. Он дорожит миром на Земле, стремится к единению с природой. Возможно, это объясняется достаточно длительным периодом нестабильности и вооруженного противостояния, а также особенностями хозяйственной деятельности, определяемыми природно-климатическими и экономическими условиями (горная местность, доминирование сельского хозяйства, большая зависимость от природных условий, отсутствие развитой промышленности и т.д.). Человек стремится добиться успеха и социального признания, при этом идет на дерзкие шаги, проявляет в достижении своих индивидуальных целей отвагу.

В определенной степени этот человек стремится сохранять традиции, проявляет взаимоуважительность, уме-

ренность. Достаточно важными для него являются власть, материальное положение, благосостояние, авторитетность. Анализ экспертных интервью подтверждает, что значимыми являются иерархические системы ролевых предписаний. Осетин, выходец из Южной Осетии, принимает и воспринимает как легитимное, правильное, законное неравное распределение власти, ролей и ресурсов. В воспитании детей родители прививают уважение к иерархическому порядку и формируют принятие обязанностей и правил, которые предписаны подчинительно выстроенным ролям: «... пассивность наша оттого, что нам всегда говорили, что нечего лезть, куда не положено... там, наверху, умные люди сидят, они сами без вас хорошо знают, что надо делать..., а вы сидите и не лезьте, куда вас не просят...», «...в мирной жизни осетины, как правило, очень пассивны, ничего не хотят менять, проходят мимо несправедливости со стороны властей, молчат, считают, что у власти свои законы...».

Возможно, такая ситуация связана со сложившимися в ходе длительного исторического развития особенностями наемных воинов, каковыми издревле являлись осетины. В период военных действий они проявляли отвагу, мужество, самостоятельность, боролись за независимость, и пр. А в мирное время принимали неравное распределение власти и ресурсов, подчинялись строгой иерархии, поскольку были «наемниками».

В меньшей степени осетин-беженец ценит удовольствия, разнообразие жизни. На последнем месте для него стоят такие ценности как равенство, социальная справедливость.

При сравнении средних значений ценностей осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и оставшихся в ней, можно увидеть, что значимые различия существуют практически во всех ценностях. Наибольшие различия проявляются в позиции ценностей «Интеллектуальной автономии» и «Мастерства». Для осетин-беженцев из Южной Осетии менее значимы в сравнении с осетинами, проживающими

ми в Южной Осетии, такие ценности как свобода, творчество, широта взглядов, любознательность, но намного более значимы такие ценности как амбиции, успех, социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, дерзость, влияние, выбор собственных целей, умелость и компетентность. Это, на наш взгляд, определяется психологическими особенностями мигрантов, поскольку переезд ориентирует их на адаптацию на новом месте, требует независимости, компетентности, людям необходимо не только «зацепиться» на новом месте, но и эффективно интегрироваться.

Кроме этого, для вынужденных переселенцев, в сравнении с осетинами, не покинувшими Южную Осетию, меньшее значение имеют ценности «Принадлежности». Возможно, определенный разрыв отношений с социокультурной средой при переезде снижает значимость таких ценностей как уважение своего публичного образа, обязательность, сохранение традиций и пр.

Ценности «Гармонии» (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды) более значимы для беженцев, а ценности «Аффективной автономии» (удовольствие, разнообразная интересная жизнь, наслаждение жизнью, потакание себе) – для оставшихся в Южной Осетии. Это, по нашему мнению, также во многом связано с ситуацией миграции: те, кто остались на родине, имеют жилище, пусть даже не очень качественное или даже не свое. Но они могут жить у родственников, соседей, имеют надежду получить компенсацию, кроме этого, налаживающаяся мирная жизнь, отсутствие военных действий, признание независимости Южной Осетии позволяет им думать не только о «хлебе насущном», но и каком-то разнообразии жизни, получать наслаждение не только от того, что ты жив, но и от интересной жизни.

Для осетин-беженцев в ситуации миграции более большее значение имеют стабильность мира и природно-климатические условия, экология в целом. Мир важен, так

как создает условия стабильности (у большинства остались родственники в Южной Осетии, не надо думать о том, как их спасать и т.д.), а гармония с природой значима, поскольку большая часть беженцев получают доход от ведения домашнего подсобного хозяйства,

Не было выявлено значимых различий по таким ценностям как «Иерархия» и «Равноправие», являющихся полюсами одной оси, определяющей решение проблем обеспечения социально-ответственного поведения. Возможно, эти ценности в наибольшей степени определяют этнокультурные особенности осетин, выходцев из Южной Осетии, поэтому, даже вынужденная миграция и адаптация к новым социокультурным условиям значимо не сказалась на отношении к власти, благосостоянию, авторитетности, подчинению, скромности, равенству, социальной справедливости, верности, честности, ответственности.

Таким образом, можно отметить, что для осетин, вынужденных переселенцев, значимы ценности, которые способствуют экономическому развитию «Интеллектуальная автономия», «Гармония», «Мастерство». Минимальное значение придается ценностям «Равноправия».

Далее рассмотрим, как ценности культуры (по Шварцу) взаимосвязаны с показателями этнокультурной девиации, психологического благополучия, социально-культурной адаптации, социально-политическими установками, а также возрастом, уровнем образования и религиозностью (для выявления значимости взаимосвязей использовался корреляционный анализ по Спирману).

Как видно из таблицы, ценности «Принадлежности» имеют наибольшее количество взаимосвязей с показателями, отражающими дезадаптацию (этнокультурную и социокультурную). У осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и поселившихся в РСО – Алании, эти ценности способствуют удовлетворенности жизнью, интересу к общественной и политической жизни; не способствуют нарушению

традиционных культурных норм в различных ситуациях общения, социокультурной дезадаптации (особенно в общении с властями, использовании транспорта, понимании со стороны окружающих, понимании особенностей местных шуток и юмора, соблюдении религии), религиозности. Также эти ценности взаимосвязаны с уровнем образования (чем выше уровень образования, тем, больше значимость данных ценностей).

Таблица 2

Взаимосвязи ценностей «Принадлежности» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, уровнем образования и религиозностью

№ п/п	Переменные	R
1	Удовлетворенность жизнью	0,21**
2	Этнокультурная девиация	- 0,21**
3	Социально-культурная дезадаптация (общий показатель)	- 0,15*
4	Трудности в общении с представителями власти	-0,18*
5	Трудности в пользовании транспортом	-0,18*
6	Трудности добиться понимания	-0,14*
7	Трудности в понимании шуток и юмора	-0,29***
8	Трудности в соблюдении своей религии	-0,22**
9	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,20**
10	Интерес к общественной жизни в республике	0,13*
11	Интерес к политической жизни	0,16*
12	Уровень образования	0,23***
13	Степень религиозности	-0,24***

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Можно сказать, что чем выше осетины-беженцы ценят социальный порядок, безопасность семьи и национальную безопасность, самодисциплину, долг, мудрость, вежливость, умение прощать, благочестие чистоплотность, уважают традиции, уважают старших, стремятся к сохранению своего публичного образа, тем менее у них проявляется этнокультурная и социокультурная дезадаптация, религиозность, тем больше они удовлетворены жизнью и проявляют больший интерес к общественной и политической жизни. Эти ценности, как правило, больше проявляются у людей с высоким уровнем образования.

Таблица 3

Взаимосвязи ценностей «Интеллектуальной автономии» с показателями этнической и гражданской идентичности, этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками

№ п/п	Переменные	R
1	Доверие	0,13*
2	Выраженность региональной идентичности	0,18**
3	Позитивность региональной идентичности	0,13*
4	Выраженность российской идентичности	0,14*
5	Временная перспектива	0,16*
6	Удовлетворенность жизнью	0,19**
7	Этнокультурная девиация	-0,28***
8	Удовлетворенность собой	0,17**
9	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,19**
10	Интерес к общественной жизни в республике	0,14*
11	Интерес к политической жизни	0,18**
12	Уровень образования	0,16*
13	Трудности в понимании шуток и юмора	-0,15*
14	Трудности в соблюдении своей религии	-0,15*

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Результаты таблицы свидетельствуют, что Ценности «Интеллектуальной автономии» взаимосвязаны как с показателями этнокультурной девиации, психологического благополучия и интереса к политической и общественной жизни, так и с показателями выраженности и валентности этнической и гражданской идентичностей.

Эти ценности способствуют доверию, выраженности региональной и российской идентичности, позитивности региональной идентичности, увеличению временной перспективы, удовлетворенности жизнью, повышению самооценки, интересу к общественной и политической жизни; не способствуют нарушению традиционных культурных норм взаимоотношений в различных ситуациях, трудностям в понимании местных шуток и соблюдении своей религии; взаимосвязаны с уровнем образования.

Это позволяет заключить, что люди, высоко ценящие свободу, творчество, широту взглядов, любознательность имеют выраженную позитивную региональную и российскую идентичности, высокий уровень межличностного доверия, имеют достаточно большую временную перспективу, удовлетворены как своей жизнью, так самими собой, проявляют повышенный интерес к общественной и политической жизни, не склонны нарушать этнокультурные нормы, не испытывают трудностей в понимании местных шуток и соблюдении своей религии, также они имеют достаточно высокий уровень образования.

Анализ представленных в таблице 4 результатов позволяет заключить, что ценности «Аффективной автономии» (удовольствие, разнообразная интересная жизнь, наслаждение жизнью, потакание себе) имеют наибольшее количество взаимосвязей с показателями этнокультурной девиации, религиозностью, психологическим благополучием, интересом к общественной и политической жизни. Эти ценности способствуют долгосрочному планированию жизни, удовлетворенности жизнью, интересу к общественной и политической

жизни, не способствуют нарушению традиционных культурных норм взаимоотношений в различных ситуациях общения, религиозности, трудностям в общении с властями, использовании транспорта, понимании местных шуток; взаимосвязаны с уровнем образования.

Таблица 4

Взаимосвязи ценностей «Аффективной автономии» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, уровнем образования и религиозностью

№ п/п	Переменные	R
1	Временная перспектива	0,19**
2	Удовлетворенность жизнью	0,19**
3	Этнокультурная девиация	-0,25***
4	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,20**
5	Интерес к общественной жизни в республике	0,17*
6	Интерес к общественной жизни в России	0,15*
7	Интерес к общественной жизни в целом (и по месту жительства и в республике и в России)	0,14*
8	Интерес к политической жизни	0,14*
9	Уровень образования	0,21**
10	Степень религиозности	-0,26***
11	Трудности в общении с представителями власти	-0,14*
12	Трудности в пользовании транспортом	-0,16*
13	Трудности в понимании шуток и юмора	-0,19**

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Итак, можно отметить, что ценности, находящиеся на оси «Принадлежность» – «Интеллектуальная и аффективная автономии» в целом способствуют снижению социокультурной дезадаптации. Однако необходимо отметить, что ценности «Интеллектуальной автономии» также способствуют развитию таких характеристик, которые опосредованно повышают успешность социокультурной адаптации вынужденных переселенцев. Это уровень доверия, долгосрочное планирование жизни, удовлетворенность жизнью и собой, самооценка, выраженность и позитивность региональной идентичности, выраженность российской идентичности. Таким образом, ценности «Принадлежности» в большей степени снижают социокультурную дезадаптацию, а ценности «Интеллектуальной и аффективной автономий» повышают социокультурную адаптацию.

Таблица 5

Взаимосвязи ценностей «Иерархии» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, уровнем образования и религиозностью

№ п/п	Переменные	R
1	Временная перспектива	0,15*
2	Удовлетворенность жизнью	0,17*
3	Этнокультурная девиация	- 0,19**
4	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,15*
5	Интерес к общественной жизни в республике	0,15*
6	Интерес к общественной жизни в целом (и по месту жительства, и в республике, и в России)	0,13*

Продолжение таблицы 5

№ п/п	Переменные	R
7	Интерес к политической жизни	0,18**
8	Уровень образования	0,18**
9	Степень религиозности	-0,22**
19	Трудности в общении с представителями власти	-0,18*
11	Трудности в пользовании транспортом	-0,21**
12	Трудности в понимании шуток и юмора	- 0,26***
13	Трудности, связанные с нахождением в общественных местах	-0,15*
14	Трудности в общении с людьми разных национальностей	-0,17*
15	Трудности в соблюдении своей религии	-0,22**

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Результаты, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что ценности «Иерархии» (социальная власть, благосостояние, авторитетность, подчинение, скромность) у осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и поселившихся в Северной Осетии – Алании, способствуют долгосрочному планированию жизни, удовлетворенности жизнью, интересу к общественной и политической жизни; не способствуют нарушению традиционных культурных норм в различных ситуациях общения, трудностям в общении с представителями власти, использовании транспорта, понимании особенностей местных шуток и юмора, трудностям, связанным с нахождением в общественных местах, трудностям в общении с людьми разных национальностей, соблюдении своей религии, а также повышению религиозности. Также эти ценности взаимосвязаны с уровнем образования.

Таблица 6

Взаимосвязи ценностей «Равноправия» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, религиозностью

№ п/п	Переменная	R
1	Удовлетворенность жизнью	0,14*
2	Этнокультурная девиация	- 0,21**
3	Склонность к нарушению социальных норм и правил	0,17*
4	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,20**
5	Степень религиозности	-0,22**
6	Трудности в пользовании транспортом	-0,24**
7	Трудности в понимании шуток и юмора	-0,24**
8	Трудности в соблюдении своей религии	-0,21**

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Представленные в таблице результаты свидетельствуют о том, что ценности «Равноправия» способствуют удовлетворенности жизнью, нарушению социальных норм и правил на индивидуальном уровне, интересу к общественной жизни по месту жительства, не способствуют нарушению традиционных культурных норм в различных ситуациях общения, трудностям в использовании транспорта, понимании особенностей местных шуток и юмора, трудностям в соблюдении своей религии, повышению религиозности.

Можно сказать, что осетины-беженцы, ценящие равенство, социальную справедливость, верность, честность, полезность, ответственность, склонны нарушать на индивидуальном уровне социальные нормы. То есть, ценности по шкале «Равноправие» способствуют девиантному поведению

на индивидуальном уровне. Как мы указывали выше, у осетин в целом, данные ценности имеют самый низкий уровень значимости, отсюда можно предположить, что стремление к равноправию есть ненормативное поведение, проявляющееся в нарушении норм на индивидуальном уровне.

В целом можно отметить, что ценности «Иерархии» и «Равноправия» способствуют удовлетворенности жизнью и снижению трудностей как в иерархическом общении (с представителями власти), так и в бытовом (транспорт, общественные места) и межэтническом общении.

Таблица 7

Взаимосвязи ценностей «Гармонии» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, уровнем образования и религиозностью

№ п/п	Переменная	R
1	Удовлетворенность жизнью	0,20**
2	Этнокультурная девиация	- 0,23***
3	Социально-культурная дезадаптация (общий показатель)	- 0,17*
4	Трудности в следовании правилам и распоряжениям	-0,17*
5	Трудности в общении с представителями власти	-0,14*
6	Трудности при совершении покупок	-0,30***
7	Трудности в понимании этнических и культурных различий	-0,24**
8	Трудности в нахождении своего пути в жизни	-0,15*
9	Интерес к общественной жизни по месту жительства	0,15*
10	Интерес к политической жизни	0,14*
11	Уровень образования	0,22**
12	Степень религиозности	-0,26***

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Анализ результатов таблицы позволяет заключить, что ценности «Гармонии» у осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и поселившихся в Северной Осетии-Алании, в наибольшей степени коррелируют с показателями этно- и социокультурной дезадаптации. Они способствуют удовлетворенности жизнью, интересу к общественной и политической жизни; не способствуют нарушению традиционных культурных норм в различных ситуациях общения, социокультурной дезадаптации (особенно в соблюдении правил и распоряжений, общении с властями, совершении покупок, понимании этнических и культурных различий, в нахождении своего пути в жизни), религиозности. Также эти ценности взаимосвязаны с уровнем образования опрашиваемых. Можно сказать, что чем больше ценятся мир на Земле, единство с природой, защита окружающей среды, тем меньше этнокультурная дезадаптация, тем меньше трудностей испытывает осетин-беженец в межэтническом и бытовом общении, тем выше его удовлетворенность жизнью. Таких людей отличает низкий уровень религиозности и высокий уровень образования.

Таблица 8

Взаимосвязи ценностей «Мастерства» с показателями этнокультурной и социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками, уровнем образования и религиозностью

№ п/п	Переменная	R
1	Временная перспектива	0,18**
2	Удовлетворенность жизнью	0,17*
3	Этнокультурная девиация	- 0,26****
4	Удовлетворенность собой	0,17**
5	Интерес к политической жизни	0,13*

Продолжение таблицы 8

№ п/п	Переменная	R
6	Уровень образования	0,21**
7	Степень религиозности	-0,28***
8	Трудности в общении с представителями власти	-0,16*
9	Трудности в пользовании транспортом	-0,18*
10	Трудности в понимании со стороны окружающих	-0,15*
11	Трудности в понимании шуток и юмора	-0,22**
12	Трудности в общении с людьми разных национальностей	-0,17*
13	Трудности в соблюдении своей религии	-0,25**

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Результаты, представленные в таблице позволяют заключить, что ценности «Мастерства» (амбиции, успех, социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, дерзость, влияние, выбор собственных целей, умелость, компетентность) способствуют долгосрочному планированию жизни, удовлетворенности жизнью и собой, интересу к политической жизни; не способствуют нарушению традиционных культурных норм взаимоотношений в различных ситуациях, трудностям в иерархическом общении (с властями), в межэтническом общении, в пользовании транспортом, в понимании со стороны окружающих, в понимании местных шуток и соблюдении своей религии, повышению религиозности; взаимосвязаны с уровнем образования.

Итак, и ценности «Гармонии», и ценности «Мастерства» способствуют удовлетворенности жизнью и социокультурной адаптации осетин, вынужденных переселенцев из Южной Осетии. Однако, как и ценности «Интеллектуальной автономии» ценности «Мастерства» также актуализируют

ряд дополнительных характеристик, которые определяют эффективность адаптации вынужденных переселенцев: долгосрочное планирование жизни и удовлетворенность собой (позитивная самооценка).

Таким образом, можно сказать, что ценности «Интеллектуальной автономии», «Мастерства» способствуют активизации механизмов социальной адаптации на индивидуальном уровне, повышают доверие, выраженность и позитивность региональной и российской идентичности, способствуют долгосрочному планированию жизни и удовлетворенности собой (повышению самооценки). Эти ценности, скорее, не снижают неудовлетворенность, а повышают удовлетворенность жизнью. Ценности же «Гармонии» и «Принадлежности» минимизируют социокультурную дезадаптацию, они снижают трудности в различных сферах жизнедеятельности вынужденных переселенцев, то есть больше снижают неудовлетворенность.

Ценности «Иерархии» снижают трудности в ситуациях ролевого поведения, обусловленных культурными и социальными предписаниями (общение с властями, бытовое общение в транспорте и в общественных местах, общение с представителями других этносов).

Ценности «Равноправия» способствуют девиантному поведению и нарушению социальных норм и правил. Поскольку данные ценности выражены у осетин в целом в меньшей степени, логично предположить, что человек, выбирающий их в качестве значимых, будет вести себя в разрез с теми ценностями, которые одобряются в большей степени, а, значит, его поведение будет рассматриваться как девиантное.

Кроме изучения культурных ценностей по Ш. Шварцу мы выявляли степень этнокультурной девиации осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию. Сам уровень был равен 4,48 баллов (максимальный – 9), что соответствует средней степени культурной девиации.

Таблица 9

Взаимосвязи этнокультурной девиации с показателями этнической и гражданской идентичности, социокультурной дезадаптации, социально-политическими установками

№ п/п	Переменные	R
1	Выраженность этнической идентичности	-0,23**
2	Позитивность этнической идентичности	-0,15*
3	Выраженность региональной идентичности	-0,13*
4	Позитивность региональной идентичности	-0,19**
5	Выраженность российской идентичности	-0,19**
6	Позитивность российской идентичности	-0,19**
7	Удовлетворенность жизнью	0,22**
8	Ориентация на отъезд	0,13*
9	Этнический стереотип осетин, выходцев из Северной Осетии	-0,19**
10	Эмоциональное отношение к осетинам, выходцам из Южной Осетии	-0,20**
11	Установки на социальное равенство	- 0,14*
12	Интерес к общественной жизни по месту жительства	- 0,17**
13	Трудности в понимании этнических и культурных различий	0,16*
14	Трудности в построении взаимоотношений с противоположным полом	0,19*

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Как свидетельствуют результаты таблицы, этнокультурная девиация тем выше, чем менее выражены и менее позитивны этническая, региональная и российская идентичности, чем негативнее является этнический стереотип осетин, выходцев из Северной Осетии – Алании (тех людей, в окружении которых на данный момент проживают опрашиваемые).

мые), чем менее позитивным является эмоциональное отношение к осетинам, выходцам из Южной Осетии (к представителям своей группы), выше была ориентация на отъезд, меньше установки на социальное равенство, интерес к общественной жизни по месту жительства, тем больше осетины испытывают трудности в понимании этнических и культурных различий и выстраивании отношений с противоположным полом, которые, как правило, регламентируются предписанными этнической культурой ролями.

Осетин-беженец, который нарушает нормы своей культуры, имеет невысокий уровень выраженности и позитивность этнической и гражданской идентичностей, они отрицательно воспринимают осетин, выходцев из РСО – Алании, очень позитивно относятся к своей группе. И как следствие этого, трудности в межкультурном и полоролевом общении. Для этих людей характерна ориентация на отъезд из Южной Осетии и низкий интерес к политической жизни своей республики.

Выводы

1. Наибольшую значимость для осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию, имеют ценности «Интеллектуальной автономии» (свобода, творчество, широта взглядов, любознательность), ценности «Гармонии» (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды) и ценности «Мастерства» (амбиции, успех, социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, дерзость, влияние, выбор собственных целей, умелость и компетентность). Эта значимость во многом определяется, необходимостью адаптироваться в трудных жизненных ситуациях. Наименьшее значение имеют ценности «Равноправия» (равенство, социальная справедливость, верность, честность, полезность, ответственность), определяющие развитие демократии в обществе.

2. Наибольшие различия в ценностях были выявлены в «Интеллектуальной автономии» и «Мастерстве». Для осетин-беженцев из Южной Осетии менее значимы в сравнении с осетинами, проживающими в Южной Осетии, такие ценности как свобода, творчество, широта взглядов, любознательность, но намного более значимы такие ценности как амбиции, успех, социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, дерзость, влияние, выбор собственных целей, умелость и компетентность. Это определяется потребностями в адаптации на новом месте, которая требует независимости, компетентности. Также для вынужденных переселенцев из Южной Осетии меньшее значение имеют ценности «Принадлежности», что также связано с миграцией.

Значимых различий по таким ценностям как «Иерархия» и «Равноправие» выявлено не было. По нашему мнению, эти ценности в наибольшей степени определяют этнокультурные особенности осетин, выходцев из Южной Осетии, поэтому, даже вынужденная миграция и адаптация к новым социокультурным условиям значимо не сказалась на отношении к власти, благосостоянию, авторитетности, подчинению, скромности, равенству, социальной справедливости, верности, честности, ответственности.

3. Значимые для осетин-беженцев ценности «Интеллектуальной автономии», «Гармонии», «Мастерства», «Принадлежности» способствуют снижению этнокультурной и социокультурной дезадаптации. При этом, ценности «Гармонии» и «Принадлежности» в большей степени не способствуют социокультурной дезадаптации, они снижают трудности в различных сферах жизнедеятельности вынужденных переселенцев, то есть больше снижают неудовлетворенность. Ценности же «Интеллектуальной автономии», «Мастерства» способствуют активизации механизмов социальной адаптации на индивидуальном уровне, повышают доверие, выраженность и позитивность региональной и российской идентичности, способствуют долгосрочному планированию жиз-

ни и удовлетворенности собой (повышению самооценки). Эти ценности, скорее не снижают неудовлетворенность, а повышают удовлетворенность жизнью.

Ценности «Иерархии» снижают трудности в ситуациях ролевого поведения, обусловленных культурными и социальными предписаниями (общение с властями, бытовое общение в транспорте и в общественных местах, общение с представителями других этносов). Повышение значимости ценностей «Равноправия» свидетельствует о повышении склонности к нарушению социальных норм и правил.

4. В большей степени нарушают этнокультурные нормы и правила осетины-беженцы, имеющие невысокий уровень выраженности и позитивности этнической и гражданской идентичностей, это способствует большей ориентации на отъезд из Южной Осетии, низком интересе к политической жизни в республике. Им свойственен отрицательный этнический стереотип осетин, выходцев из РСО – Алании и позитивный образ своей группы. И как следствие всего этого, трудности в межкультурном общении, понимании этнических и культурных различий, а также в выстраивании отношений с противоположным полом (полороловом общении, которое в большей части регламентируется предписанными этнической культурой ролями).

Литература

1. *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ: Изд-во «ИР», 1990.
2. *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Т. 1. – Тбилиси, 1966.
3. *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений – Владикавказ, 2006г.; История южных осетин. – Цхинвал, 1990.

4. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
5. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в Российское общество. – Смоленск, 2008.
6. *Дулаев И.* Этнические стереотипы беженцев // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. – Мн., 2004. – С.258–269.
7. *Калоев Б.А.* Е.Г. Пчелина – ученый кавказовед // Этнографическое обозрение – 2004. – № 3 (май-июнь) – С. 98 – 111.
8. *Кочиев Л.Н.* К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии. Сборник научных трудов. – Владикавказ, 2000.
9. *Кумсиев Л.Ш.* Социальная адаптация вынужденных мигрантов в этнокультурном пространстве РСО – Алания. Канд. дисс. – М., 2002.
10. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.
11. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. – М., 2007. – С. 461–481.
12. *Налчаджян А.А.* Этнопсихология. 2-е изд. – СПб., 2004. – С. 91 – 93.
13. Осетинский август – печаль и радость – Владикавказ, 2008. – С. 97.
14. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М., Госкомстат, 2003.
<http://www.gks.ru>.
15. *Павловец Г.* Этопсихологические особенности беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии//Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. – Мн., 2004. – С.245–258.
16. *Робакидзе А.И.* Формы жилища и структуры поселения горной Осетии//КЭС. Т.V, 1. – Тбилиси, 1975.

17. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
18. *Тедеева У.Ш.* Грузино-осетинский конфликт: исторические и социальные предпосылки. Канд. дисс. – Владикавказ, 2006.
19. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. – М.: Изд-во «Форум», 2007. – С. 135–143.
20. *Фетискин Н.П., Миронова Т.И.* Социально-психологическая диагностика личности и группы: Психодиагностический практикум. – Кострома, 2001.
21. *Шлягина Е.И., Бардина И.В., Шайгерова Л.А., Щербакова А.Б.* Возможности этнопсихологии личности в решении проблем вынужденной миграции // Этническая психология и общество. – М.: «Старый сад», 1997.
22. ФЗ «О беженцах». Закон РФ «О вынужденных переселенцах». – М.: Алма-Л., 2007.
23. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segal M.N., Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and Applications. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.
24. *Schwartz S.* Mapping and interpreting cultural differences around the world/H. Vinken, J Soeters & P. Ester (eds.) // Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. Brill, 2004.

Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае¹

Введение

Многообразие форм взаимодействия мигрантов и принимающего населения в кросскультурной психологии принято описывать с помощью *стратегий взаимодействия*. По большому счету за стратегиями взаимодействия стоит комплекс социальных установок по отношению к собственной группе и аутгруппам. В кросскультурной и этнической психологии существует ряд концепций и моделей стратегий взаимодействия между принимающим обществом и мигрантами. Рассмотрим существующие в мировой и отечественной науке исследования по данному вопросу.

Исторически взаимодействие между культурно-различными группами было ограничено вследствие больших расстояний и природных условий. Когда в результате массовых миграций группы с большой культурной дистанцией стали проживать на одной территории, их взаимодействие, как правило, принимало одну из двух форм: *сегрегация* или *ассимиляция* (Moghaddam et al., 1993). Сегрегация – это отсутствие смешения различных культурных групп между собой, что ведет за собой узаконенную политику ограничений контактов между различными культурными группами. Сегрегация выражается не только в политике государства, но и в межэтнических установках взаимодействующих групп.

---

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

При ассимиляции группы меньшинств постепенно утрачивают свою культуру, принимая культуру большинства. Американская концепция «плавильного котла», (которая заключалась в том, что со временем все нации, проживающие в США, сольются в единую этническую общность), носила именно ассимиляционистскую ориентацию (Moghaddam et al., 1993). В СССР существовала аналогичная концепция, предполагалось, что все нации сольются в единый «советский» народ.

Как и сегрегация, ассимиляция поддерживалась определенными установками и верованиями людей. Представители культуры большинства во многих странах демонстрировали интолерантные установки по отношению к представителям иных культур. Система образования и средства массовой информации «аккуратно обучали» меньшинства культуре большинства. Однако, кроме «аккуратных» существовали и более «грубые» способы, вынуждающие меньшинства влиться в культуру большинства, такие как дискриминация, агрессия и принуждение к конформному поведению. В настоящее время основное количество социально-психологических исследований межгруппового взаимодействия в США посвящено проблеме межрасовых отношений (Moghaddam et al., 1993 p.158), что во многом является следствием доминирующей когда-то ассимиляционной концепции «плавильного котла» в политике государства.

Традиционно стратегии межкультурного взаимодействия рассматриваются в рамках психологии аккультурации, и разными исследователями предлагаются разные модели стратегий. В связи с активными миграционными процессами в поликультурных обществах, данная тематика вызывает повышенный интерес у зарубежных ученых (Gordon, 1964; Vochnner, 1982; Moghaddam, 1988; Berry, 1994; Hutnik, 1991; Ben-Shalom & Horenczyk, 2003; Уорд, 2004).

Существует множество терминов, с помощью которых описывается межэтническое взаимодействие в поли-

культурных регионах, а также взаимодействие мигрантов и принимающего общества: аккультурация, ассимиляция, абсорбция, амальгамация, аккомодация, интеграция, сепарация, сегрегация и т.д. (Попков, 2003). Некоторые из терминов рассматриваются исследователями как идентичные, хотя содержание, которым они наполняются, может оказаться различным.

В концепции Р. Тафта (1953) адаптация мигрантов рассматривается скорее как некая классификация различных политических программ по приему и «укоренению» мигрантов. Главный вопрос заключается в том, какими путями проходит данный процесс (цит. по: Попков, 2003). Р. Тафт выделяет *монистическую* ассимиляцию, согласно которой включение мигрантов в принимающее общество происходит при полном растворении принятого меньшинства с добровольным отказом от имеющейся идентичности; *плюралистическую* ассимиляцию, которая означает сосуществование самобытных, самостоятельных этнических групп; и *интеракционистскую* ассимиляцию, которая означает состояние, явившееся результатом плотного взаимодействия мигрантов и принимающего населения вследствие их постоянной коммуникации.

С. Айзенштадт (1954) рассуждает аналогичным образом, но еще вводит в контекст понятие *абсорбции*. Он различает три ее измерения: во-первых, *культурное измерение*, включающее в себя *аккультурацию*, которая понимается им как обучение ролевым навыкам и нормам принимающего общества; во-вторых, личностное измерение, когда речь ведется об эмоциональной удовлетворенности индивидов; и, в третьих, это институциональное измерение, в основе которого лежит размещение мигрантов в важнейших сферах принимающего общества (цит. по Попков, 2003).

М. Гордон различает *поведенческую ассимиляцию*, которая заключается в принятии новых культурных способов поведения и ценностных ориентаций, и *структурную* *асси-*

миляцию, под которой подразумевается проникновение в статусную систему принимающего общества (Gordon, 1964).

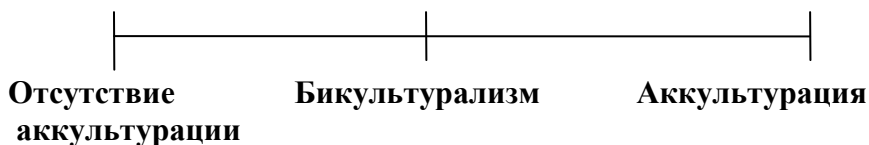
Все эти подходы вписываются в парадигму ассимиляционизма, о которой говорилось выше, и в той или иной степени означают процесс «приравнивания» мигрантов к условиям социальной и культурной систем региона поселения. В подобной позиции Х. Эссер (1980) выделяет три аспекта адаптации мигрантов: во-первых, это *процесс* приравнивания норм и образцов поведения мигрантов к какому-либо стандарту, существующему в принимающем обществе; во-вторых, это *состояние* сходства (подобия) относительно какого-либо стандарта как результат такого приравнивания; и в-третьих, это *состояние* равновесия (следовательно – «нормального функционирования») системы независимо от приближенности объекта к желаемому стандарту, существующему в принимающей системе. Процесс приравнивания мигрантов к новым стандартам взаимодействия определяется Х. Эссером как *аккультурация*; состояние подобия норм отношений мигрантов нормам принимающего общества понимается как *ассимиляция*; и состояние равновесия отношений в системе считается *интеграцией* (приводится по: Попков, 2003).

К. Уорд (Уорд, 2004) отмечает, что хотя изменения в процессе взаимодействия мигрантов с принимающим населением касаются многих областей жизни мигрантов, возможно, самые фундаментальные перемены связаны с культурной (и, соответственно, этнической) идентичностью. Согласно К. Уорд существует три основные модели описания и интерпретации изменений культурной идентичности.

Первая модель – *ассимиляция*. В соответствии с данной моделью, индивид, перемещающийся в новую культуру, отказывается от идентификации с культурой своего происхождения и начинает постепенно идентифицироваться с новой культурой, усваивая свойственные ей особенности, ценности, установки и паттерны поведения, свойственные при-

нимающей культуре. Такая модель является линейной и односторонней (Уорд, 2004).

Вторая модель соответствует *бикультурному* подходу. Согласно данному подходу идентификации с родной и с новой культурами относительно сбалансированы и не противостоят друг другу. Бикультурализм рассматривается как промежуточный вариант адаптации между ассимиляцией и сепаратизмом (Уорд, 2004). По сути, эта модель тоже является линейной и биполярной (рис. 1) и включает в себя одно измерение. Бикультурализм располагается посередине континуума между сепарацией (как отсутствием аккультурации) и максимальной аккультурацией (которой соответствует ассимиляция). Соответственно, бикультурализм помещается между идентификацией с унаследованной культурой и с новой культурой, две соответствующие идентичности рассматриваются как противодействующие силы.

Рис. 1. Линейная модель аккультурации, базирующаяся на одном измерении (источник: Lee, Sobal & Frongillo, 2003)

Третий подход представлен наиболее популярной в настоящее время моделью Дж. Берри. Данный автор взял за основу классификацию С. Бокнера и творчески переработал ее (Павленко, 2001). Модель С. Бокнера включала в себя четыре основных стратегии межкультурного взаимодействия:

1. Интеграция – сохранение прибывшей группой своей культурной идентичности при одновременном приня-

- тии элементов культурной идентичности доминирующей группы.
2. Ассимиляция – постепенная добровольная или вынужденная утрата мигрантами своей культурной идентичности и принятие взамен норм и ценностей доминирующей группы.
  3. Сегрегация – стремление к раздельному развитию групп.
  4. Геноцид – ориентация на намеренное уничтожение группы (Vochner, 1982).

Отличительная особенность модели Дж. Берри состоит в рассмотрении унаследованной и новой культурной идентичностей как независимых, ортогональных измерений. Берри перенес акцент с последствий межгрупповых взаимодействий на их начало, предположил, что сам межэтнический контакт будет преимущественно зависеть от того, какой аккультурационной стратегии придерживается мигрант. Перед временными поселенцами, иммигрантами и беженцами встают два основных вопроса, касающихся идентичности с унаследованной и новой культурой. Первый связан с отношением *к собственной культуре*, ее ценности для индивида и необходимости сохранения этнокультурной идентичности. Второй направлен на отношение индивида *к принимающей группе* – насколько взаимодействие с членами данной группы желательно для индивида, то есть насколько он охотно пойдет на поддержание межкультурных отношений. Комбинация ответов на данные вопросы составляет модель аккультурации, предложенную Дж. Берри (Berry, 1994). Преимущества этой модели в том, что она – двусторонняя (см. рис.2). У Берри, помимо стратегий аккультурации мигрантов, существует и вариант стратегий отношения к мигрантам для *представителей принимающего общества*:

1. «Мультикультурализм» – наиболее конструктивная стратегия позволяющая мигрантам быть принятыми в обществе и сохранить свою культуру.

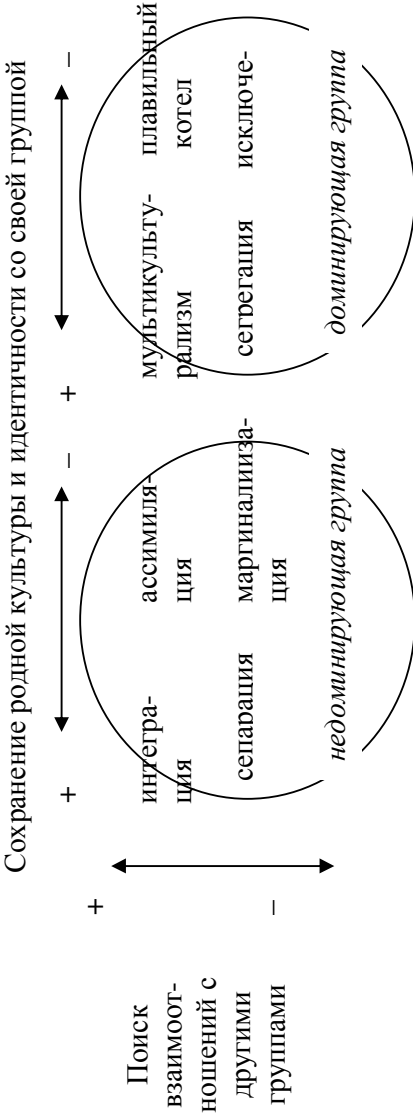
2. «Плавильный котел» – ассимиляционистская концепция, бывшая популярной в США в прошлом веке. В соответствии с этой стратегией принимающее общество «перемалывает» мигрантов, они утрачивают свою исходную культуру и идентичность.

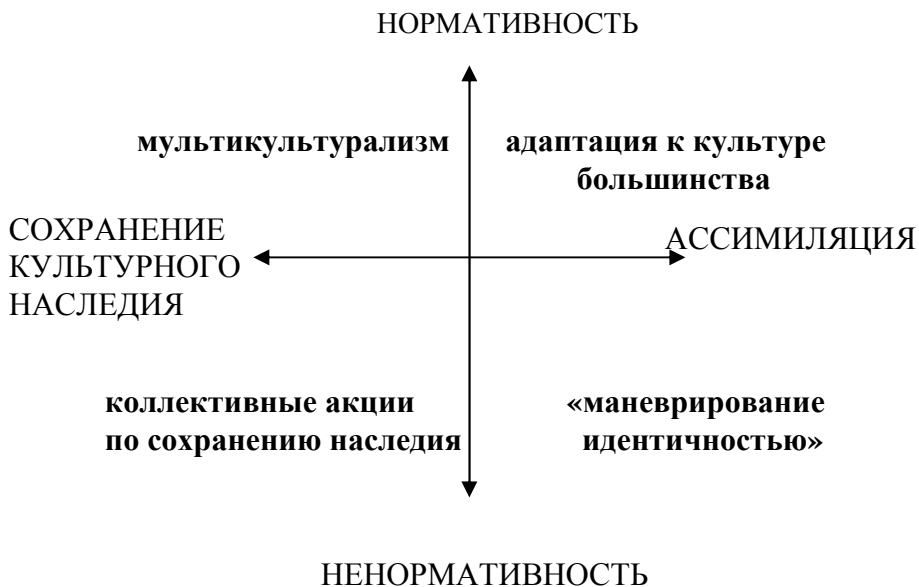
3. «Исключение» – создание гетто, изоляция мигрантов от коренных жителей, отторжение мигрантов от культурной и экономической жизни общества.

4. «Сегрегация» – мигранты сами стремятся изолироваться от коренных жителей жить самостоятельно, сохраняя свою культуру.

Конечно, в отношении разных объектов и в различных сферах жизнедеятельности у мигрантов могут действовать разные аккультурационные стратегии. Например, мигрант может демонстрировать сепаратистские ориентации в отношении женитьбы, ассимиляционные – в отношении одежды, и интеграционные – в плане предпочтений еды и праздников (Павленко, 2001).

Как уже говорилось, типология Дж. Берри, пожалуй, в настоящее время наиболее популярна, и множество исследований выполняются в рамках его теоретической модели. Вместе с тем это не единственная модель, базирующаяся на двух измерениях. Ф. Мохаддам предложил модель «интеграционных стратегий», используемых мигрантами для улучшения своего положения в принимающей культуре (Moghaddam, 1988). Данная модель основана на двух измерениях: первое характеризует отношение к прежней и новой культуре (то есть, в нем объединены оба измерения Дж. Берри), а второе – степень приемлемости данной стратегии для принимающей культуры (рис. 3).

Рис. 3. Модель интеграционных стратегий Ф. Мохаддама (приводится по: Павленко, 2001)

Ф. Мохаддам выделяет три сферы жизни мигрантов: частную жизнь; жизнь в пределах этнического сообщества, где преобладают нормы и ценности «родной» культуры; общественную жизнь, где господствуют новые нормы и ценности принимающей культуры. *Полюс ассимиляции* означает, что мигрант придерживается норм и ценностей новой культуры, а также стремится использовать новый язык даже в частной жизни. Нахождение на противоположном *полюсе «сохранение культурного наследия»* означает, что мигрант стремится к использованию родного языка, сохранению норм и ценностей родной культуры даже в общественных институтах принимающего государства.

Континуум *нормативность–ненормативность* интеграционных стратегий характеризует степень соответствия стратегий межэтническому соотношению сил, установившемуся на данный момент. Стратегии считаются нормативными, если они не нарушают гармонии в принимающей культуре, а чем более они способствуют изменениям межэтнической ситуации, тем более они считаются ненормативными (блокирование выборов, бойкоты, демонстрации протеста и т.д.). На основе данной модели Ф. Мохаддам выделяет четыре интеграционные стратегии (Moghaddam, 1988).

1. Стратегия «Адаптивность к культуре большинства» соответствует квадранту «нормативность/ассимиляция». В модели Дж. Берри данная стратегия будет соответствовать стратегии «Ассимиляции».

2. Стратегия «Мультикультурализма» соответствует квадранту «нормативность/сохранение культурного наследия». Эта стратегия признается в настоящее время довольно эффективной и соответствует национальной идеологии отдельных государств, например, Канады. В модели Дж. Берри эта стратегия будет соответствовать стратегии «Интеграции».

3. Стратегия «Маневрирование идентичностью» находится в квадранте «ассимиляция/ненормативность». Ассимиляция в ненормативном варианте означает формальное принятие норм и ценностей большинства, при реальной и искренней приверженности ценностям и нормам «родной культуры». То есть это стратегия *демонстрации* приверженности нормам и ценностям, которые наиболее выгодны в настоящий момент. Идентичность мигранта, использующего стратегию «маневрирования идентичностью» напоминает феномен, называемый другими авторами «ситуативной идентичностью». То есть в тех ситуациях, когда удобнее казаться представителем большинства, индивид демонстрирует приверженность атрибутам культуры большинства, когда же предпочтительнее выглядеть представителем этнического

меньшинства, он демонстрирует приверженность ценностям и нормам собственной культуры. В модели Дж. Берри нет соответствующей стратегии.

4. Стратегия «Коллективные акции по сохранению наследия» соответствует квадранту «сохранение культурного наследия/ненормативность». Сохранение культурного наследия в его ненормативном варианте означает не просто стремление к сохранению культурных норм и традиций, но и действия, направленные на изменение той актуальной межкультурной ситуации, которая сложилась на данный момент в обществе. Данная стратегия отчасти напоминает стратегию «сепарации» Дж. Берри в ее «усиленном» варианте.

Следует еще раз отметить, что все вышеописанные типологии стратегий были разработаны в рамках психологии аккультурации и характеризуют *только* отношение этнических меньшинств, представленных мигрантами к представителям доминирующей культуры.

Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, с учетом работ зарубежных ученых была предложена авторская концепция стратегий взаимодействия мигрантов и принимающего населения в поликультурных регионах России (Лебедева, Татарко, 2002, 2003). Приведенные ниже стратегии были получены эмпирическим путем. Первоначально, с помощью дескриптивного анализа, представители 15 групп, принявших участие в исследовании были разбиты на 4 категории. Основанием для классификации явились показатели измерений этнической идентичности представителей групп, участвующих в исследовании. Оценке подлежали такие измерения этнической идентичности как валентность (позитивность–негативность) и степень определенности этнической идентичности. С помощью дискриминантного анализа все группы были разбиты на 4 категории (см. табл.1) – а) группы, представители которых имеют позитивную и определенную этническую идентичность, б) группы, представители которых имеют позитивную и неопределенную этническую идентичность, в) группы, представители которых имеют негативную

и определенную этническую идентичность, г) группы, представители которых имеют негативную и неопределенную этническую идентичность. Для описания стратегий взаимодействия, этнических групп в условиях поликультурности, были проанализированы типичные установочные образования, зависящие от характеристик этнической идентичности взаимодействующих групп. В результате получилась следующая классификация (табл. 1).

Несмотря на многочисленные различия между народами, проживающими в поликультурном регионе (особенности культуры, этнический статус, длительность проживания в регионе и т.д.), у этнических групп, обладающих схожими характеристиками идентичности, были выявлены сходные особенности групповой адаптации к условиям поликультурности. Это говорит о том, что состояние идентичности представителей разных этнических групп является серьезным детерминирующим фактором их установок на межкультурное взаимодействие в полиэтнических регионах России.

1) Представители групп с *позитивной* и *определенной* этнической идентичностью демонстрируют стратегию **«принятия «чужих» культур»**. Позитивность и определенность этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетаются с позитивным восприятием большинства групп региона, уменьшением социальной дистанции с большинством этноконтактных групп, отсутствием выраженной установки на разделение людей по этническому и конфессиональному признакам, общей этнической толерантностью.

2) Представители этнических групп, обладающие *позитивной* и *неопределенной* идентичностью, склонны демонстрировать стратегию **«поиска определенной идентичности»**. Сочетание позитивности и неопределенности этнической идентичности предполагает позитивное восприятие культурно-близких этнических групп и негативное – культурно-далеких. Цель реализации такой стратегии заключается в повышении определенности своей этнической (культурной) принадлежности, что было показано на примере казаков Ростовской области.

Таблица 1

Типичные психологические стратегии межкультурного взаимодействия в Южном федеральном округе

	Позитивность	Негативность
Определенность	<p>1. Принятие «чужих» культур Русские РО, Русские КК, Русские СК, Украинцы, Дагестанцы, Греки</p> <p>1. Общая этническая толерантность; 2. Близкая социальная дистанция с большинством групп региона; 3. Далекая социальная дистанция с чеченцами и цыганами; 4. Отсутствие установок на разделение по религиозному и этническому признакам; 5. Позитивные стереотипы большинства групп региона; 6. Негативные стереотипы чеченцев и цыган</p>	<p>3. Сепарация и стремление к высокому этническому статусу. Чеченцы РО, Турки-месхетинцы КК</p> <p>1. Близкая социальная дистанция с группами той же конфессии; 2. Далекая социальная дистанция с иноконфессиональными группами; 3. Наличие установок на разделение по религиозному признаку; 4. Позитивная оценка высокостатусных групп</p>

Продолжение таблицы 1

<p><i>Определенность</i></p>	<p>Общая характеристика стратегии: доминирование толерантных межэтнических установок, наличие этнической интолерантности возможно при высоком уровне воспринимаемой дискриминации.</p>	<p>Общая характеристика стратегии: стремление к интеграции по этническому и конфессиональному признакам. При высоком уровне воспринимаемой дискриминации стремление к сближению с высокостатусными группами, а так же стремление к более высокому статусу в групповой иерархии.</p>
	<p>II. <u>Юнк определеиной иенгиенности.</u> <i>Казаки РО, Казаки КК, Армяне РО, Армяне СК, Чеченцы СК, Курды КК</i></p>	<p>IV. <u>Юнк социального включения.</u> <i>Турки-месхетинцы РО</i></p>
<p><i>Неопределенность</i></p>	<p>1. Позитивные стереотипы представителей групп той же конфессии; 2. Негативные стереотипы представителей иноконфессиональных групп; 3. Большая социальная дистанция с аутгруппами; 4. Установка на разделение по этническому и религиозному признакам.</p>	<p>1. Позитивные стереотипы низкостатусных групп (цыгане); 2. Близкая социальная дистанция со всеми группами региона; 3. Общая этническая толерантность; 4. Отсутствие установок на разделение по этническому и конфессиональному признакам.</p>

Продолжение таблицы 1

<p><i>Неопределенность</i></p>	<p>Общая характеристика стратегии: неудовлетворенность имеющейся групповой идентичностью, стремление обрести определенную и позитивную групповую идентичность. Наличие интолерантности по отношению к аутгруппам дистанцирование от них. Разделение групп по этническому и конфессиональному признакам.</p>	<p>Общая характеристика стратегии: готовность к позитивному взаимодействию с представителями титульного этноса. Отсутствие этнической интолерантности по отношению к аутгруппам. Отсутствие разделения по этническому и конфессиональному признакам.</p>
--------------------------------	--	---

3) Психологическая стратегия межкультурного взаимодействия представителей групп, идентичность которых является *негативной* и *определенной*, может быть обозначена как **«сепарация и стремление к высокому этническому статусу»**. Для представителей этнических групп, реализующих данную стратегию характерны: позитивная оценка высокостатусных групп, уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами региона, установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам, а также отдаление от иноконфессиональных групп.

4) Стратегия **«поиска социального включения»**, свойственна представителям групп, обладающим *негативной* и *неопределенной* этнической идентичностью. В нашем исследовании указанная психологическая стратегия межкультурного взаимодействия была свойственна только туркам-месхетинцам Ростовской области. Для данной этнической группы были характерны следующие межгрупповые установки: уменьшение социальной дистанции со всеми группами региона, снижение установки на разделение по религиозному признаку, уменьшение этнической интолерантности. Возможно, что данная психологическая стратегия межкультурного взаимодействия отражает желание мирного сосуществования и социальной близости с представителями большинства этноконтактных групп поликультурного региона. Важно заметить, что данная классификация не была выведена теоретически, а была получена эмпирическим путем.

В новом исследовании, опираясь на вышеизложенные наработки зарубежных ученых, а также собственные исследования, авторским коллективом была поставлена цель анализа стратегий взаимодействия инокультурных мигрантов и коренного населения в различных регионах России.

В данной статье мы сравним стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания мигрантов и принимающего населения в двух поликультурных регионах: г. Москва и Ставропольский край.

Цель исследования: сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России (и их предикторов) в Москве и Ставропольском крае.

Результаты исследования и их обсуждение

Вначале сопоставим стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания мигрантов и принимающего населения в этих двух регионах (см. табл. 2-3 и рис.4).

Таблица 2

Стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания мигрантов и принимающего населения в г. Москве

Аккультурационные стратегии/ ожидания	Мигранты Москвы	Русские Москвы
Сепарация /Сегрегация	2,7	2,2
Маргинализация /Исключение	1,7	1,7
Интеграция/ Мультикультурализм	4,2	4,1
Ассимиляция / Плавильный котел	1,8	2,0

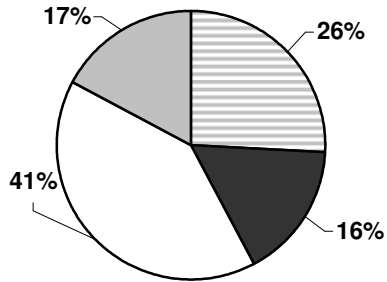
Таблица 3

Стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания мигрантов и принимающего населения в Ставропольском крае

Аккультурационные стратегии/ ожидания	Мигранты Ставрополя	Русские Ставрополя
Сепарация /Сегрегация	2,9	3,4
Маргинализация /Исключение	2,3	2,3
Интеграция/ Мультикультурализм	4,1	2,2
Ассимиляция / Плавильный котел	2,2	2,1

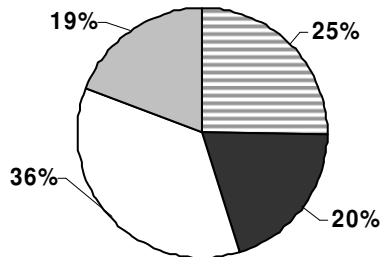
Мигранты Москвы

■ Сепарация ■ Маргинализация □ Интеграция ■ Ассимиляция

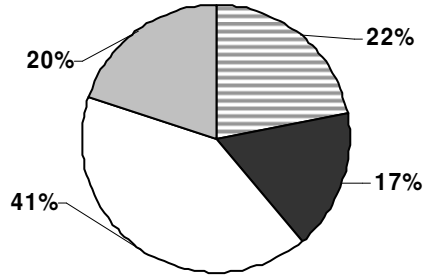
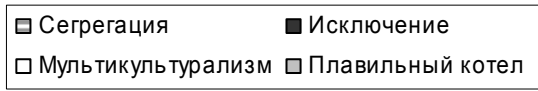
Мигранты Ставрополя

■ Сепарация ■ Маргинализация □ Интеграция ■ Ассимиляция

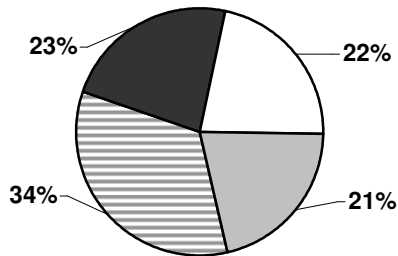

Русские Москвы

Русские Ставрополя

Рис. 4. Соотношение аккультурационных установок и ожиданий у мигрантов и принимающего населения (русских) Москвы и Ставрополя

Согласно данным таблицы 4, мы видим почти полное совпадение аккультурационных стратегий мигрантов и аккультурационных ожиданий принимающего населения: и те, и другие с большим отрывом предпочитают интеграцию/мультикультурализм, затем следует сегрегация/сепарация, потом – ассимиляция/плавильный котел и наименее предпочитаемой стратегией является маргинализация/исключение. Наибольшее несовпадение мы видим в том, что мигранты Москвы сильнее предпочитают сегрегацию, чем русские Москвы этого ожидают, в свою очередь русские Москвы больше настроены на ассимиляцию мигрантов, чем те к этому стремятся.

В Ставропольском крае картина во многом противоположная: если мигранты, как и в Москве, больше всего предпочитают интеграцию, то русские Ставрополя больше нацелены на сегрегацию (3,4 против 2,9 у мигрантов). При этом следует отметить, что их установки на интеграцию/мультикультурализм крайне низкие (2,2 против 4,1 у мигрантов).

Несмотря на то, что установки мигрантов на стратегии аккультурации в обоих регионах достаточно похожи: и те, и другие в наибольшей степени предпочитают интеграцию, а за ней – сегрегацию, наблюдаются и любопытные отличия: мигранты в Москве в наименьшей степени настроены на маргинализацию, а мигранты Ставрополя – на ассимиляцию.

В аккультурационных ожиданиях принимающего населения в этих регионах существуют очень большие отличия: русские Москвы предпочитают интеграцию мигрантов, затем – сегрегацию, ассимиляцию и исключение, а русские Ставрополя демонстрируют такие установки на аккультурацию мигрантов: сегрегация, исключение, интеграция/мультикультурализм и ассимиляция/плавильный котел.

Таким образом, при довольно сходных установках мигрантов в обоих регионах мы видим значительные отличия в аккультурационных ожиданиях принимающего населения: русские Москвы нацелены на **принятие** мигрантов и их интеграцию в свое сообщество, а русские Ставрополя – на их **отторжение** (сегрегацию и исключение).

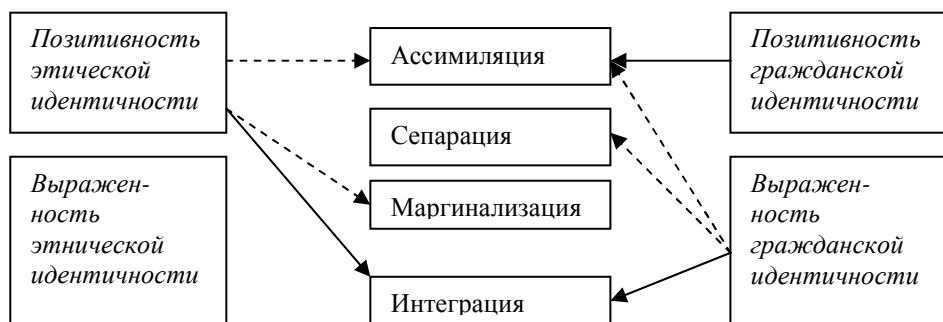
Посмотрим, какие факторы взаимосвязаны с данными стратегиями межкультурного взаимодействия в этих двух регионах. В таблицах 4–5 и на рисунках 5–6 представлены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязи предикторов (характеристик этнической и гражданской идентичности, видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии) с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Москвы.

Таблица 4

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы				R ²
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β	
Сепарация			-.24***		.06
Маргинализация		-.20**			.04
Интеграция		.30***	.26***		.07
Ассимиляция		-.24***	-.28**	.34***	.02

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис. 5. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Москвы

Таблица 5

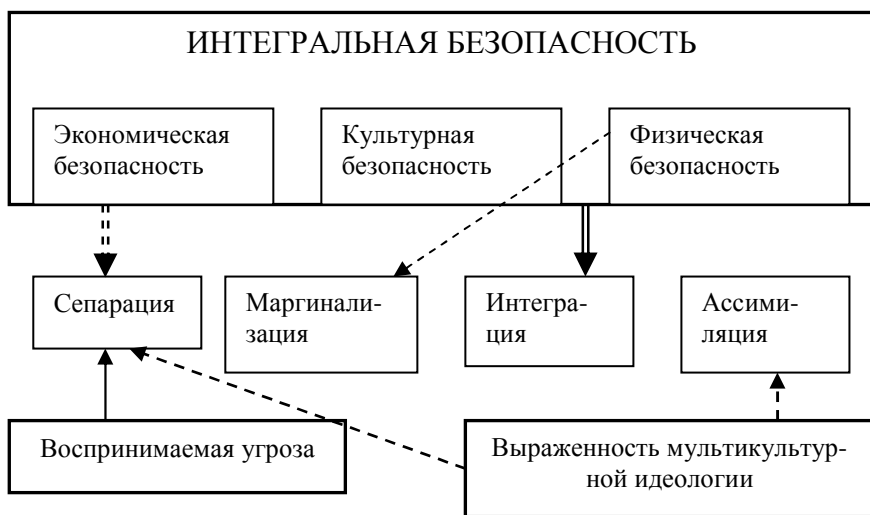
Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн β	Экономич. безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мультикульт. идеологии β	
Сепарация				-0.237***	0.168**	-0.144**	.21
Маргинализация			-0.258***				.07
Интеграция				0.198**			.04
Ассимиляция						-0.198**	.04

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Согласно результатам, представленным в таблицах и на рисунках, можно видеть, что у мигрантов в Москве **установкам на интеграцию способствуют позитивность этнической идентичности и выраженность гражданской идентичности, а также – интегральная безопасность. Выбору стратегии сепарации способствует воспринимаемая угроза.**

Позитивность этнической идентичности препятствует выбору стратегий ассимиляции и маргинализации, позитивность гражданской идентичности – выбору ассимиляции, а выраженность гражданской идентичности – выбору ассимиляции и сепарации. Физическая и интегральная безопасность и выраженность мультикультурной идеологии препятствуют выбору сепарации, ассимиляции и маргинализации.

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис. 6. Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Москвы.

В таблицах 6–7 и на рисунках 7–8 представлены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязи предикторов (характеристик этнической и гражданской идентичности, видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии) с аккультурационными стратегиями русских г. Москвы.

Таблица 6

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными ожиданиями русских г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы				R ²
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β	
Сегрегация		.16**	-.25***		.04
Исключение			-.27***		.06
Мультикультурализм				.16**	.01
Плавильный котел		-.16**			.009

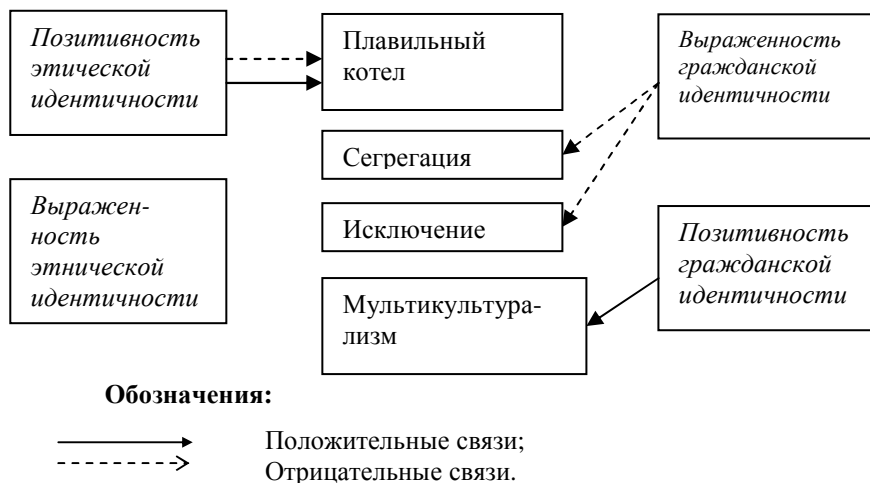
* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Таблица 7

Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными ожиданиями русских г. Москвы

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн β	Экономич. безопасн. β	Физиическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мультикульт. идеологии β	
Сепарация	-0.16***	-0.14**			0.24***		.02
Исключение					0.39***	- 0.22** *	.25
Мультикультурализм					- 0.26***	0.29** *	.65
Плавильный котел				-0.10*	0.27***	-0.23**	.01

* - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

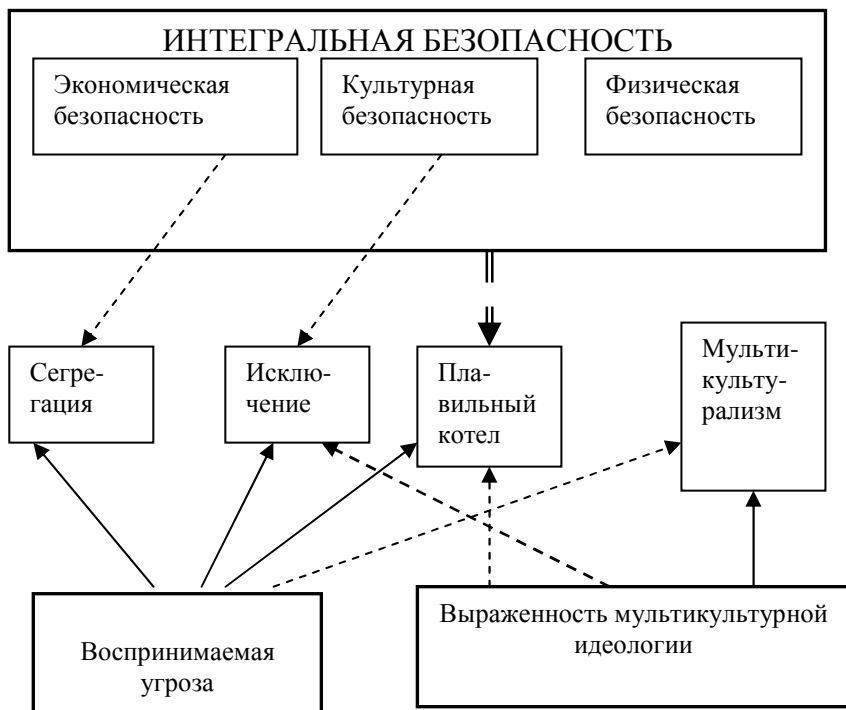

Рис. 7. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными ожиданиями русских г. Москвы

Согласно результатам, представленным в таблицах и на рисунках, можно видеть, что у русских (представителей принимающего населения в Москве) **установкам на интеграцию/мультикультурализм способствуют позитивность гражданской идентичности и выраженность мультикультурной идеологии. Выбору стратегии сегрегации способствуют позитивность этнической идентичности и воспринимаемая угроза. Выбору стратегий исключения и плавильного котла также способствует воспринимаемая угроза.**

Позитивность этнической идентичности отрицательно связана с «деструктивными» для общества стратегиями мигрантов – «ассимиляция», «маргинализация», «сепарация». Можно передоложить, что позитивность этнической идентичности носит «защитную» функцию и препятствует выбору «деструктивных» стратегий.

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис.8. Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными ожиданиями русских г. Москвы

Далее рассмотрим взаимосвязь характеристик гражданской идентичности и аккультурационных стратегий у мигрантов Ставропольского края и русских (принимающего населения) г. Ставрополя. В таблице 8 представлены результаты множественного регрессионного анализа, показывающего взаимосвязь характеристики этнической и гражданской

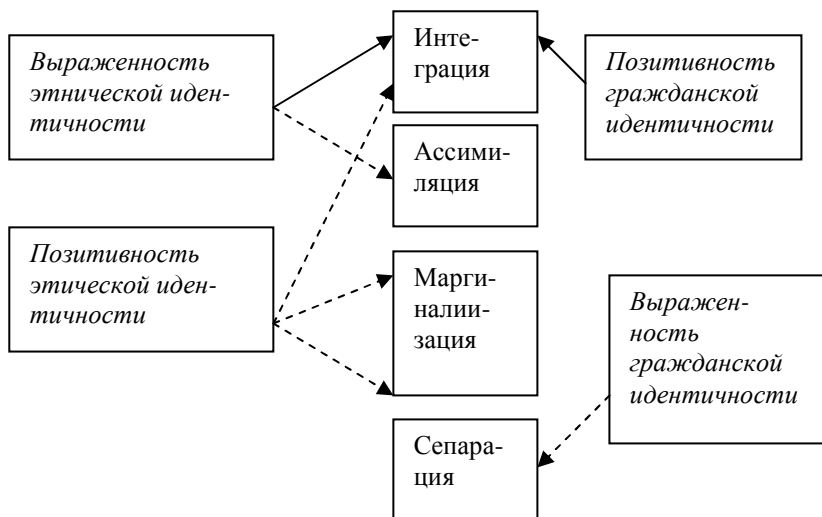
идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Ставрополя.

На рис. 9 для облегчения восприятия, в виде схемы приведены результаты множественного регрессионного анализа. Результаты регрессионного анализа показывают, что у мигрантов в Ставропольском крае, гражданская и этническая идентичность имеет большое значение для их успешной адаптации в регионе. Данные виды идентичности взаимосвязаны со стратегиями аккультурации мигрантов. Позитивность гражданской (русской) идентичности положительно связана со стратегией интеграции, а значит, может способствовать ее выбору. Выраженность гражданской (русской) идентичности отрицательно связана со стратегией «сепарация», следовательно, может препятствовать сепарации мигрантов.

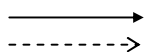
Таблица 8

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Ставрополя

Зависимые переменные	Предикторы				R ²
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β	
Сепарация		-.13*	-.17**		.04
Маргинализация		-.49***			.24
Интеграция	.20***			.31***	.04
Ассимиляция	-.13*	-.41***			.01

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис. 9. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Ставрополя

Выраженность и позитивность этнической идентичности мигрантов имеют множество связей со стратегиями их аккультурации. Выраженность позитивно связана со стратегией интеграции и отрицательно со стратегией ассимиляции. Выраженность этнической идентичности мигрантов – это сохранение и подчеркивание своего этнического «Я». Именно это позволяет дистанцироваться от ассимиляции и быть готовым к интеграции – то есть входить в общество, сохраняя свою этничность и культуру.

Рассмотрим взаимосвязи различных видов угроз с предпочтениями аккультурационных стратегий/ожиданий у мигрантов Ставропольского края. В таблице 9 приводятся результаты множественного регрессионного анализа, а на рисунке 10 обнаруженные с помощью регрессионного анализа взаимосвязи приведены в виде схемы.

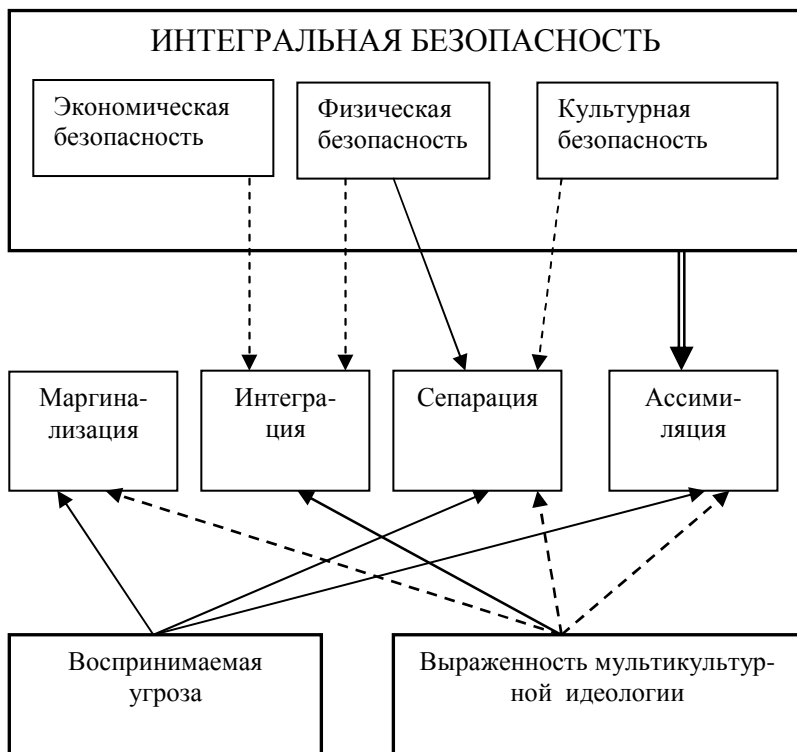
Таблица 9

Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Ставрополя

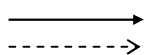
Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасн β	Экономич. безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мультикульт. идеологии β	
Сепарация	-0.15*		0.13*		0.14*	-0.34***	.19
Маргинализация					0.30***	-0.35***	.17
Интеграция		-0.13*	-0.13*			0.20**	.05
Ассимиляция				0.14*	0.24***	-0.36***	.17

Как видно на схеме и в таблице, экономическая безопасность мигрантов отрицательно связана с ориентацией на стратегию «интеграция», физическая – отрицательно связана с интеграцией и положительно – с сепарацией, а культурная безопасность – отрицательно связана со стратегией «сепарация». Каков смысл данных связей? По всей видимости, они указывают на то, что когда мигранты ощущают свою экономическую, физическую безопасность – они настроены скорее

на сепарацию, чем на интеграцию с принимающим населением. Однако усреднение показателей по всем трем видам безопасности, составляющее индекс интегральной безопасности, дает положительную связь со стратегией «ассимиляция».

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис. 10. Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными стратегиями мигрантов г. Ставрополя

Высокая воспринимаемая угроза, если судить по направленности регрессионных связей (положительная связь со стратегиями «маригализация», «сепарация», «ассимиляция»), не будет способствовать успешной адаптации мигрантов в поликультурном регионе, либо будет вынуждать выбирать их деструктивную для себя стратегию «ассимиляция».

Более продуктивной для успешной адаптации мигрантов является их ориентация на мультикультурную идеологию. Ориентация на мультикультурную идеологию позитивно связана со стратегией интеграции и отрицательно со всеми остальными стратегиями.

Таким образом, адаптации мигрантов в Ставропольском крае по типу интеграции способствует выраженность этнической и позитивность гражданской идентичности, а также – мультикультурная идеология. Адаптации по типу сепарации способствует ощущение физической безопасности и воспринимаемая угроза, а воспринимаемая угроза в сочетании с интегральной безопасностью стимулирует мигрантов к адаптации по типу ассимиляции.

В таблице 10 и на рис. 11 аналогичным образом представлены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей характеристик гражданской и этнической идентичности у принимающего населения Ставропольского края (русских). Как видно в таблице и на рисунке у принимающего населения обнаружено мало регрессионных связей между рассматриваемыми параметрами.

Гражданская идентичность совсем не обнаружила связей с аккультурационными ожиданиями русских. Выраженность этнической идентичности положительно связана с аккультурационным ожиданием сегрегации, а позитивность этнической идентичности имеет отрицательную связь с сегрегацией.

Таблица 10

Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными ожиданиями русских г. Ставрополя

Зависимые переменные	Предикторы				R ²
	Выраж. этн. идентичн. β	Позитив. этн. идентичн. β	Выраж. гражд. идент. β	Позитив. гражд. идент. β	
Сегрегация	.49***	-.26*			.12
Исключение					
Мультикультурализм					
Плавильный котел					

Как видно в таблице и на рисунке у принимающего населения обнаружено мало регрессионных связей между рассматриваемыми параметрами.

Обозначения:

—————> Положительные связи;
 - - - - -> Отрицательные связи.

Рис. 11. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными ожиданиями русских г. Ставрополя

В таблице 11 и на рис. 12 аналогичным образом представлены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей интегральной безопасности, воспринимаемой угрозы и ориентации на мультикультурную идеологию у принимающего населения Ставропольского края (русских).

Таблица 11

Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными ожиданиями русских г. Ставрополя

Зависимые переменные	Предикторы						R ²
	Культурная безопасность β	Экономическая безопасн. β	Физическая безопасн. β	Интегральная безопасн. β	Восприн. угроза β	Выраж. мультикульт. идеологии β	
Сегрегация							
Исключение	-0.16***				0.31**		.09
Интеграция							
Плавильный котел						-0.37**	.014

Воспринимаемая угроза у русских позитивно связана с аккультурационным ожиданием «Исключение», а выраженность мультикультурной отрицательно связана с аккультурационным ожиданием «Плавильный котел». Интегральная безопасность не показала ни одной взаимосвязи с аккультурационными ожиданиями принимающего населения Ставропольского края.

Таким образом, можно заключить, что у принимающего населения (русских) ожидание угрозы от мигрантов будет способствовать стремлению отдалиться от них, исключить их из межкультурного взаимодействия. Ориентация на мультикультурную идеологию будет препятствовать развитию ассимиляционистской идеологии (аккультурационное ожидание «Плавильный котел»), однако с аккультурационным ожиданием «Мультикультурализм» данный параметр оказался не связан.

Рис. 12. Взаимосвязь различных видов безопасности и выраженности мультикультурной идеологии с аккультурационными ожиданиями русских г. Ставрополя

Таким образом, ни один из исследованных нами предикторов (характеристики идентичности, виды безопасности, воспринимаемая угроза и мультикультурная идеология) не показал значимых связей с установкой русских в Ставропольском крае на принятие мигрантов, их интеграцию в свое сообщество. Установке на сегрегацию мигрантов способствует выраженность этнической идентичности русских Ставрополья и препятствует – ее позитивность. Выраженность мультикультурной идеологии препятствует установкам русских на ассимиляцию мигрантов, а воспринимаемая угроза способствует установке на их исключение.

В целом, сопоставляя оба региона, можно выделить сходные и различные тенденции в аккультурации мигрантов и принятии мигрантов населением региона.

Главное сходство заключается в том, что в обоих регионах наблюдается совпадение в иерархии предпочтений стратегий аккультурации мигрантов двух данных регионов. Обе группы предпочитают интеграцию, затем – сепарацию, ассимиляцию, и наименее предпочитаемой стратегией является маргинализация.

В обоих регионах характеристики этнической и гражданской идентичности у мигрантов обнаруживают больше взаимосвязей с аккультурационными стратегиями, чем характеристики идентичности с аккультурационными ожиданиями русских. Это говорит о том, что для адаптации мигрантов состояние их этнической/гражданской идентичности играет более важную роль в выборе стратегии аккультурации, чем для аккультурационных ожиданий русских.

Различия во взаимосвязях характеристик этнической/гражданской идентичности со стратегиями аккультурации/аккультурационными ожиданиями у мигрантов и принимающего населения в обоих регионах представлены *количеством* обнаруженных взаимосвязей. Принципиальных *качественных различий* в роли тех или иных характеристик граж-

данской/этнической идентичности для выбора стратегий аккультурации /аккультурационных ожиданий не обнаружено.

В обоих регионах воспринимаемая угроза у принимающего населения может способствовать стремлению к исключению мигрантов из общественной жизни региона и сферы межэтнического взаимодействия. Также в обоих регионах выраженность мультикультурной идеологии способствует снижению ориентации принимающего населения на такую ассимиляционистскую стратегию как «плавильный котел».

Такие факторы как воспринимаемая угроза и выраженность мультикультурной идеологии, по своей сути, одинаково взаимосвязаны со стратегиями аккультурации у мигрантов в обоих регионах, различие лишь в количестве обнаруженных взаимосвязей.

Интегральная безопасность и ее компоненты демонстрируют довольно интересные различия в формировании аккультурационных стратегий мигрантов в данных регионах. В Москве интегральная безопасность препятствует выбору стратегии сепарации, и такой ее компонент как физическая безопасность препятствует выбору стратегии маргинализации мигрантами. В Ставрополье роль интегральной безопасности оказывается не столь «продуктивной». Такие ее компоненты как экономическая и физическая безопасность препятствуют выбору стратегии интеграции, а физическая безопасность способствует ориентации на стратегию сепарации. Интегральная безопасность как целостный конструкт положительно связана со стратегией ассимиляции. Таким образом, если в Москве, столице России, ощущение собственной безопасности может способствовать стремлению к интеграции мигрантов в жизнь мегаполиса, то на юге России могут быть иные тенденции. Ощущение собственной безопасности у мигрантов там может способствовать скорее тенденциям выбора стратегии сепарации. Возможно, это различие обусловлено положением региона. Юг России традиционно заселялся выходцами с Северного Кавказа и Закавказья, по-

этому близость родных земель, схожий климат, и, отчасти, культурная обстановка, могут способствовать, при уверенности в собственной безопасности, тенденциям к ориентации мигрантов на стратегию сепарации.

Выводы

1. Сравнение взаимных аккультурационных стратегий и ожиданий в Москве и Ставропольском крае показал, что существуют разные модели межкультурного взаимодействия мигрантов в этих регионах, первую модель можно условно назвать «Интеграция», вторую – «Сегрегация».

2. Сравнительный анализ аккультурационных стратегий мигрантов и аккультурационных ожиданий принимающего населения в г. Москве показал почти полное их совпадение, обе группы с большим отрывом предпочитают интеграцию/мультикультурализм, затем - сепарацию/сегрегацию, ассимиляцию/плавильный котел и наименее предпочитаемой стратегией является маргинализация /исключение. Наибольшее несовпадение выявилось в том, что мигранты Москвы сильнее предпочитают сепарацию, чем русские Москвы этого ожидают, русские Москвы, в свою очередь, больше настроены на ассимиляцию мигрантов, чем те к этому стремятся.

3. В Ставропольском крае предпочитаемые аккультурационные стратегии мигрантов и аккультурационные ожидания принимающего населения не совпадают: мигранты больше всего предпочитают интеграцию, а русские Ставрополя нацелены на сегрегацию.

4. Установкам на интеграцию мигрантов в Москве способствуют позитивность этнической идентичности и выраженность гражданской идентичности, а также – интегральная безопасность. Выбору стратегии сепарации способствует воспринимаемая угроза.

5. Адаптации мигрантов в Ставропольском крае по типу интеграции способствует выраженность этнической и позитивность гражданской идентичности мигрантов, а также – мультикультурная идеология. Адаптации по типу сепарации способствует ощущение физической безопасности и воспринимаемая угроза, а воспринимаемая угроза в сочетании с интегральной безопасностью стимулирует мигрантов к адаптации по типу ассимиляции.

6. Установкам на интеграцию /мультикультурализм представителей принимающего населения в Москве способствуют позитивность гражданской идентичности и выраженность мультикультурной идеологии. Выбору стратегии сегрегации способствуют позитивность этнической идентичности и воспринимаемая угроза. Выбору стратегий «Исключение» и «плавильного котла» также способствует воспринимаемая угроза.

7. У принимающего населения Ставропольского края выраженность этнической идентичности положительно связана с аккультурационным ожиданием «Сегрегация», а позитивность этнической идентичности имеет отрицательную связь с сегрегацией, то есть может препятствовать выбору данной стратегии. Воспринимаемая угроза у русских позитивно связана с аккультурационным ожиданием «Исключение», а выраженность мультикультурной идеологии отрицательно связана с аккультурационным ожиданием «Плавильный котел».

8. На примере Ставропольского края зафиксирован интересный феномен: когда мигранты ощущают свою экономическую и физическую безопасность – они настроены скорее на сепарацию, чем на интеграцию с принимающим населением.

9. Опираясь на результаты множественного регрессионного анализа можно сказать, что у мигрантов Ставропольского края характеристики этнической и гражданской идентичности, интегральная безопасность, воспринимаемая

угроза, играют значительно большую роль при выборе их стратегий аккультурации, чем аналогичные показатели у русских в их аккультурационных ожиданиях.

10. В целом роль социально-психологических факторов (этническая и гражданская идентичность, интегральная безопасность, воспринимаемая угроза, выраженность мультикультурной идеологии) в выборе стратегий аккультурации у мигрантов или аккультурационных ожиданий у принимающего населения сходна в Москве и Ставропольском крае. Различия можно наблюдать, преимущественно, в количествах статистических взаимосвязей, но по своему смыслу эти взаимосвязи очень похожи (за исключением роли интегральной безопасности у мигрантов Москвы и Ставрополя).

Литература

1. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Кросскультурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 252–285.
2. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. – Т. 24. – 2003. – № 5. – С.31–45.
3. *Павленко В.Н.* Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Изд-во «Смысл», 2001. – С. 25–39.
4. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. – М., 2003. – 337 с.

5. Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Изд-во «Питер», 2003. – С. 657–709.
6. Ben-Shalom U., Horenczyk G. Acculturations orientations. A Facet Theory Perspective on the Bidimensional Model // J. of Cross-Cultural Psychology. – 2003. – Vol. 34 (2). – P. 176–188.
7. Berry J.W. Acculturative Stress // Psychology and Culture /Ed. by. W.J. Lonner, R.S. Malpass. – N.Y., 1994.
8. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. – Oxford, Pergamon, 1982.
9. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. – Oxford, Pergamon, 1982.
10. Gordon M. Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origins. – N.Y., 1964.
11. Hutnik N. Ethnic Minority Identity: A Social Psychological Perspective. – Oxford, 1991.
12. Le Vine R., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. – N.Y.: Wiley, 1972.
13. Moghaddam F. Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process // International J. of Intercultural Relations. 1993. – Vol. 28. – P. 727–741.
14. Moghaddam F.M. Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // Ethnic Psychology: Research and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners. – Amsterdam; Lisse, 1988. –P. 69–77.
15. Sam D.L. & Berry J.W. (Eds). The Cambridge handbook of acculturation psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевые эмпирические исследования, результаты которых представлены в этом сборнике, выполнены в русле нового теоретического подхода, объединяющего теории аккультурации и межкультурного взаимодействия (Международный проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies). Проведен социально-психологический опрос представителей 16-и этнических групп в Москве, Пензе, Ставрополе, Кабардино-Балкарии и Чечне. Общий объем выборки составил 1920 респондентов.

В настоящем исследовании впервые проведено сопоставление аккультурационных ожиданий русских в регионах с высоким миграционным сальдо – Москве, Ставрополье, Пензе. Впервые изучены взаимосвязи выбора различных стратегий аккультурации трудовых мигрантов и показателей их психологического здоровья и благополучия. По результатам регрессионного анализа построены эмпирические модели взаимосвязи характеристик идентичности, интегральной угрозы и мультикультурной идеологии трудовых мигрантов и принимающего населения с их установками на стратегии межкультурного взаимодействия.

Было выявлено, что в Москве у русских и мигрантов преобладают установки и ожидания аккультурации по типу интеграции (овладения навыками обеих культур). На втором месте у обеих групп – предпочтения аккультурации по типу сепарации (преобладают у мигрантов), далее – установки на ассимиляцию или плавильный котел (преобладают у доминирующего общества). Наименее предпочитаемой для обеих групп является стратегия маргинализации (или исключения). Показано, что в целом, мигранты – россияне (выходцы из республик Северного Кавказа) более успешно адаптированы в Москве, чем иностранные мигранты из государств Закавказья и Китая.

Результаты регрессионного анализа показали, что наиболее позитивными факторами, влияющими на адаптацию москвичей к поликультурности города и принятие трудовых мигрантов являются выраженность и позитивность гражданской идентичности, культурная, экономическая и интегральная безопасность и мультикультурная идеология.

Выявлено, что лучшей адаптации трудовых инокультурных мигрантов способствуют: выраженная гражданская и позитивная этническая идентичность, культурная, физическая и интегральная безопасность и мультикультурная идеология. При этом воспринимаемая угроза серьезно осложняет взаимную адаптацию представителей доминирующего этноса и трудовых инокультурных мигрантов в столичном мегаполисе.

В основе этнической толерантности русских лежит приверженность мультикультурной идеологии и базовое ощущение безопасности, особенно культурной. Для этнической толерантности мигрантов и их стремления к включению в социум большое значение имеет позитивность их гражданской (российской) идентичности, ощущение физической безопасности и отсутствие воспринимаемой дискриминации.

Выявлено, что русские жители г. Москвы не обладают базовым чувством безопасности в ситуации притока инокультурных мигрантов. Особенно низки ощущения физической и экономической безопасности (отсутствие боязни за свое здоровье и конкуренции за рабочие места). Результаты свидетельствуют о том, что принимающее население испытывает повышенную тревожность при притоке инокультурных мигрантов, но реальной угрозы, исходящей от мигрантов, практически нет.

При построении взаимоотношений с мигрантами наибольшее предпочтение жителями Москвы отдается стратегии «Мультикультурализм». Более половины остальных выборов приходится на три другие стратегии: «Плавильный котел», «Сегрегация» и «Исключение», которые считаются ме-

нее благоприятными для толерантных межэтнических отношений в поликультурном обществе. Поэтому необходима дальнейшая работа по формированию у принимающего населения г. Москвы мультикультурных установок. В целом, наличие интегральной безопасности принимающего населения благоприятно сказывается на его отношениях с мигрантами, а также способствует принятию и интеграции их в свою среду.

С помощью регрессионного анализа выявлены взаимосвязи аккультурационных стратегий мигрантов с их психологическим благополучием, психологическим здоровьем и социокультурной адаптацией:

А) мигранты, предпочитающие стратегию маригнализации, менее удовлетворены собой и жизнью;

Б) выбор стратегии ассимиляции негативно сказывается на на социокультурной адаптации мигрантов, удовлетворенности собой и психологическом здоровье: повышается уровень депрессии и тревожности.

Мигранты из Чечни в Москве, выбирающие стратегию «Сепарация», более удовлетворены собой, вероятно, потому, что выбором данной стратегии они сохраняют целостность своей Я-концепции, а чеченцы, предпочитающие стратегию ассимиляции, более подвержены депрессии, тревожности и менее удовлетворены жизнью. Позитивная этническая идентичность способствует уменьшению уровня депрессии и тревожности у мигрантов и способствует их социокультурной адаптации.

Сравнение адаптации внешних (из стран СНГ) и внутренних (из регионов России) мигрантов показало, что люди, являющиеся внешними и внутренними мигрантами, обладают разными психологическими установками и переживают разные психологические состояния в ситуации миграции. Внутренние мигранты в мегаполисе чувствуют себя в большей безопасности, чем внешние, а сравнение их взаимных уста-

новок показало, что внешние мигранты хуже относятся к внутренним, чем внутренние – к внешним.

Сравнение взаимных аккультурационных стратегий и ожиданий в Москве и Ставропольском крае показал разные модели межкультурного взаимодействия мигрантов в этих регионах, первую модель можно условно назвать «Интеграция», вторую – «Сегрегация».

Сравнительный анализ аккультурационных стратегий мигрантов и ожиданий принимающего населения в Москве показал почти полное их совпадение, а в Ставропольском крае стратегии мигрантов и ожидания принимающего населения не совпадают. Установкам на интеграцию мигрантов в Москве способствуют интегральная безопасность, позитивность этнической и выраженность гражданской идентичности, в Ставропольском крае – мультикультурная идеология, выраженность этнической и позитивность гражданской идентичности мигрантов.

Установкам на интеграцию представителей принимающего населения в Москве способствуют позитивность гражданской идентичности и выраженность мультикультурной идеологии. У принимающего населения Ставропольского края выраженность этнической идентичности способствует установкам на сегрегацию, а воспринимаемая угроза – установкам на исключение.

На примере Ставропольского края зафиксирован интересный феномен: когда мигранты ощущают свою экономическую, физическую, культурную безопасность, они настроены скорее на сепарацию, чем на интеграцию с принимающим населением.

Проведенные эмпирические исследования показали важнейшую роль культурных факторов в обеспечении успешной взаимной адаптации. Один из этих факторов – сохранение позитивности культурной идентичности, которое способствует установкам этнической толерантности, равенства и готовности к интеграции с обеих сторон. Другим важ-

ным фактором является выраженность и позитивная валентность гражданской идентичности, которое служит объединяющим началом для всех этнокультурных групп, проживающих в России. Очень важным фактором взаимной адаптации является ощущение безопасности (культурной, экономической, интегральной), его отсутствие ведет к предубеждениям и межэтнической нетерпимости.

Обеспечить позитивное воздействие этих факторов может идеология мультикультурализма, т.е. признание права каждого человека (и народа) сохранять свою культурную самобытность, если он того желает. Данный фактор оказался наиболее мощным и наиболее универсальным для всех исследуемых групп.

Результаты данных исследований представляют несомненный интерес для разработки практических мер, способствующих более успешной взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в поликультурных регионах России.

НАШИ АВТОРЫ

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии, зав. Научно-учебной Лабораторией социально-психологических исследований факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Татарко Александр Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, старший научный сотрудник Научно-учебной Лаборатории социально-психологических исследований ф-та психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Галяпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики управления образованием ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет».

Ефремова Мария Викторовна, аспирант кафедры организационной психологии, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории социально-психологических исследований факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Богтаева Зарина Хизировна, аспирант обучения кафедры организационной психологии факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Гарибян Карина Давидовна, научный сотрудник Научно-учебной Лаборатории социально-психологических исследований факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики

Кравченко Андрей Олегович, выпускник магистратуры, стажер-исследователь Научно-учебной Лаборатории социально-психологических исследований факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Жмакин Борис Игоревич, выпускник магистратуры факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

Бурэ Анна Семёновна, студентка магистратуры факультета социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, специализация: Прикладные методы социального анализа рынков.

Приложение 1

Анкета для опроса представителей принимающего населения

Дорогой друг!

Вы принимаете участие в международном исследовании, посвященном миграции и межэтническим отношениям в России. Пожалуйста, внимательно читайте инструкции к вопросам и отвечайте искренне и полно, не пропуская ни одного вопроса. Нам очень важно Ваше мнение по каждому вопросу.

1. Сколько Вам лет? _____

2. Ваш пол?

- Женский
- Мужской

3. Какое у Вас образование?

- Нет образования
- Учился в начальной школе, но не окончил
- Закончил начальную школу
- Учился в средней школе, но не окончил
- Общее среднее образование
- Неоконченное среднее специальное
- Среднее специальное (техникум, колледж)
- Неоконченное высшее
- Высшее
- Имею учёную степень
- Затрудняюсь ответить

4. Какую религию Вы исповедуете?

- Не исповедую никакой религии
- Иудаизм
- Протестантизм
- Ислам
- Католичество
- Буддизм
- Православие
- Индуизм
- Язычество, анимизм
- Другая религия _____
- Григорианство _____

Как бы Вы оценили уровень своей религиозности?

Я убежденный атеист _____ Безразличен к религии _____ Допускаю существование Высших Сил _____ Я верующий человек _____ Я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии _____

5. Ваша профессия (род деятельности)?

- Работа не требующая квалификации (уборщик, грузчик, землекоп и т.д.)
- Квалифицированный рабочий (техник, плотник, парикмахер, швея и т.д.)
- Офисный работник, клерк, менеджер по продажам, секретарь, предприниматель малого бизнеса
- Специалист: врач, юрист, преподаватель, управляющий, администратор
- В настоящее время не работаю:
- безработный пенсионер домохозяйка
- студент

Если Вы сейчас не работаете, какова ваша обычная работа? _____

Другое (поясните): _____

Не знаю

6. Ваша собственность

У Вашей семьи есть телефон? Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть стиральная машина, микроволновая печь?
Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть собственный автомобиль, фургон или грузовик? Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть компьютер? Да ___ Нет ___

7. Ваша национальность?

[Русский/ ая]

Другая _____

Национальность Ваших родителей? (можете назвать до 3 национальностей для каждого из родителей):

Отца _____

Матери _____

8. Вы сейчас состоите в браке? Да ___ Нет ___

Если Вы сейчас не состоите в браке, раньше Вы были женаты (замужем)? Да ___ Нет ___

Ваш супруг (-а) Вашей национальности? Да ___

Нет ___

Если нет, то какой? _____

Если Вы не состоите в браке, хотели бы Вы создать семью с представителем своей национальности?

Да ___ Нет ___ У меня нет предпочтений в этом вопросе ___

9. Какое определение в наибольшей степени соответствует Вашему окружению?

Почти все вокруг меня – люди другой национальности

Большинство людей вокруг меня – другой национальности

Вокруг меня примерно поровну людей моей национальности и других национальностей

Большинство окружающих меня людей – моей национальности

Почти все люди вокруг меня – моей национальности

10. В какой стране Вы родились?

в России

В другой стране. Какой именно? _____

Если Вы родились в другой стране, жили ли Вы где-либо ещё до того, как переехать в Россию?

Да ___ Нет ___

В какой стране? _____

Если Вы родились в другой стране, в каком возрасте Вы переехали в Россию? В ___ лет

11. Далее идут вопросы о языках. При ответе на них, выберите наиболее подходящий вариант.

а. На каком языке Вы говорите дома?

Я говорю на родном ( ) языке.

Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ].

Всегда [ ].

Я говорю на русском языке. Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ]. Всегда [ ].

Я говорю на местном диалекте русского языка.

Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ].

Всегда [ ]

б. На каком языке Вы говорите в районе, населенном пункте, где проживаете (делая покупки и т.д.)

Я говорю на ( ) языке. Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ]. Всегда [ ].

Всегда [ ].

Я говорю на русском языке. Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ]. Всегда [ ].

Я говорю на местном диалекте русского языка.

Никогда [ ]. Редко [ ]. Половину времени [ ]. Часто [ ].

Всегда [ ].

с. Насколько свободно Вы:

(а) *понимаете русский язык?* Нет [ ]. Немного [ ]. Удовл-но [ ]. Вполне хорошо [ ]. В совершенстве [ ].

(б) *говорите на русском языке?* Нет [ ]. Немного [ ].

Удовл-но [ ]. Вполне хорошо [ ]. В совершенстве [ ].

(с) *читаете на русском языке?* Нет [ ]. Немного [ ].
Удовл-но [ ]. Вполне хорошо [ ]. В совершенстве [ ].
(д) *пишете на русском языке?* Нет [ ]. Немного [ ]. Удовл-
но [ ]. Вполне хорошо [ ]. В совершенстве [ ].

**12. Несколько вопросов о Ваших друзьях и знакомых.
Отметьте наиболее подходящий вариант ответа.**

а. Сколько у Вас близких друзей?

Блиzkих друзей – русских. Ни одного [ ]. Только
один [ ]. 2-3 [ ]. Несколько [ ]. Много [ ].

Блиzkих друзей другой национальности ( ). Ни одного
[ ]. Только один [ ]. 2-3 [ ]. Несколько [ ]. Много [ ].

б. Как часто Вы встречаетесь с

Блиzkими друзьями – русскими? Никогда [ ]. Редко [ ]. Ино-
гда [ ]. Часто [ ]. Каждый день [ ].

Блиzkими друзьями другой национальности (.....). Нико-
гда [ ]. Редко [ ]. Иногда [ ]. Часто [ ]. Каждый день [ ].

**13. Как часто Вы путешествовали в течение последних 5
лет?:**

По своему региону. Ни разу [ ]. Однажды [ ]. Дважды [ ].
Несколько раз [ ]. Много раз [ ].

По своей стране. Ни разу [ ]. Однажды [ ]. Дважды [ ].
Несколько раз [ ]. Много раз [ ].

За границей. Ни разу [ ]. Однажды [ ]. Дважды
[ ]. Несколько раз [ ]. Много раз [ ].

Были ли эти поездки (отметьте все подходящие варианты): [ ] на отдых [ ] на учёбу [ ] по работе?

В течение последних 5 лет сколько месяцев всего вы провели вне места своего постоянного проживания?

_____ месяцев

14. Люди могут осознавать себя по-разному. Например, они могут чувствовать себя представителями определенной этнической группы (например, татарами) и, одновременно, представителями своей страны, государства (например, россиянами). Следующие вопросы относятся к тому, как Вы себя ощущаете в этом смысле.

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
a					
	Я считаю себя русским	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
	Я считаю себя гражданином России	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
	Я считаю себя представителем другой этнической группы (какой?_____)	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
b	Я ощущаю себя частью русской культуры	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
	Я горжусь тем, что я русский	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
c	Я счастлив быть русским	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
d	Я чувствую себя частью российской культуры	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
e	Я горд быть россиянином	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
f	Я счастлив быть россиянином	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
g		[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

h	Принадлежать к русской культуре обременительно для меня	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
i	То, что я – русский, причиняет мне неудобства	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
j	Принадлежать к русской культуре – счастье для меня	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
k	Мне приятно быть русским	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

15. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие. Свободно используйте все цифры от 1 до 5 для определения разной степени вашего согласия или несогласия

1	В этой стране есть место разнообразию языков и культур.	1	2	3	4	5
2	Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне.	1	2	3	4	5
3	Изучение других языков заставляет нас забывать свои культурные традиции.	1	2	3	4	5
4	Меня мало беспокоит утрата моей культурной идентичности.	1	2	3	4	5
5	Будучи россиянином, я ощущаю свою культуру в безопасности.	1	2	3	4	5
6	Высокий уровень безработицы - серьезная причина для беспокойства	1	2	3	4	5
7	Эта страна достаточно преуспевающая и богатая для того, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности.	1	2	3	4	5
8	Высокие налоги не позволяют покупать предметы первой необходимости.	1	2	3	4	5
9	Люди слишком много заботятся о материальных проблемах.	1	2	3	4	5

10	Сегодня шансы человека прожить более безопасную и легкую жизнь выше, чем когда-либо прежде.	1	2	3	4	5
11	Наше общество вырождается и, вероятно, скоро превратится в хаос.	1	2	3	4	5
12	Сообщения о безнравственности людей в нашем обществе сильно преувеличены.	1	2	3	4	5
13	Вероятность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится всё выше.	1	2	3	4	5

16. Оцените степень своего согласия со следующими утверждениями:

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее со- гласен	Абсолютно согласен	
1	Я считаю, что иммигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2	Для иммигрантов не важно владеть в совершенстве ни родным, ни русским языком	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3	Иммигрантам не следует участвовать в деятельности как российских организаций, так и своих этнических групп	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4	Иммигрантам следует участвовать только в тех видах деятельности, где участвуют члены их этнической группы	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5	Иммигранты должны владеть в совершенстве и родным и русским языками.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6	Иммигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только россияне	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
7	Я считаю, что иммигрантам не					

	важно как поддерживать свои культурные традиции, так и усваивать русские	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
8	Иммигрантам важнее владеть в совершенстве родным языком, чем русским	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
9	Я считаю, что иммигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
10	Я считаю, что иммигранты должны осваивать русские культурные традиции и не поддерживать собственные	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
11	Иммигрантам следует дружить только с россиянами	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
12	Иммигрантам важнее владеть в совершенстве русским языком чем родным	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
13	Иммигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
14	Иммигранты должны иметь друзей только своей национальности	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
15	Иммигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют и россияне, и представители их этнической группы	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
16	Иммигрантам следует иметь друзей и своей национальности, и русских	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

17. Когда люди разных национальностей проживают совместно, они могут ощущать себя несправедливо притесняемыми. Следующие вопросы касаются подобных ситуаций. В скобках укажите название этнической группы.

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недобро-желательно по отношению к русским	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я чувствую, что ( ) меня не принимают	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я чувствую, что ( ) что-то имеют против меня	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

18. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие.

1	Нам следует признать, что культурное и расовое многообразие – фундаментальная характеристика Российского общества	1	2	3	4	5
2	Мы должны помогать культурным и расовым меньшинствам сохранять своё культурное наследие в России	1	2	3	4	5

3	Лучше всего для России было бы, если бы все люди забыли своё разное культурное и этническое происхождение как можно скорее	1	2	3	4	5
4	Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем	1	2	3	4	5
5	Единство страны ослабляется представителями разных этнических и культурных групп, живущими по своим традициям	1	2	3	4	5
6	Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять для себя	1	2	3	4	5
7	В обществе с разнообразием этнических или культурных групп гораздо больше проблем с национальным единством, чем в обществе с 1-2 основными культурными группами	1	2	3	4	5
8	Мы должны стараться узнать больше о традициях и культурном наследии разных этнических групп, проживающих в нашей стране	1	2	3	4	5
9	Иммигранты (представители этнических меньшинств) должны поощрять своих детей в сохранении культуры и традиций своей родины	1	2	3	4	5
10	Люди, приехавшие в Россию (регион), должны изменить своё поведение, чтобы стать похожими на нас (россиян/местных жителей)	1	2	3	4	5

19. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие.

1	Вступать в межрасовые/межнациональные браки – плохая идея	1	2	3	4	5
2	Люди других рас и национальностей не должны «лезть» туда, где их не хотят видеть	1	2	3	4	5
3	Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности – это их дело	1	2	3	4	5
4	Меня раздражает, когда я слышу, как иммигранты требуют тех же прав, что и граждане России	1	2	3	4	5
5	Мигранты имеют такое же право выбирать будущее России, как и люди, которые здесь родились и выросли	1	2	3	4	5
6	Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране	1	2	3	4	5
7	Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения	1	2	3	4	5
8	Некоторые люди справедливо занимают более низкое положение в обществе, чем другие	1	2	3	4	5
9	Чтобы преуспеть в жизни, иногда нужно «идти по головам»	1	2	3	4	5
10	Если бы отношение ко всем людям было равным, в нашей стране было бы меньше проблем	1	2	3	4	5
11	Очень важно, чтобы мы относились к другим странам как к равным	1	2	3	4	5

20. А. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5 (1 – абсолютно не согласен, 5 – абсолютно согласен).

1	В окружении людей разных национальностей российские дети вырастут без твердой культурной основы.	1	2	3	4	5
2	Я чувствую себя в безопасности в окружении людей разных национальностей	1	2	3	4	5
3	Иммиграция угрожает русской культуре.	1	2	3	4	5
4	В результате роста миграции русские потеряют свою культурную идентичность	1	2	3	4	5
5	В результате роста миграции в России увеличится безработица	1	2	3	4	5
6	Мы все выиграем от развития экономики в результате труда иммигрантов	1	2	3	4	5
7	Иммигранты отнимают рабочие места у местных жителей	1	2	3	4	5
8	Наличие иммигрантов не понижает уровень заработной платы	1	2	3	4	5
9	Нет причин утверждать, что наша страна плохо развивается потому, что в ней много разных этнических групп	1	2	3	4	5
10	Иммиграция способствует росту преступности в России (регионе)	1	2	3	4	5
11.	Иммиграция увеличивает социальное напряжение в регионе	1	2	3	4	5

В. Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5, где 1 означает – очень мала, 3 – нормальна (приемлема), 5 – очень велика.

Я думаю, что численность населения в России (регионе) сейчас   1   2   3   4   5

Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5 , где 1 означает – уменьшилась, 5 – увеличилась.

В будущем мне бы хотелось, чтобы численность населения в стране (регионе)   1   2   3   4   5

Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5 , где 1 означает– полное несогласие, 5 – полное согласие.

В целом, в России (регионе) слишком много иммигрантов   1   2   3   4   5

21. Теперь нам хотелось бы выяснить Ваше отношение к некоторым социальным группам. Просим Вас использовать шкалу, подобную термометру, для выражения вашего отношения. Этот термометр имеет деления от 1 до 100.

Если у Вас, в целом, благоприятное отношение к какой либо группе, Вы присуждаете ей любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и наоборот, при неблагоприятном отношении Вы присуждаете группе от 0 до 50 «градусов» (в соответствии со степенью Вашего неприятия). Нижеследующая шкала поможет Вам расположить группы в соответствии с Вашим отношением. Вы не ограничены в своем выборе и можете использовать любые оценки от 0 до 100.

Оцените, пожалуйста, этнические группы, проживающие в вашем регионе, согласно указанной шкале:

22. Как следующие утверждения соотносятся с Вашими представлениями о себе и о своей жизни?

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1. В целом, я удовлетворен собой	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. Иногда я думаю, что я вообще не являюсь хорошим человеком	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я считаю, что у меня есть хорошие качества.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Я чувствую, что мне особо нечем гордиться.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6. Иногда я ясно ощущаю свою бесполезность	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
7. Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
8. Мне бы хотелось, чтобы меня больше уважали	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
9. В целом, я склонен считать себя неудачником	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
10. Я хорошо отношусь к себе	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

23. Как следующие утверждения соотносятся с тем, что вы думаете о себе и своей жизни?

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1. Во многом, моя жизнь близка к идеалу	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. У меня отличные условия жизни	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я удовлетворен своей жизнью.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. У меня есть всё, что мне необходимо в жизни	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я не изменил бы в ней почти ничего	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

24. Как часто Вы чувствуете следующее:

	Ни- ко- гда	Ред- ко	Ино- гда	Час- то	Все- гда
1. Я чувствую усталость	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. Я чувствую боль в животе	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я чувствую головокружение и обморок	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. Я задыхаюсь (даже если меня ничто не стесняет)	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Я чувствую постоянную слабость	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6. Я напряжен и взвинчен	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

7.	Я ощущаю нервозность и внутреннюю дрожь	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
8.	Я чувствую беспокойство	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
9.	Я чувствую раздражение и досаду	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
10.	Я беспокоюсь о том, что со мной может случиться что-то плохое	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
11.	Я чувствую себя несчастным и грустным.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
12.	Мои мысли путаются	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
13.	Я постоянно обеспокоен	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
14.	Я чувствую себя одиноким, даже рядом с другими людьми	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
15.	Я потерял интерес к тому, чем раньше наслаждался	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

25. Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы испытываете в России (регионе) трудности в каждой из указанных областей.

Используйте оценки от 1 до 5: 1 - никаких трудностей; 2 - небольшие затруднения; 3 - умеренные трудности; 4 - серьезные трудности; 5 - чрезвычайные трудности

1.	Заводить друзей.	1	2	3	4	5
2.	Покупать (находить, доставать) продукты, которые Вы любите	1	2	3	4	5
3.	Следовать правилам и распоряжениям	1	2	3	4	5

4.	Иметь дело с представителями власти	1	2	3	4	5
5.	Пользоваться транспортом	1	2	3	4	5
6.	Взаимодействовать с чиновниками	1	2	3	4	5
7.	Добиться понимания	1	2	3	4	5
8.	Делать покупки	1	2	3	4	5
9.	Понимать шутки и юмор	1	2	3	4	5
10.	Находить жильё	1	2	3	4	5
11.	Находиться в общественных местах	1	2	3	4	5
12.	Общаться с людьми разных национальностей	1	2	3	4	5
13.	Понимать этнические и культурные различия	1	2	3	4	5
14.	Соблюдать свою религию	1	2	3	4	5
15.	Строить взаимоотношения с противоположным полом	1	2	3	4	5
16.	Найти свой путь в жизни	1	2	3	4	5
17.	Говорить о себе с другими людьми	1	2	3	4	5
18.	Жить в этом климате	1	2	3	4	5
19.	Взаимоотношения в семье	1	2	3	4	5
20.	Темп жизни	1	2	3	4	5

26. Прочитайте следующие утверждения и отметьте цифру, которая в наибольшей степени характеризует Вас (от 1 – неверно до 5 – абсолютно верно)

1.	Если это необходимо, я иногда говорю неправду.	1	2	3	4	5
2.	Я никогда не скрываю своих ошибок	1	2	3	4	5
3.	Были случаи, когда я использовал других в своих целях.	1	2	3	4	5
4.	Я всегда не выражаю нецензурно	1	2	3	4	5
5.	Я всегда следую законам, даже если вероятность быть пойманным очень мала	1	2	3	4	5
6.	Я нелестно отозвался о друге (подруге) за его (её) спиной.	1	2	3	4	5
7.	Когда я слышу, как люди обсуждают что-то по секрету, я стараюсь не подслушивать	1	2	3	4	5
8.	В молодости я иногда воровал	1	2	3	4	5
9.	Я никогда не мусорил на улице	1	2	3	4	5
10.	Я совершал поступки, о которых никогда никому не рассказывал	1	2	3	4	5
11.	Я никогда не беру вещи, которые мне не принадлежат.	1	2	3	4	5
12.	Я не сплетничаю о других.	1	2	3	4	5

Большое спасибо!

Приложение 2

Анкета для опроса инокультурных мигрантов

Дорогой друг!

Вы принимаете участие в международном исследовании, посвященном миграции и межэтническим отношениям в России. Пожалуйста, внимательно читайте инструкции к вопросам и отвечайте искренне и полно, не пропуская ни одного вопроса. Нам очень важно Ваше мнение по каждому вопросу.

1. Сколько Вам лет? _____

2. Ваш пол?

- Женский
- Мужской

3. Какое у Вас образование?

- Нет образования
- Учился в начальной школе, но не окончил
- Закончил начальную школу
- Учился в средней школе, но не окончил
- Общее среднее образование
- Неоконченное среднее специальное
- Среднее специальное (техникум, колледж)
- Неоконченное высшее
- Высшее
- Имею ученую степень
- Затрудняюсь ответить

4. Какую религию Вы исповедуете?

- Не исповедую никакой религии
- Иудаизм
- Протестантизм
- Ислам
- Католичество
- Буддизм
- Православие
- Индуизм
- Язычество, анимизм
- Другая религия _____
- Григорианство

Как бы Вы оценили уровень своей религиозности?

Я убежденный атеист _____ Безразличен к религии _____ Допускаю существование Высших Сил _____

Я верующий человек _____ Я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии _____

5. Ваша профессия (род деятельности)?

Работа не требующая квалификации (уборщик, грузчик, землекоп и т.д.).

Квалифицированный рабочий (техник, плотник, парикмахер, швея и т.д.).

Офисный работник, клерк, менеджер по продажам, секретарь, предприниматель малого бизнеса.

Специалист: врач, юрист, преподаватель, управляющий, администратор.

В настоящее время не работаю: безработный пенсионер домохозяйка студент

Если Вы сейчас не работаете, какова ваша обычная работа? _____

Другое (поясните): _____

Не знаю

6. Ваша собственность

У Вашей семьи есть телефон? Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть стиральная машина, микроволновая печь? Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть собственный автомобиль, фургон или грузовик? Да ___ Нет ___

У Вашей семьи есть компьютер? Да ___ Нет ___

7. Ваша национальность?

[Русский/ ая]

[Армянин/ ка]

Другая _____

Национальность Ваших родителей? (можете назвать до 3 национальностей для каждого из родителей):

Отца _____

Матери _____

8. Вы сейчас состоите в браке? Да ___ Нет ___

Если Вы сейчас не состоите в браке, раньше Вы были женаты (замужем)? Да ___ Нет ___

Ваш супруг (-а) Вашей национальности? Да ___ Нет ___

Если нет, то какой? _____

Если Вы не состоите в браке, хотели бы Вы создать семью с представителем своей национальности?

Да ___ Нет ___ У меня нет предпочтений в этом вопросе ___

9. Какое определение в наибольшей степени соответствует Вашему окружению?

Почти все вокруг меня – люди другой национальности

Большинство людей вокруг меня – другой национальности

Вокруг меня примерно поровну людей моей национальности и других национальностей

Большинство окружающих меня людей – моей национальности

Почти все люди вокруг меня – моей национальности

10. В какой стране Вы родились?

в России

В другой стране. Какой именно? _____

Если Вы родились в другой стране, жили ли Вы где-либо ещё до того, как переехать в Россию?

Да ___ Нет ___

В какой стране? _____

Если Вы родились в другой стране, в каком возрасте Вы переехали в Россию? В ___ лет

11. Далее идут вопросы о языках. При ответе на них, выберите наиболее подходящий вариант.

а. На каком языке Вы говорите дома?

	Никог- да	Ред- -ко	Поло- вину времени	Час- то	Всег- да
Я говорю на армянском языке	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я говорю на русском языке	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я говорю на местном диалекте русского языка	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

б. На каком языке Вы говорите в районе, населенном пункте, где проживаете (делая покупки и т.д.)

	Ни- ког- да	Ред- ко	Поло- вину време- ни	Час- то	Всег- да
Я говорю на армянском языке	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я говорю на русском языке	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я говорю на местном диалекте русского языка	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

с. Насколько свободно Вы:

	Нет	Не- много	Удовл- -но	Впол- не хоро- шо	В со- вер- шен- стве
(а) понимаете армянский язык?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(б) говорите на армянском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(с) читаете на армянском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(д) пишете на армянском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

д. Насколько свободно Вы:

	Нет	Немно- го	Удовл- но	Впол- не хоро- шо	В совер- шенст- ве
(а) понимаете русский язык?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(б) говорите на русском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(с) читаете на русском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
(д) пишете на русском языке?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

12. Несколько вопросов о Ваших друзьях и знакомых. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа.

а. Сколько у Вас близких друзей?

	Ни одного	Только один	2-3	Нес- колько	Много
Блиzkих друзей – армян	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Блиzkих друзей – русских	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Блиzkих друзей другой национальности ( )	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

б. Как часто Вы встречаетесь с

	Никог- да	Ред- ко	Иног- да	Час- то	Каждый день
Блиzkими друзьями - армянами?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Блиzkими друзьями - русскими?	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Блиzkими друзьями другой национально- сти (.....)	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

**13. Как часто Вы путешествовали в течение по-
следних 5 лет?:**

	Ни разу	Однаж- ды	Дваж- ды	Несколь- ко раз	Много раз
По своему ре- гиону	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
По своей стране	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
За границей	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

**Были ли эти поездки (отметьте все подходя-
щие варианты):** [ ] на отдых [ ] на учёбу [ ] по рабо-
те?

**В течение последних 5 лет сколько месяцев
всего вы провели вне места своего постоянного
проживания? _____ месяцев**

14. Люди могут осознавать себя по-разному. Например, они могут чувствовать себя представителями определенной этнической группы (например, татарами) и, одновременно, представителями своей страны, государства (например, россиянами). Следующие вопросы относятся к тому, как Вы себя ощущаете в этом смысле.

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее со- гласен	Абсолют. Согласен
a.					
b.					
c.					
d.					
e.					
f.					
g.					
h.					
i.					

неудобства

- j. Принадлежать к армянской культуре – счастью для меня [ ] [ ] [ ] [ ] [ ]
Мне приятно быть армянином [ ] [ ] [ ] [ ] [ ]
- k.

15. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие. Свободно используйте все цифры от 1 до 5 для определения разной степени вашего согласия или несогласия

1.	В этой стране есть место разнообразию языков и культур.	1	2	3	4	5
2.	Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне.	1	2	3	4	5
3.	Изучение других языков заставляет нас забывать свои культурные традиции.	1	2	3	4	5
4.	Меня мало беспокоит утрата моей культурной идентичности.	1	2	3	4	5
5.	Будучи россиянином, я ощущаю свою культуру в безопасности.	1	2	3	4	5
6.	Высокий уровень безработицы - серьезная причина для беспокойства	1	2	3	4	5
7.	Эта страна достаточно преуспевающая и богатая для того, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности.	1	2	3	4	5
8.	Высокие налоги не позволяют покупать предметы первой необходимости.	1	2	3	4	5
9.	Люди слишком много заботятся о материальных проблемах.	1	2	3	4	5

10.	Сегодня шансы человека прожить более безопасную и легкую жизнь выше, чем когда-либо прежде.	1	2	3	4	5
11.	Наше общество вырождается и, вероятно, скоро превратится в хаос.	1	2	3	4	5
12.	Сообщения о безнравственности людей в нашем обществе сильно преувеличены.	1	2	3	4	5
13.	Вероятность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится всё выше.	1	2	3	4	5

16. Оцените степень своего согласия со следующими утверждениями:

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее со- гласен	Абсолютно согласен
1. Я считаю, что армяне, живущие в России, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. Для меня не важно владеть в совершенстве ни армянским, ни русским языками	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я не хочу участвовать в деятельности как армянских, так и российских обществ	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только армяне	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Для меня важно владеть в совершенстве и армянским, и русским языками	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6. Я предпочитаю виды дея-					

	тельности, в которые включены только русские	☐	☐	☐	☐	☐
7.	Я считаю, что для армян не важно как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать русские	☐	☐	☐	☐	☐
8.	Для меня важнее владеть в совершенстве армянским языком, чем русским	☐	☐	☐	☐	☐
9.	Я считаю, что армяне, живущие в России, должны как придерживаться собственных культурных традиций, так и усваивать русские традиции	☐	☐	☐	☐	☐
10.	Я считаю, что армяне, живущие в России, должны усваивать русские культурные традиции и не поддерживать собственные традиции	☐	☐	☐	☐	☐
11.	Я предпочитаю иметь только русских друзей	☐	☐	☐	☐	☐
12.	Владеть в совершенстве русским языком для меня важнее, чем армянским	☐	☐	☐	☐	☐
13.	Я предпочитаю не иметь ни армянских, ни русских друзей	☐	☐	☐	☐	☐
14.	Я предпочитаю иметь в качестве друзей только армян	☐	☐	☐	☐	☐
15.	Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которые включены и армяне, и русские	☐	☐	☐	☐	☐
16.	Я предпочитаю иметь друзей как среди армян, так и среди русских	☐	☐	☐	☐	☐

17. Когда люди разных национальностей проживают совместно, они могут ощущать себя несправедливо притесняемыми. Следующие вопросы касаются подобных ситуаций.

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к армянам	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я чувствую, что русские меня не принимают	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Я чувствую, что русские что-то имеют против меня	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

18. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие.

1.	Нам следует признать, что культурное и расовое многообразие – фундаментальная характеристика Российского общества	1	2	3	4	5
2.	Мы должны помогать культурным и расовым меньшинствам сохранять своё культурное наследие в России	1	2	3	4	5
3.	Лучше всего для России было бы, если бы все люди забыли своё разное культурное и этническое происхождение как можно скорее	1	2	3	4	5
4.	Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем	1	2	3	4	5

5.	Единство страны ослабляется представителями разных этнических и культурных групп, живущими по своим традициям	1	2	3	4	5
6.	Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять для себя	1	2	3	4	5
7.	В обществе с разнообразием этнических или культурных групп гораздо больше проблем с национальным единством, чем в обществе с 1-2 основными культурными группами	1	2	3	4	5
8.	Мы должны стараться узнать больше о традициях и культурном наследии разных этнических групп, проживающих в нашей стране	1	2	3	4	5
9.	Иммигранты (представители этнических меньшинств) должны поощрять своих детей в сохранении культуры и традиций своей родины	1	2	3	4	5
10.	Люди, приехавшие в Россию (регион), должны изменить своё поведение, чтобы стать похожими на нас (россиян/местных жителей)	1	2	3	4	5

19. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие.

1.	Вступать в межрасовые/межнациональные браки – плохая идея.	1	2	3	4	5
2.	Люди других рас и национальностей не должны «лезть» туда, где их не хотят видеть.	1	2	3	4	5
3.	Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности – это их дело.	1	2	3	4	5

4.	Меня раздражает, когда я слышу, как иммигранты требуют тех же прав, что и граждане России.	1	2	3	4	5
5.	Мигранты имеют такое же право выбирать будущее России, как и люди, которые здесь родились и выросли.	1	2	3	4	5
6.	Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране.	1	2	3	4	5
7.	Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения	1	2	3	4	5
8.	Некоторые люди справедливо занимают более низкое положение в обществе, чем другие.	1	2	3	4	5
9.	Чтобы преуспеть в жизни, иногда нужно «идти по головам».	1	2	3	4	5
10.	Если бы отношение ко всем людям было равным, в нашей стране было бы меньше проблем.	1	2	3	4	5
11.	Очень важно, чтобы мы относились к другим странам как к равным.	1	2	3	4	5

20. А. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5 (1 – абсолютно не согласен, 5 – абсолютно согласен).

1.	В окружении людей разных национальностей российские дети вырастут без твердой культурной основы.	1	2	3	4	5
2.	Я чувствую себя в безопасности в окружении людей разных национальностей	1	2	3	4	5
3.	Иммиграция угрожает русской культуре.	1	2	3	4	5
4.	В результате роста миграции русские потеряют свою культурную идентичность	1	2	3	4	5

5.	В результате роста миграции в России увеличится безработица	1	2	3	4	5
6.	Мы все выиграем от развития экономики в результате труда иммигрантов	1	2	3	4	5
7.	Иммигранты отнимают рабочие места у местных жителей	1	2	3	4	5
8.	Наличие иммигрантов не понижает уровень заработной платы	1	2	3	4	5
9.	Нет причин утверждать, что наша страна плохо развивается потому, что в ней много разных этнических групп	1	2	3	4	5
10.	Иммиграция способствует росту преступности в России (регионе)	1	2	3	4	5
11.	Иммиграция увеличивает социальное напряжение в регионе	1	2	3	4	5

В. Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5 , где 1 означает – очень мала, 3 – нормальна (приемлема), 5 – очень велика.

Я думаю, что численность населения в России (регионе) сейчас	1	2	3	4	5
--	---	---	---	---	---

Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5 , где 1 означает – уменьшилась, 5 – увеличилась.

В будущем мне бы хотелось, чтобы численность населения в стране (регионе)	1	2	3	4	5
---	---	---	---	---	---

Для следующего утверждения используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 5 , где 1 означает – полное несогласие, 5 – полное согласие.

В целом, в России (регионе) слишком много иммигрантов	1	2	3	4	5
---	---	---	---	---	---

21. Теперь нам хотелось бы выяснить Ваше отношение к некоторым социальным группам. Просим Вас использовать шкалу, подобную термометру, для выражения вашего отношения. Этот термометр имеет деления от 1 до 100. Если у Вас, в целом, благоприятное отношение к какой либо группе, Вы присуждаете ей любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и наоборот, при неблагоприятном отношении Вы присуждаете группе от 0 до 50 «градусов» (в соответствии со степенью Вашего неприятия). Нижеследующая шкала поможет Вам расположить группы в соответствии с Вашим отношением. Вы не ограничены в своем выборе и можете использовать любые оценки от 0 до 100.

Оцените, пожалуйста, этнические группы, проживающие в вашем регионе, согласно указанной шкале:

БЛАГОПРИЯТНОЕ	100°	Чрезвычайно благоприятное	
	90°		
	80°		
	70°		
	60°		
	50°		
	40°		Ни благоприятное, ни неблагоприятное
	30°		
	20°		
	10°		
НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ	0°	Чрезвычайно неблагоприятное	

Вставьте до 10 национальных/региональных/этнических групп, , начиная с собственной

_____	_____
_____	_____
_____	_____
_____	_____
_____	_____
_____	_____
_____	_____
_____	_____

22. Как следующие утверждения соотносятся с Вашими представлениями о себе и о своей жизни?

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютн согласен
1. В целом, я удовлетворен собой	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. Иногда я думаю, что я вообще не являюсь хорошим человеком	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я считаю, что у меня есть хорошие качества.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Я чувствую, что мне особо нечем гордиться.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6. Иногда я ясно ощущаю свою бесполезность	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
7. Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
8. Мне бы хотелось, чтобы меня больше уважали	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
9. В целом, я склонен считать себя неудачником	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
10. Я хорошо отношусь к себе	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

23. Как следующие утверждения соотносятся с тем, что вы думаете о себе и своей жизни?

	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1. Во многом, моя жизнь близка к идеалу	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. У меня отличные условия жизни	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я удовлетворен своей жизнью.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. У меня есть всё, что мне необходимо в жизни	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я не изменил бы в ней почти ничего	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

24. Как часто Вы чувствуете следующее:

	Ни- когда	Ред- ко	Иног- да	Час- то	Все- гда
1. Я чувствую усталость	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
2. Я чувствую боль в животе	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
3. Я чувствую головокружение и обморок	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
4. Я задыхаюсь (даже если меня ничто не стесняет)	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
5. Я чувствую постоянную слабость	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
6. Я напряжен и взвинчен	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

7.	Я ощущаю нервозность и внутреннюю дрожь	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
8.	Я чувствую беспокойство	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
9.	Я чувствую раздражение и досаду	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
10.	Я беспокоюсь о том, что со мной может случиться что-то плохое	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
11.	Я чувствую себя несчастным и грустным.	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
12.	Мои мысли путаются	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
13.	Я постоянно обеспокоен	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
14.	Я чувствую себя одиноким, даже рядом с другими людьми	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]
15.	Я потерял интерес к тому, чем раньше наслаждался	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]	[ ]

25. Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы испытываете в России (регионе) трудности в каждой из указанных областей.

Используйте оценки от 1 до 5: 1 - никаких трудностей; 2 - небольшие затруднения; 3 - умеренные трудности; 4 - серьезные трудности; 5 - чрезвычайные трудности

1.	Заводить друзей.	1	2	3	4	5
2.	Покупать (находить, доставать) продукты, которые Вы любите	1	2	3	4	5
3.	Следовать правилам и распоряжениям	1	2	3	4	5
4.	Иметь дело с представителями власти	1	2	3	4	5
5.	Пользоваться транспортом	1	2	3	4	5

6.	Взаимодействовать с чиновниками	1	2	3	4	5
7.	Добиться понимания	1	2	3	4	5
8.	Делать покупки	1	2	3	4	5
9.	Понимать шутки и юмор	1	2	3	4	5
10.	Находить жильё	1	2	3	4	5
11.	Находиться в общественных местах	1	2	3	4	5
12.	Общаться с людьми разных национальностей	1	2	3	4	5
13.	Понимать этнические и культурные различия	1	2	3	4	5
14.	Соблюдать свою религию	1	2	3	4	5
15.	Строить взаимоотношения с противоположным полом	1	2	3	4	5
16.	Найти свой путь в жизни	1	2	3	4	5
17.	Говорить о себе с другими людьми	1	2	3	4	5
18.	Жить в этом климате	1	2	3	4	5
19.	Взаимоотношения в семье	1	2	3	4	5
20.	Темп жизни	1	2	3	4	5

26. Прочитайте следующие утверждения и отметьте цифру, которая в наибольшей степени характеризует Вас (от 1 – неверно до 5 – абсолютно верно)

1.	Если это необходимо, я иногда говорю неправду.	1	2	3	4	5
2.	Я никогда не скрываю своих ошибок	1	2	3	4	5
3.	Были случаи, когда я использовал других в своих целях.	1	2	3	4	5

4.	Я никогда не выражаюсь нецензурно	1	2	3	4	5
5.	Я всегда слеую законам, даже если вероятность быть пой- манным очень мала	1	2	3	4	5
6.	Я нелестно отозвался о друге (подруге) за его (её) спиной.	1	2	3	4	5
7.	Когда я слышу, как люди об- суждают что-то по секрету, я стараюсь не подслушивать	1	2	3	4	5
8.	В молодости я иногда воровал	1	2	3	4	5
9.	Я никогда не мусорил на улице	1	2	3	4	5
10.	Я совершал поступки, о кото- рых никогда никому не расска- зывал	1	2	3	4	5
11.	Я никогда не беру вещи, кото- рые мне не принадлежат.	1	2	3	4	5
12.	Я не сплетничаю о других.	1	2	3	4	5

Большое спасибо!

**Стратегии межкультурного
взаимодействия
мигрантов и населения России**

Сборник научных статей

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Л.А. Горovenko*
Компьютерная верстка *Т.А. Голубкина*
Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Подписано в печать 20.11.2009 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Усл.-печ. л. 24,6.
Заказ № 1088

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК